ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 1 ЯНВАРЬ 1989

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СКАЗКЕ

МОЖНО ЛИ ПРЕДСКАЗАТЬ БУДУЩЕЕ?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЕВТУШЕНКО

ЗА КУЛИСАМИ ВЛАСТИ

С Новым годом!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 1 (3206)

31 ДЕКАБРЯ — 7 ЯНВАРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотомонтаж Николая РАХМАНОВА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 12.12.88. Подписано к печати 27.12.88. А 10443. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 3 200 000 экз. Заказ № 3442.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

90022
Дорогие товарищи!
В ночь с 26 на 27 апреля 1937 г. в
г. Минске был арестован мой отец —
Сапрыцкий Оскар Абрамович, первый за-
меститель наркома земледелия БССР.
За несколько ме… до ареста его
отстранили от … исключили из
партии. Отец …
к нам, в дом …
тюрьма;
Здравствуйте, уважаемая редакция
журнала „Огонек"!
Пишет Вам жительница г. Петрозаводска
Ларина Елена. Пишу вот по какому поводу.
Месяц назад прочитала в вашем журнале
открытое письмо Игоря Ларионова тренеру
В. В. Тихонову.
9.6354
9.6356
Дорогие товарищи!
БОЛЬШЕ СОЦИАЛИЗМА —
БОЛЬШЕ ДЕМОКРАТИИ!
ПАРТИЙНОЙ
БЮРОКРАТИИ
— НЕТ!
1989

ВОСХОЖДЕНИЕ К ПРАВДЕ

Прожитый год завершился очень непросто. Катастрофическое землетрясение в Армении поставило нас перед лицом испытания, сравнимого только с военным. Перед бедой, последствия которой нам предстоит ликвидировать всенародно. И здесь по контрасту с мерзостью сумгаитской резни появилось то, что делает нас Союзом, то, что мы выстрадали, завоевали и бережем. Всемирно поучительны как трагедия в Закавказье, так и пути ее преодоления. Это урок для всех, он универсален, его надо глубоко и последовательно осмыслить.

И все же (это принципиально важно понять) сегодняшняя наша жизнь гораздо нормальнее, чем была пять, десять и тридцать пять лет назад. Многие столь неприятные нам сегодняшние нескладности поражают тем, что прежде мы привычно не реагировали на них, смирялись там, где надо бы не молчать. В нас прибавилось достоинства, мы стали нетерпимее к окрику, к доносу, к унижению. Оказывается, нормальная жизнь вполне возможна, просто к ней надо привыкнуть.

Крестьяне переходят на арендный подряд, и выясняется, что это лишь на пользу делу; и плакальщикам, пророчившим едва ли не возрождение капитализма в деревне, надобно поутихнуть. И рабочие голосуют против бездарных директоров в открытую, укрепляя, а не раскачивая свою, Советскую власть. В памяти у всех нас недавняя попытка пресечь подписку на популярные издания; в редакционной почте — письма о том, сколько приходилось переплачивать разного рода жуликам, чтобы выписать наш с вами «Огонек». Обошлось: и бумага сыскалась, и по киоскам, заваленным нераскупленными изданиями, видно, сколь велики резервы бумаги. А усилия страны по борьбе с пьянством, оказывается, необязательно сочетать с километровыми очередями за шампанским и пивом. И сахар в стране имеется в количестве, не дающем оснований для паники...

Постепенно проясняются авторитеты истинные и дутые, люди ощутили возможность выбора и все полнее используют ее. Отвергаемые продолжают стенать, пугая нас грядущими катастрофами, которые-де непременно случатся, если мы будем верны демократическим принципам.

Стране, быть может, придется пройти и через это. Через попытки фискалов снова строчить доносы, через усилия уже нахватавшихся хапнуть еще. Отступать они будут столь же позорно, как жили; у них нет других правил и иной морали. Очень важно, чтобы мертвые не хватали живых. Но это зависит от нас. Насколько мы с вами будем беспечны перед лицом совсем не такого уж безопасного и отнюдь еще не разгромленного противника. Нас не раз уже пытались и попытаются снова отсечь от нормальной жизни и нормальных критериев; застращать и не пустить. Говоря о невозможности поступаться идеалами, эта публика не допускает и мысли, что идеалы могут и должны очиститься, что существуют общечеловеческие ценности. Отделяясь от народа внутри страны и желая, чтобы народ наш был отделен от человечества, противники и недоброжелатели перестройки хорошо чувствуют себя лишь в мутной воде прошлого, сопротивляясь переменам изо всех сил.

Сегодня, особенно на фоне реальных трудностей, мы понимаем, насколько нам необходимо ощущение нормы, как важно одергивать тех, кто стремится внести в нашу жизнь сумятицу, объявив ее не следствием проводимой в прошлом политики или собственного служебного несоответствия, а продуктом перестройки и гласности. Неприятие демократических норм, попытки скомпрометировать и пресечь эти нормы — все это дело, увы, непреодоленное и нешуточное. Уверен, что и в новом году нам придется отстаивать курс на реализацию планов XXVII съезда и XIX Всесоюзной конференции КПСС, намеченные изменения глубоки, осуществлять их непросто.

Отступающие армии взрывают мосты. Мы с вами это видим: все логично. Хотя и не мы изобрели административную систему, но долго и снисходительно терпели, наблюдая, как она создает собственные инфраструктуры, которые хочет теперь отстоять. Никогда в жизни ни «Огонек», ни я лично не получали столько оскорблений; но никогда еще не было нам так ясно, что речь идет о необходимости защитить свои взгляды и завоеванные в нелегкой борьбе моральные ценности. Во все века, если, как говорится, нечем крыть, публика определенного сорта прибегала к единственному доступному ей средству — оскорбить оппонента.

Все победы, одержанные нами в последние, и особенно в минувший, годы, добыты на путях демократического развития. Трудно, но завоеваны. Убийственный урок для плакальщиков, видящих в демократии погибель то ли для всех народов, то ли для какого-то одного, то ли для нашей культуры. Давайте помнить, что те, кто срывается сегодня на крик, делают это от беспомощности. И вот единым потоком идут стенания некомпетентных экономистов, брань бездарных и от этого свирепеющих литераторов, разносы и окрики начальников, не умеющих аргументировать мысль. Атмосфера должна быть такой, чтобы крикуны замолчали, боясь превратиться во всенародное посмешище. Надеюсь, так и случится. Давайте размышлять, как мы дошли до жизни такой и как исправлять жизнь.

Исправление нашей собственной жизни неотделимо от попыток улучшить жизнь человечества. Но не насильственно улучшить, не осчастливить непонятливых, а сделать все для того, чтобы одно из всеобщих прав человека — право на жизнь — осуществлялось свободно и всемирно. Мы сокращаем армию, уничтожаем ракеты — и жизнь становится безопаснее; выступая недавно в ООН, М. С. Горбачев доказательно говорил именно об этой соединенности человека и человечества, о недопустимости расторжения людей и народов.

Не надо искать оправданий случившимся неудачам: надо анализировать их причины. Анализировать бесстрашно, в открытую, потому что наш опыт — и победный, и печальный — принадлежит всему человечеству. А человечество — имею в виду ту часть населения планеты, которая живо реагирует на новости повседневного бытия,— относится сегодня к нам лучше, чем за много последних десятилетий.

Мы, бесспорно, стали сильнее и авторитетнее в современном мире. Как ни парадоксально это звучит для иных ушей, но, сказав столько правды о своей истории, разоблачив столько несправедливостей, творившихся в ней, мы подняли авторитет собственной истории и страны. Уводя армию из Афганистана, мы повысили престиж и нашей армии, и державы. Прежнее начальственное убеждение, что исключительно звуки фанфар да бурные аплодисменты укрепляют веру и веселят душу, сегодня представляется по меньшей мере сомнительным.

Отрешение от стереотипов, столько нам навредивших в прошлом, лишь начинается. Мы учимся бесстрашно и ответственно говорить правду, научимся и постигать ее. Болтовней о том, что революционные идеалы разрушаются от критических выступлений прессы, занимаются те, кто боится этих самых идеалов, продолжая привычно отождествлять себя с народной властью. Сколько раз уже нам объясняли, кого следует критиковать, а кого нет, какие факты полезно оглашать, а какие вредно. В течение десятков лет нам внушали, что рассказ о некоем воображаемом труженике, совершающем без всяких проблем и раздумий трудовые подвиги во имя послезавтрашнего всеобщего счастья, создает в обществе необходимый оптимистический настрой. Зато откровенный рассказ о том, как нарушили справедливость, поворачивает, мол, людей «не туда» и вредит основам. Надо ли напоминать вам, как далеко мы ушли от этих циничных догм...

Осознание собственной вины обладает огромной очищающей, возрождающей силой. Это нельзя забывать и недопустимо недооценивать. Поскольку попрание этого чувства и неспособность к состраданию губительны и для общества, и для гражданина. Тезис академика Дмитрия Сергеевича Лихачева о покаянии, столь раздражающий многих, очень честен. Нам есть чем гордиться и есть о чем пожалеть. Землетрясение в Армении высветило нашу жизнь еще одной вспышкой. Да, мы великая страна. Да, мы великий народ. Но размышлять о том, как еще улучшить, очистить, нормализовать нашу жизнь, надо настойчиво, добросовестно и постоянно.

Мы вошли в важный год. Один из самых ответственных в нашей истории.

Виталий КОРОТИЧ

Дорогие читатели!

Поздравляя вас с Новым годом, мы от всей души благодарим за доверие: количество подписчиков «Огонька» составило в середине декабря 1988 года 3 082 811 человек. Мы все сделаем для того, чтобы наши с вами отношения были и в дальнейшем столь же доверительными и взаимно заинтересованными. В журнале разрабатывается целый ряд новых интересных рубрик, готовятся важные публикации, интервью, статьи. Одновременно с великой грустью сообщаем вам, что в розничную продажу «Огонек» будет поступать в микроскопических количествах — издательство «Правда» сообщило нам, что оно сейчас не в состоянии печатать «Огонек» в масштабах, определяемых реальным интересом к журналу. Поэтому выписывайте «Огонек», в течение года это разрешено. Мы, надеемся, будем вам интересны.

Недавно редакция «Огонька» была информирована, что в настоящее время издательство «Правда» не может печатать для нашего с вами журнала две цветные вкладки (на которых обычно мы публикуем цветные фото и репродукции картин) чаще, чем по праздникам, несколько раз в год. Поэтому в течение 1989 года, как правило, будет печататься лишь одна вкладка. Впрочем, нам были даны твердые заверения, что с первого квартала будущего года печатание журнала восстановится в прежнем объеме после получения и наладки соответствующих машин.

Мы чрезвычайно обеспокоены сложившимся положением, немедленно вступили в переговоры с другими издательствами, вошли в директивные органы с предложением о переводе «Огонька» на хозрасчет. Также мы ставим вопрос о формах компенсации читателям за недополученные ими в течение года вкладки.

Понимая сложность возникшей ситуации, мы сочувствуем и издательству «Правда», захваченному врасплох недирективно возросшим читательским интересом к «Огоньку». Надеемся, что по мере увеличения подписки (повторяем, она должна приниматься без ограничений) нам удастся полнее удовлетворять ваш интерес к журналу, а наш нынешний или будущий издатель будет неизменно видеть в удовлетворении этого интереса свой политический и служебный долг.

Редакция

— Мать Тереза, дайте мне ваше поучение.
— Раньше говорили о бедных, теперь говорят с бедными...
— Мать Тереза, милосердие в наших сердцах убывало и убывало, и так прошли десятилетия.
— Ты затрагиваешь самый важный вопрос.
— Другого у меня нет.
— Ты говоришь правильно и не знаешь пути?
— Я часто думаю о бедности своих усилий.
— Надо начинать с дома. Милосердие начинается в собственном доме. Молишься ли ты?
— Нет.
— Кто молится в твоем доме?
— Никто.
— ...
— Я знаю, как часто люди бывают разобщены в счастье, и как они бегут друг от друга даже в страдании. Не навсегда ли покидает человека милосердие?
— ...
— Даже страшное страдание может не примирить враждующих!
— Но ты, конечно, знаешь, что Добро родилось в Страдании?

Фото Вадима НЕКРАСОВА

МИЛОСТЬ СЕРДЦА

Нина ЧУГУНОВА

На третий день после землетрясения город Спитак снял видеокамерой любитель Вальтер Арамян. В Спитаке жил его двоюродный брат, директор лифтового завода. Его выбросило с третьего этажа, и он остался жив, но под рухнувшими стенами завода осталось семьсот человек.

На третий день Вальтер решил взять с собой видеокамеру.

Он снял пустую стену, оставшуюся стоять, как обелиск, посреди развалин, с настенными часами. Рухнуло все, вся жизнь рухнула, и Спитак был таким, каким мы все его увидели, а гвоздик, вбитый в стену, выдержал тяжесть настенных часов. Осыпался циферблат. Вальтер Арамян подошел к рыдающим людям и узнал, что за несколько минут до катастрофы бабушка, оторвав от себя ласкающегося внука, отправила его в квартиру родителей готовить уроки... Дом разломился пополам, и рухнула та часть дома, куда ушел мальчик. Вальтер снял этот дом.

Потом он увидел ребенка. Ребенок был один, одинокий. Никто не знал, кто он, живы ли родители. Вальтеру сказали: ребенка заберут в Ереван и разберутся, дадут объявление, будут ждать, не откликнутся ли родственники. Но Вальтер подумал, что это будет слишком долгий путь, и попросил окружающих разрешить ему взять ребенка с собой, чтобы он поводил его по улицам: вдруг случится чудо.

Мальчик был в теплой кофте и в шапочке. Он сказал Вальтеру, что его зовут Тарон.

— Тарончик, а как зовут твоего папу, твою маму? — спросил Вальтер.

— Липо,— подумав, сказал мальчик.

На улицах стояли кое-где ящики с конфетами. Вальтер зачерпнул горсть и дал ребенку. Мальчик взял конфеты. После Вальтер заметил, что конфеты в городе ели дети и измученные солдаты. Он думал: где был эпицентр? Может быть, в деревне Мец-Парни, которую он проезжал, увидев кладбище из крыш? Или в деревне Ширакамут?

Он ходил с мальчиком по городу, где умерли почти все. Те, кто остался, хватались за камни бывших домов руками и царапали землю. В одном месте у руин дома приборы показывали: есть живые. Но из-под обломков доставали мертвых. Вдруг выскочила из-под земли кошка и убежала. Тогда прибор замолчал. Больше живых не было.

— Ты знаешь, кто этот мальчик? — остановила Вальтера одна женщина.— Его дедушка и бабушка живут в деревне Сарамеч! А сами они жили здесь. Значит, их нет.

Вальтер пошел в Сарамеч. Вот что я теперь увидела на его пленке.

Женщина в платке. «Идите, вот его бабушка и дедушка!» «А матери нет?» — «Матери нет, она умерла».— «Кто это?» — «Это наш Тарончик, а матери нет». Все плачут. Выходит женщина. Она как будто танцует. «Идите все смотрите, там мой сын лежит, как король». Лицо ее каменное. «Идите все смотрите, там мой сын. Два дня назад ему сделали операцию на гландах, я волновалась, но врачи сказали, все в порядке. И вот я его взяла домой, привела домой, все пойдемте посмотрим, как он красиво лежит. Как король».

Несколько людей ведут молодого человека. Увидев мальчика, он ничком падает на камни. Камера скачет, переходя на гроб за забором, укрытый желтой тканью. Там лежит сын безумной матери.

Молодого мужчину поднимают плачущие люди. «Жизнь моя, ты нашелся»,— переводит для меня Вальтер.

Спитак, Ленинакан... В дни, когда я была там, в Ереване была теплая свежая осень, но в Спитак мы пробивались сквозь пургу. Сухой снег покрыл Спитак и Ленинакан и пятьдесят восемь деревень вокруг саваном, и в этот день должна была умереть последняя надежда на то, что под руинами еще кто-то жив. В этот день в Ленинакане откапывали только мертвых. Все мы видели этот город, заполненный гробами. Все мы видели костры и палатки, и я ничего нового не могу рассказать. Белье, развешанное на балконах внешне устоявших домов, производит на всех обманчивое впечатление вернувшейся жизни: первое, что хочется сделать,— вздохнуть радостно — люди вернулись. Люди не вернулись. Белье развешано накануне.

Но в Ленинакане есть люди, их много. Они — озябшие, бессонные, голодные, грязные — живые.

В Спитаке пусто. Я не помню ни одной краски сумеречного ненастного дня, когда метель сдвигала машины к краю дороги, к обрыву — только черный цвет крыш, только белый снег: без следов. В Ленинакане к этим двум цветам добавлен был красный — некоторые предприятия, срочно перешедшие на изготовление гробов, обшивали дерево кумачом.

«...ительности труда на 1%...»

Этот оборванный с двух сторон лозунг да еще провисающие занавеси, завязанные посередине узлом для красоты, мотающиеся в пустоте, вывернутая наружу отопительная батарея — все, что осталось от очень хорошей типографии номер четыре имени Г. Анесогляна, которую по своей должности зампреда Госкомиздата республики курировал Вальтер Арамян. Совсем недавно он направил сюда новое оборудование.

Да что там оборудование!..

В воскресенье, 18 декабря, в Ереван вылетела из Москвы Мать Тереза, настоятельница Ордена милосердия, лауреат Нобелевской премии мира, побывавшая в СССР в 1987 году.

С журналистами она встретилась в Шереметьеве, дав всем сразу одно интервью о том, что она уроженка города Скопле в Югославии, что Орден милосердия, возглавляемый ею, ставит своей целью помощь страждущим...

— Узнав о землетрясении в Армении, я испытала глубокую грусть,— заявила монахиня.

В Ереване она посетила больницу и встретилась с католикосом всех армян Вазгеном I, наутро отправилась к Николаю Ивановичу Рыжкову. Настойчивая и целеустремленная, она твердила о необходимости организации в Армении миссии Ордена. И хотя в Москве ее переговоры завершились решением пригласить для работы в одном из московских институтов, предположительно в институте спинномозговых травм, четырех монахинь на полгода, Мать Тереза вновь вернулась к своей теме во время встречи с Н. И. Рыжковым. Свидетели этого разговора подивились твердости характера, заключенного в столь хрупком существе...

Едва Рыжков произнес: да,— она принялась хлопотать о выяснении условий проживания монахинь, которые теперь должны прибыть в Армению. Должно быть приготовлено место, где спать, разумеется, при госпитале, также отдельно место для отправления молитвы...

Врач, сопровождавший Мать Терезу в этой поездке по поручению Советского комитета защиты мира, наше медицинское светило Левон Бадалян, не смог присутствовать на встрече Матери Терезы с Н. И. Рыжковым. Внезапно к нему обратилась пожилая женщина: четыре недели назад родился ребенок, ее внучка, девочка очень больна, помогите, проконсультируйте. Ни минуты не медля Бадалян, прилетевший в Ереван в черной пиджачной паре с трубкой и бритвенными принадлежностями в кармане плаща, отправился по этому вызову. Он успел тщательно осмотреть ребенка и вернуться ко времени назначенного выезда в Ленинакан. С Вальтером Арамяном он учился в одной школе. Они были друзья.

— Господь отвернулся от армян,— сказал Вальтер.

— Надо отдыхать,— сказал ему врач.

— Лева!..— сказал Вальтер.

Мне сообщили еще в Москве: Мать Тереза отказывается от бесед с журналистами. Короткое интервью в Шереметьеве — это все. Теперь мы ждали ее, чтобы ехать в Ленинакан.

— Дорогая,— сказала мне сотрудница Комитета защиты мира, находящегося в том же здании, где и какое-то атеистическое общество или комитет атеизма,— мест для журналистов в машине нет.

— Все будет в порядке,— сказал мне Бадалян.

Мы ждали в комнатке, где находились еще две молодые женщины. Одна была маленькая монахиня в одеждах, как у Матери Терезы, судя по всему, из Индии, другая назвала себя: Жаннет,— и монахиней, очевидно, не была, а состояла при Матери вроде бы секретарем. Жаннет стала объяснять мне:

— Не надо обижаться на то, что Мать Тереза не хочет ни с кем говорить. Ее мучает, когда за ней движется толпа. Разные люди, пытающиеся зафиксировать каждый ее шаг, создают ненужный шум. Она же хотела просто подойти к этим людям и пожать им руку.

Маленькая монахиня взяла мою ладонь, улыбаясь, спросила:

— Вы чувствуете, как вашей душе становится комфортнее?

И еще она сказала:

— Мы ухаживаем за конкретными людьми. Например, в США у нас есть восемь прокаженных, за которыми ухаживают монахини миссии.

— Это требует значительных усилий,— сказала я.

— Не надо думать, что материальных,— сказала маленькая монахиня.— Много ли может отдать один человек вещей? Много ли у тебя вещей? Много ли у меня вещей? Но душа! Достаточно лишь взять другого человека за руку, чтобы ему прибавилось сил. Да, ты отдаешь ему свои силы, ты тратишь свою жизнь на него, всю жизнь! — для многих это трудно.

Закутанная в белую и розовую ткань, она улыбалась, не выпуская моей руки.

— Это много,— снова сказала она,— взять за руку, посидеть, поговорить с человеком.

— Я не буду приближаться к Матери Терезе,— сказала я Жаннет,— но я лишь хочу там увидеть все ее глазами.

— Да,— согласилась Жаннет, грызя леденец,— люди смотрят на одно и то же. Но видят разное.

— И я хочу задать один вопрос,— сказала я.

— Может быть,— сказала Жаннет.

— Матушка, Мать Тереза! — воскликнула маленькая монахиня, срываясь с кресла и бросаясь почти что в ноги крохотной хрупкой старушке, которая, кивая и улыбаясь, появилась в дверях.

— Здесь был прекрасный многоэтажный дом.

— Здесь был прекрасный универмаг. В тот день, в ту минуту в нем находилось триста человек служащих и примерно пятьсот покупателей.

Под вывеской «Обувь» жгли костры и смотрели перед собой.

— Теперь смотри: памятник Исаакяну остался. Сидит, думает бедный Аветик Исаакян!

— Здесь была ткацкая фабрика...

Сохранился лозунг «Претворим в жизнь...». Сохранились плакаты.

— Здесь был прекрасный «Детский мир».

— Здесь была прекрасная школа. Через четыре минуты должна была начаться перемена, дети успели бы выбежать на улицу.

В уцелевшем ресторане было чисто, пусто, холодно. В углу сидели молодые ребята. Рядом с ними на стульях лежали шлемы, в которых работают спасатели. На столе — минеральная вода и хлеб. Рядом с музыкальными инструментами лежали счеты.

— Но все же город остался,— сказал врач.— Вот стоят дома, туф оказался прочен. Я вижу: стоят дома.

— Нет, Левон,— сказал Вальтер.— Это не живые дома.

— Но люди в них остались живы?

— Люди утром ушли из своих домов на работу...

— Их нельзя починить?

— Нет, Левон, нельзя. Это аварийные дома. Их придется разрушить до конца.

Машина с Матерью Терезой подъехала к каменной православной церкви, разбитой наполовину. Кто-то подбежал открыть дверцу машины, помочь ей выйти...

Но, глядя сквозь стекло на храм, она покачала головой.

Потом мы увидели, что машина с ней развернулась и двинулась назад, в Ереван, в Эчмиадзин... Следом ушли машины с официальными лицами.

Мы остались, чтобы увидеть Спитак. И мы увидели Спитак таким, каким я его уже описала и каким его видели все люди на телеэкране, в газете. Пустая земля и крыши.

На одиннадцатый день это было покрыто снегом, убившим надежду.

Левон Бадалян говорил мне, не поворачиваясь с первого сиденья:

— В силу своей профессии я понимаю, что может произойти в ближайшее время. Может начаться тяжелейшая эпидемия синдрома утраты. Это массовая депрессия, самоубийства, отчаянные поступки, вспышка наркомании и алкоголизма... Человек не сразу

понимает, что произошло с ним, с его семьей.

— В Ленинакане откопали женщину. Улыбаясь, она говорила: все хорошо, даже прекрасно, видите: я похудела, а раньше что только не делала, чтобы похудеть.

— Шок. Потом это сменится невыносимым горем, оцепенением, безнадежностью. Надо попытаться это предотвратить.

— Лева, скажи ей, что ты придумал,— посоветовал Вальтер Арамян, заслуженный инженер республики.

— Да,— сказал тот,— я расскажу. Я думаю, что надо немедленно организовывать специальный центр нервно-психической реабилитации. Я хочу этим заняться, но нужны особенные слова, чтобы заставить людей поверить, заняться жизнью.

— Лева,— тихо сказал Вальтер,— но за что?..

— Постой, прекрати,— воскликнул Левон.— Скажи лучше: земля здесь хорошая? Чем занять людей? Нужно срочно искать дело? Итак, земля хорошая?

— Плохая земля, Лева. Камни. Нам именно подходит слово «земледелец». Мы здесь делаем землю, носим камни. Ты видишь: одни камни.

— Тогда надо настроить ферм и заняться животноводством.

— Чем кормить? Эта земля пустая.

— Необходимо вытеснить страшные воспоминания, отодвинуть их важным занятием.

— Будут строиться города...

— Левон Оганесович,— спросила я Бадаляна,— почему сейчас нужно начинать разговор об организации психологической помощи пострадавшим? Почему раньше в этой помощи мы не нуждались? Совсем не было страдающих?

— Для того чтобы не прерывалось милосердие, надо было заботиться, в частности, о непрерывной жизни науки, занимающейся проблемами реабилитации человеческой психики в экстремальных условиях. Нам долго это не было необходимо, хотя отдельные люди всегда нуждались в психологической помощи.

— Считается, что время залечивает раны. Само.

— Нет, так считать преступно. Несчастье в таких ужасающих размерах не вытеснится из сознания само собой. Нужна научная помощь, обращенная к конкретным людям.

— Как это может выглядеть на практике?

— Как работа специальных консультаций, где с человеком, пережившим все это, прежде всего поговорят. Страшно, когда не к кому обратиться с единственной просьбой: выслушай меня...

— Вы говорите почти, как Мать Тереза.

— А нужна ли была эта поездка вам лично? — вдруг спросила я.

— Нужна. Мне надо было испытать сопричастность... впрочем, это все понятно.

На обратном пути он задремал, откинув седую голову. На пороге большого многоквартирного дома Вальтера Арамяна встретила похоронная процессия: один гроб и много скорбящих.

— Я не мог сегодня быть с вами, я был там, в Спитаке, в Ленинакане,— сказал Вальтер, обращаясь ко всем вполголоса.

Отец дал имя Вальтеру в честь друга, арестованного в тридцать седьмом году.

Жизнь должна быть непрерывна.

Ничто не должно уходить от нас навсегда.

Рука, держащая твою ладонь, не должна ослабевать.

Рука, держащая мою ладонь...

Жаннет с лицом учительницы, медсестры и сестры стоит позади Матери. Она рослая, а Мать маленькая, спрятанная в белые одежды, а на Жаннет замшевая юбка и теплая кофта. Мне сказали, что она американка, но она больше похожа на дочь Скандинавии. Мать сидит, сложив руки, и как бы удивленно смотрит, как ее фотографируют дюжие ребята в джинсовых куртках. За стенами — теплый дождь. Там автобусная остановка, люди ежатся, улыбаются, смотрят в небо. А в Спитаке все покрыто белым снегом, саваном, убившим самую слабую надежду, и в эту минуту Жаннет вдруг кивает мне, и я, пройдя два шага по ковру, вынуждена наклониться, а потом опуститься вовсе на колени, чтобы мое лицо и лицо Матери оказались на одном уровне. Камеры придвигаются к нам вплотную, и я чувствую, как придвигают и микрофоны... Я думаю: неужели это нисколько не задевает Ее, эти микрофоны, придвинутые к лицам, чтобы точнее записать сказанное вполголоса? Маленькая монахиня просила меня накануне: ничего не записывай! Почему же она сейчас не останавливает эти микрофоны?

— Я слушаю тебя.

— ...молишься ли ты?

— Нет.

— Мать Тереза, даже страшное страдание может не примирить враждующих!

— Но ты, конечно, знаешь, что Добро родилось из Страдания?

— ...чтобы после оставить страдающего?

— Нет, ты не права. Я была сегодня в госпитале и видела, какой заботой они окружены. Именно Великое добро родилось из Великого страдания. Я сказала, что милосердие начинается в собственном доме. Итак, сделай так, чтобы любовью и заботой были окружены все твои близкие. Знаешь ли, это нелегко.

— Я знаю. Мне это нелегко.

— Когда все в твоем доме станут любить друг друга, ты поневоле обратишься вокруг, с тем чтобы попытаться остальных сделать также любящими и счастливыми.

— Люди отводят руку, протягивающую помощь, человек ожесточается, и он хочет быть только одиноким!..

— Я повторяю тебе в который раз: возьми его за руку!

Ее ладонь, прижатая к ключице, к горлу, протягивается ко мне. И я повторяю этот жест, как заклинание.

— Вот еще что меня беспокоит...

— Говори смело.

— Страх. Мне кажется, что не у меня одной страх вытесняет веру в жизнь.

— Страх должен укрепить веру. Но что за страх, о котором ты говоришь?

— Постоянный страх за жизнь сына.

— Вот почему надо молиться. Сначала выучи хотя бы «Отче наш».

— Я знаю эту молитву.

— И повторяй вместе с сыном каждый день. Ты почувствуешь хорошие изменения в собственном сердце! Но и тогда страха не гони.

— Мать Тереза, у меня так мало сил!..

— И у меня мало сил. Никто из нас не имеет сил. Вот почему надо иметь чистое сердце.

— Как узнать, чисто ли сердце?

— Тебе не надо заботиться об этом.

— Я хочу знать.

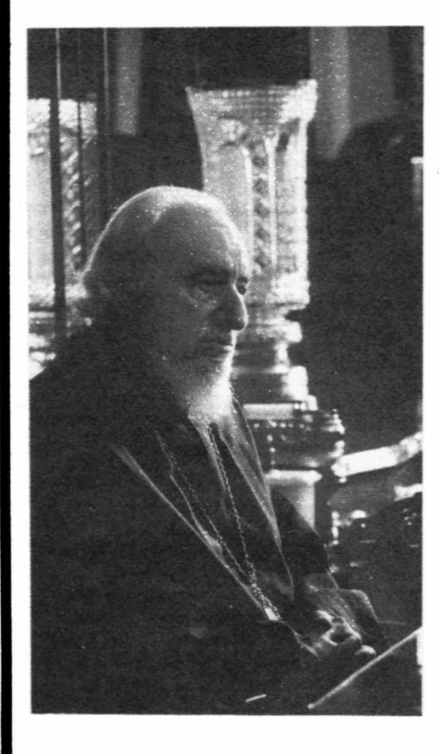
— Я говорю тебе: надо иметь чистое сердце, но не надо требовать себе доказательств его чистоты!

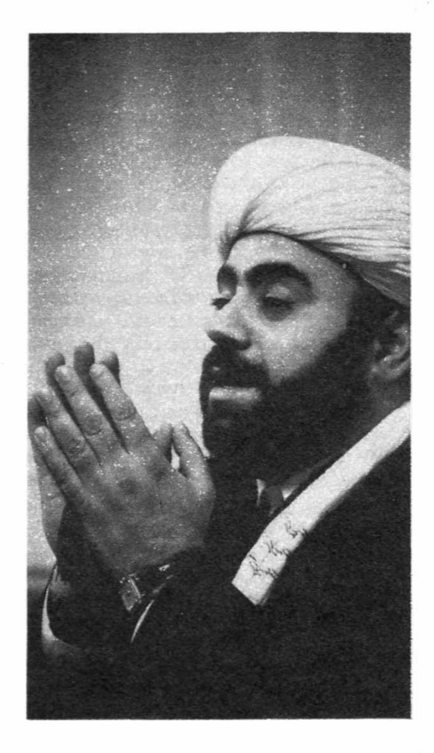
— Да. Я вижу, что другого пути нет у меня. Я вижу.

— Я буду молиться за тебя.

Мне доподлинно известно, что в воскресенье, 18 декабря, в маленькой церкви у станции московского метро «Сокол» была поставлена свеча во здравие Николая Ивановича Рыжкова. Свечу поставила русская женщина в возрасте Матери Терезы. Не хочется объяснять, чем мне нравится этот странный факт из истории армянского землетрясения.

На вопросы «Огонька» отвечают: Председатель Духовного управления мусульман Закавказья шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде и Верховный патриарх и католикос всех армян Вазген I

— Ваше Святейшество! Если бы у Вас была возможность встречи с шейх-уль-исламом, с каким предложением Вы смогли бы к нему обратиться?

Католикос всех армян Вазген I:

— Мы с ним друзья, неоднократно встречались ранее, особенно в Москве. Если была бы возможность новой встречи, мы бы прежде всего остановились на несчастье, постигшем наш народ. На враждебных проявлениях между нашими народами. И у нас было бы желание, чтобы эти явления никогда не повторялись. Нашей обязанностью было бы передать нашим народам стремление к братству, содружеству, интернационализму.

— Уважаемый шейх-уль-ислам! Хотели ли бы Вы при участии «Огонька» встретиться с католикосом всех армян Вазгеном I?

Шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде:

— Последняя наша встреча была в Ростове 4 мая. Там были представители и других религий. Но резонанса среди верующих, на который мы рассчитывали, она не дала.

Поэтому я предлагаю, чтобы следующая встреча с католикосом состоялась в Москве, на Центральном телевидении. Я хочу, чтобы это был откровенный дружелюбный разговор, и чем скорее, тем лучше.

Интервью специального корреспондента «Огонька» Георгия Рожнова с Верховным патриархом и католикосом всех армян Вазгеном I и Председателем Духовного управления мусульман Закавказья шейх-уль-исламом Аллахшукюром Паша-заде читайте в одном из ближайших номеров журнала.

НАША СТАТИСТИКА:
В 1987 г.
НА «ОГОНЕК» ПОДПИСАЛОСЬ
561 415 ЧЕЛОВЕК,
К НАЧАЛУ 1988 г.— 1 313 349,
А К НАЧАЛУ 1989 г.—
3 082 811 ЧЕЛОВЕК

●

В 1986 г. РЕДАКЦИЯ ПОЛУЧИЛА
15 372 ПИСЬМА,
В 1987 г.— 49 618,
В 1988 г.— 112 842 ПИСЬМА

АРЕНДА — ЭТО СВОБОДА ●
СУДИТЕ НАС ПО ДЕЛАМ НАШИМ ●
НЕ УСТАВОМ ЕДИНЫМ ●
ЕСЛИ ПИРОГИ ПЕЧЕТ САПОЖНИК... ●
ПРЕДЛАГАЮ РУБРИКУ ●
ПО СЧЕТУ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ ●

■

Не приходилось мне писать подобные письма, но вот обуздали мы вчетвером арендный подряд и, честное слово, прямо в пути у меня родилась песня. Работаем двумя парами водителей на одном автомобиле КамАЗ-5410 по 15 дней вахтовым методом. В автоколонну сдали два КамАЗа и работу, выполняемую ранее двумя машинами, сегодня выполняем одной. Заключили договоры на поставку углекислоты на 1989 год пяти предприятиям союзного значения с соответствующими обязательствами. Полный хозрасчет, полная самостоятельность. Графики выполняются, заработки выросли, все довольны. Мы — на седьмом небе!

Хочу через ваш журнал сказать спасибо начальнику отдела сбыта Щекинского ПО «Азот» В. А. Метелкину, начальнику Волжской автоколонны № 1539 А. М. Милованову, начальнику планового отдела этой же колонны В. Д. Бойко, которые охотно предоставляют нам свободу экономического развития.

Аренда, читай, свобода, воодушевляет на добрые дела! Вот послушайте, что мне сочинилось:

Нас в терроре убить не сумели,
Нас в застое убить не смогли.
Комиссарские куртки надели
И арендный подряд повели...

Коротко о себе: Войцехович Александр Иванович, родился в 1937 году в г. Толочин Витебской области. Образование 10 классов. В армии выучился на шофера и с 1957 года кручу баранку. Как вы уже поняли, работаю в Волжской АК № 1539 водителем.

А. ВОЙЦЕХОВИЧ
Волжский Волгоградской области

■

Не так давно резолюции наших собраний, конференций начинались словами: «Руководствуясь положениями и выводами из речи...». И мы стремились вперед, «руководствуясь»... и т. д. К чему это привело, сегодня хорошо известно.

За последние годы мы успели немного отдохнуть от цитатничества, праздной отчетности, рапортов и прочего славословия. Приобрели много новых качеств, стали говорить прямо и по существу. Именно поэтому неприятный осадок оставили выступления отдельных депутатов на сессии Верховного Совета СССР, в которых чувствовался старый стиль.

Дорогие товарищи, кому бы из нас ни была предоставлена трибуна, давайте говорить по делу, оставим дифирамбы, не будем зря тратить время. Сегодня оно особенно дорого. Его надо занимать на дела, ведь сколько их еще не решено. Наш народ в большинстве своем принял перестройку душой, дал хорошую оценку ее лидеру и ни к чему излишние призывы и общие слова. Настало время делать дело и судить нас по делам нашим.

Н. ЧЕРЕПАНОВ,
инженер
Омск

■

Учимся мы уже полтора года. Честно говоря, многие из нас успели разочароваться в будущей профессии. И не потому, что предстоит стать офицерами железнодорожных войск и служить далеко на БАМе или других отдаленных точках. Чувствуем, что из нас, если говорить откровенно, делают солдафонов с высшим образованием. Наше училище находится в Ленинграде, где множество памятников, музеев, театров. Представьте себе, ни разу не были в музее. В нашем взводе только трое ленинградцев. Приехав домой, отвечаешь с гордостью, что учишься в Ленинграде, в Петродворце, но рассказать-то нечего. Да о чем говорить, если на первом курсе запрещали художественную литературу читать. Не потому ли из наших высших военных училищ выходят офицеры, ограниченные духовно, замкнутые лишь на уставах, которые, кстати, не бог весть как выполняют и которые давно пора пересмотреть. Мы понимаем, что офицер — не кисейная барышня, что мы защитники Родины, готовим себя к этому, но все-таки, согласитесь, надо что-то менять в самой системе подготовки военных кадров, если настолько изменился моральный облик советского офицера.

ЛОСЬ, СМИРНОВ, ОБЛЕЩЕНКО, КУЛИКОВ и другие,
курсанты Ленинградского высшего Краснознаменного училища железнодорожных войск и военных сообщений имени М. В. Фрунзе

■

В. И. Ленин, М. С. Горбачев — юристы. И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев не только не юристы, но и юристов не терпели. Есть ли здесь закономерность, что юристы Ленин и Горбачев совершили каждый свою революцию, ведущую к законности, справедливости и правовому государству? Я считаю, что такая закономерность есть.

С большим уважением отношусь к людям труда: лучшие из них заслуживают самых высоких наград. Но не каждый только за производственные показатели должен быть депутатом. Когда в комиссии законодательных предположений вижу людей в основном рабочих профессий и лишь одного-двух юристов, то это не демократия, а игра в демократию. Вот и получается: «пироги печет сапожник...». В комиссии законодательных предположений должно быть больше юристов, в комиссии по сельскому хозяйству — больше работников сельского хозяйства. Мое мнение: не должно получиться так, чтобы при новой избирательной системе в законодательных органах юристов оказалось мало, чтобы не напринимали неспециалисты такие законы, когда один противоречит другому.

Лет десять назад я слушал выступление ответственного работника Президиума Верховного Совета СССР, и он сказал, что в идеале один из руководителей исполкома должен быть юристом. Золотые слова, но не больше. Более того, немало решений исполкомов могли бы украсить рубрику журнала «Крокодил» «Нарочно не придумаешь». Однако отношение руководителей всех рангов к юристам, особенно к адвокатам, остается негативным. И пока такое отношение сохранится, о правовом государстве говорить преждевременно.

П. МЕЛЬНИКОВ,
председатель райнарсуда
Киржач Владимирской области

■

Мне часто приходится проходить мимо памятника Н. В. Гоголю на бульваре его имени. Не собираюсь оценивать художественные достоинства и недостатки памятника, а вот о надписи на нем мне хотелось бы высказать свое мнение. На памятнике написано: «...Николаю Васильевичу Гоголю от правительства Советского Союза».

Что это, знак признательности? Если так, то почему от правительства, а не от народа? Может быть, правительство построило этот памятник на свои личные сбережения? И тогда народному правительству не стоило бы противопоставлять себя народу.

Р. ПИПКИН,
инженер
Москва

■

В районной больнице, куда я обратился, когда стал плохо слышать, мне дали направление в кабинет слухопротезирования в Краснодаре. В больнице Краснодара предъявил удостоверение участника войны. «Нет, это нам не надо, дайте пенсионную книжку и паспорт»,— сказали мне. Даю эти документы и неожиданно слышу: «Вы пенсионер-колхозник, вам аппарат будет стоить 40 рублей, бесплатно получают только городские пенсионеры». Ехал домой и думал: «Уплачу 40 рублей, а на что жить месяц? На 12 рублей? (Пенсия всего 52 рубля)».

Знал я, что к 40-летию Победы было решение прибавить пенсию участникам войны на 20 процентов. Время идет, пенсию не прибавляют. Я — в райсобес, а там отвечают: «Не положено, хоть участник войны, но вы — пенсионер-колхозник». А у меня трудовой стаж 46 лет. О какой социальной справедливости мы говорим, если для пенсионера-рабочего — одни условия, а для пенсионера-колхозника — другие?

И. ЗАХАРОВ,
участник войны
ст. Роговская Краснодарского края

■

В декабре прошлого года исполнилось 40 лет, как была принята Всеобщая декларация прав человека. М. С. Горбачев в выступлении в ООН дал ей высокую оценку. Не знаю, как обстоит дело в других учреждениях, но в моем вузе, Новосибирской государственной консерватории имени М. Глинки, среди знакомых мне сотрудников и студентов нет ни одного человека, включая и меня, кто был бы знаком с текстом этого документа. Уверен, что сегодня такое положение нельзя считать нормальным. Где можно ознакомиться с текстом этого, как мы все понимаем, весьма важного документа? Какое массовое издание собирается опубликовать его?

В. СТОРОЖУК,
кандидат искусствоведения, преподаватель консерватории
Новосибирск

■

Наступает год серьезных революционных преобразований. У нашей страны появился реальный шанс стряхнуть путы административной системы, если в Советах, и особенно в Верховном Совете СССР, окажутся люди смелые, глубоко порядочные и, конечно же, умные (а не хитрые).

Мы должны сделать все возможное, чтобы в Верховный Совет попали люди независимые и действительно достойные, доказавшие свое право на решение общегосударственных проблем на общее благо. Думаю, что это и наши знаменитые экономисты: Г. Попов, П. Бунич, Л. Абалкин, О. Лацис, В. Селюнин, Н. Шмелев, это и микрохирург С. Федоров, и писатели М. Шатров, Ч. Айтматов, и академик А. Сахаров, и режиссеры М. Захаров, Г. Товстоногов. Я, конечно же, назвал не все фамилии. Важно, чтобы избирался не просто хороший производственник, а человек активной жизненной позиции — позиции высокой нравственности и культуры. Он ведь будет определять нашу судьбу.

Думаю, что журнал «Огонек» должен открыть специальную рубрику: «Кандидаты в Советы народных депутатов СССР». А времени до выборов у нас осталось очень мало.

И еще, огромная просьба к тем, кого выдвинут люди,— не отказываться. Конечно, у каждого много личных проблем, но ведь мы понимаем, в какое переломное время живем,— сейчас и один голос может определить очень многое.

О. ВИДЬЕВ
Москва

■

Не проходит и дня, чтобы не попался в руки номер газеты или журнала, в котором представители какого-нибудь ведомственного клана не проливали бы горьких слез по поводу сложного финансового положения. То «Советский спорт» сетует на низкие доходы спортсменов, сравнивая их, естественно, с миллионами, которые плывут в карманы зарубежных «звезд». То рыдают писатели, художники, актеры. То ученые, вернувшись из зарубежного вояжа, недовольны малым количеством валюты, выдаваемой им на карманные расходы. Разговоры о нищете врачей, инженеров уже набили оскомину. Выяснилось, что и работники советского и партийного аппарата — люди с незначительным достатком. Конечно, в этих жалобах «что-то есть». Но взглянем и с другой стороны: каково читать эти жалобы миллионам жителей нашей страны, которые с трудом сводят концы с концами?

Я, например, инвалид III группы. Собес установил мне потолок заработка 130 рублей, плюс 30 рублей пенсию. Жена библиотекарь, проработала 30 с лишним лет. Зарплата ее 130 рублей. Как вы думаете, по карману ли нам зарубежный круиз? И что, кроме раздражения, может вызвать у нас недовольство посетителей Елисейских полей на дефицит франков? Или откровения молодого, здорового парня: «Вот, мол, пока в сборную входил — купался как сыр в масле, а теперь...» Тем более, что большинство советских людей, чьи судьбы не привлекают внимания средств массовой информации, весьма и весьма сегодня озабочены ростом цен.

Ю. ФРОЛОВ,
рабочий завода
Иваново

■

Знакомые с детства стихи про мыло душистое и полотенце пушистое, зубной порошок — ну просто перечень дефицита! С нехваткой полотенец мы за годы уже смирились, а вот с исчезновением мыла, зубной пасты, стирального порошка, представьте, никак смириться не можем. Сначала пропало мыло сказочных цен и названий, потом просто душистое, а сегодня нет даже самого простого — хозяйственного. Чем же, чем же умываться по утрам и вечерам среднестатистическому гражданину? Нынче Корней Иванович уже не написал бы своего Мойдодыра...

Куда же сплыло мыло? Я и мои земляки-саратовцы хотели бы это выяснить у работников торговли высшего эшелона. Типична ли эта ситуация для других городов или это только наша саратовская экзотика? И чем объясняется сложившаяся ситуация? Только ли любовью наших снабженцев к дефициту?

И. КРАЙНОВА,
мать двух давно не мытых детей
Саратов

■

В статье 43 Конституции СССР записано: «Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости...». Хорошее право закреплено Основным Законом.

На первый взгляд, и персональные пенсии за особые заслуги — тоже завоевание. Только вот вопрос: какое оно? Думается, что это завоевание административной системы. (Кстати, не закрепленное Конституцией, а отвоеванное теми, кому принадлежала эта система.) Ведь пенсии подобного рода назначаются по ходатайству организации или учреждения. Вроде бы народ просит отметить за особые заслуги его «слугу». А на самом деле ходатайствует узкий круг людей по принципу: ну как не порадеть родному человечку!

Думается, стоит опубликовать статистические данные о том, кому в стране назначен такой пенсион. Пока же возникает немало вопросов: сколько среди персональных пенсионеров рабочих и крестьян, то есть рядовых тружеников? Сколько беспартийных? И т. д. Статистика дала бы ответ на эти вопросы, и стало бы ясно, на какую социальную категорию распространяется особый порядок обеспечения в старости.

В последнее время немало руководителей союзного, республиканского, областного, да и районного масштаба отправили на пенсию. Наверное, большинству пенсия назначена не обычная, а за особые заслуги перед обществом... в период застоя! Выходит, что за большой вклад в развал экономики, культуры, социальной сферы эти люди получают за счет нас же вознаграждение. Не абсурд ли? Пусть о деятельности «прорабов застоя» трубят газеты, журналы. Что им глас вопиющего в пустыне? Когда безбедное существование обеспечено. Смеется, наверное, над всеми пишущими о жертвах сталинизма персональный пенсионер Каганович. Вряд ли посыпает голову пеплом, читая о смерти в тюрьме Худенко, персональный пенсионер Кунаев. Наверняка персональный пенсионер Медунов не скорбит о содеянном в Краснодарском крае. А жертвы их «творчества», имеют ли они персональные пенсии?

Такая вопиющая несправедливость заставляет поставить под сомнение массовый характер назначения персональных пенсий. Не стоит ли вообще отказаться от явления персональной пенсии?

За честный труд человек получает зарплату, за подвиги — награды, за социальную активность — авторитет. Персональная же пенсия — из ряда льгот (спецполиклиник, закрытых распределителей, буфетов, магазинов и т. д.), которыми административная система подкармливала своих верных оруженосцев, когда надо превращавшихся в опричников.

Если наше общество не может отказаться от такой формы поощрения, то давайте хотя бы расставим все точки над «i» — проведем гласно аттестацию персональных пенсионеров. Суд чести требует сделать так.

П. ДУЛЬКИН, член КПСС,
Г. КИСЕЛЕВ, член ВЛКСМ
Зеленоградск
Калининградской области

■

«В Советский фонд мира деньги обычно приходят почтовыми переводами... Чаще шлют 3 рубля, 5 рублей, 10, 20... Очень часто — рубли с копейками. Можно было бы написать отдельную статью о людях... чьи почтовые переводы в бухгалтерии фонда аккуратно наклеивают на страницы амбарных книг. Получилась бы статья, которая вызвала бы слезы у самого закаленного читателя: среди незримой колонны вкладчиков великое множество пенсионеров по возрасту и по болезни, вдовы, одинокие». Так пишет Вячеслав Басков в статье «Цена мира в рублях с копейками» в газете «Московские новости» 13 ноября прошлого года. Автор поднимает вопрос, над которым следует всерьез задуматься и разобраться.

На счет Советского фонда мира, который существует с 1961 года, поступили сотни миллионов рублей. Лишь в первой половине текущего года эти рубли и трояки сложились в сумму более 123 миллионов рублей. Но вот что удивительно: нигде, никогда и никто за 27 лет не объяснил вкладчику, какую же роль играет в конкретных делах борьбы за мир его вклад, как используются его святые рубли.

Фонд, оказывается, финансирует 17 общественных организаций, среди них Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, Ассоциация содействия ООН в СССР, Советский комитет ветеранов войны, Комитет советских женщин и другие. Правление Советского фонда мира не знает (и не пытается не только проконтролировать, но и выяснить), как используются народные деньги, передаваемые в эти организации по их запросам. Кто бы мог подумать, пишет в статье автор, что 17 общественных организаций, которые существуют за счет Советского фонда мира, не подотчетны тому, кто их финансирует.

Нет сомнений, что много полезного делается на эти средства для дела мира. Но всегда и везде ли именно так обстоит дело? Ведь есть примеры и иного характера.

...При открытии Советского детского фонда имени В. И. Ленина правление Советского фонда мира перечислило на его счет 120 миллионов рублей. Но, прямо скажем, все были потрясены, когда в «Советском спорте» прочитали, что роскошное веселье «Конкурс красоты» проводилось за всенародные пожертвования в Детский фонд. Не ведали наши девушки, что радовали они своей красотой... за деньги, предназначенные для детишек.

Вот почему мне хочется вынести на суд общественности следующие предложения. Первое. Просить Комитет народного контроля СССР провести проверку использования фондов — Советского фонда мира и Советского детского фонда — и о результатах проверки довести до сведения вкладчиков через печать. В дальнейшем следует создать при правлениях ревизионные комиссии. Второе. Обязать правления фондов ежегодно составлять отчеты об использовании средств, обнародуя их в печати.

В. КАРПИНСКИЙ,
ветеран войны и труда, член КПСС с 1944 года, ведущий научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института транспортного строительства, лауреат Ленинской премии

■

В корреспонденции «Неделя совести», опубликованной в № 48 вашего журнала, мы прочитали следующее: «Лина Дмитриевна Дубинина сообщает о судьбе немецких актеров-антифашистов из труппы «Колонна Линкс». С 32-го года они жили в Советском Союзе, снимались в фильме «Борцы». А затем всех участников «Колонны Линкс» посадили. И все копии фильма смыли. Каким-то чудом одна сохранилась и сейчас находится в ГДР».

Нам бы хотелось внести некоторые уточнения. Киноматериалы по советскому фильму «Борцы» находятся в Госфильмофонде СССР и полностью доступны исследователям, причем в двух версиях — на немецком и русском языках.

За последнее время широко распространилось мнение о том, что многие культурные ценности, в том числе кинематографические, были спрятаны на чердаках, закопаны в землю и лишь чудом уцелели. Разумеется, подобные случаи бывали, но истина в том, что подавляющее большинство запрещенных ранее ценностей спасали работники библиотек, музеев и архивов. Старые библиотекари могут рассказать множество историй о том, как они прятали книги, предназначенные к уничтожению. Если побеседовать с хранителями провинциальных музеев, то они поведают, как спасли произведения русского авангарда, не выполняя предписания верхов о «чистке» фондов: не хватало места для полотен Александра Герасимова и его последователей.

Что же касается фильмов, то действительно некоторые из них уцелели у частных лиц — честь им за это и хвала! Но подавляющее большинство запрещенных лент сохранил в своей коллекции Госфильмофонд СССР — от «Гвоздя в сапоге» М. Калатозова и «Строгого юноши» А. Роома до «Заставы Ильича» М. Хуциева, «Комиссара» А. Аскольдова, «Скверного анекдота» А. Алова и В. Наумова, «Интервенции» Г. Полоки, «Родника для жаждущих» Ю. Ильенко и многих других картин.

Что же касается «Борцов», то в ГДР действительно есть их копия. Ее получил в порядке обмена от Госфильмофонда СССР Государственный киноархив ГДР. Это вполне нормальный результат международного архивного обмена. И никакого «чуда» здесь нет.

М. СТРОЧКОВ,
директор Госфильмофонда СССР

■

Много лет я преподавала финнам русский язык на подготовительном факультете одного из ленинградских СПТУ. Нынешним летом по приглашению бывших учащихся побывала в Финляндии.

В Хельсинки, Тампере и других местах, где была, видела множество магазинов, в которых торговали старыми товарами, включая и мебель, и кухонную утварь, в весьма приличном состоянии, по очень низким ценам. Поначалу ошибочно приняла их за комиссионные (есть и такие в Финляндии). Но эти лавочки, как выяснилось, иного назначения. Люди несут сюда устаревшие или ненужные им вещи, ничего за них не получая. А вырученные от продажи (идет она бойко ввиду крайне низких цен) деньги поступают в фонд Красного Креста и различных благотворительных обществ.

Как хорошо было бы осуществить подобное у нас. Ведь, очевидно, у многих захламлены шкафы добротными, но разонравившимися вещами. При переезде в новую квартиру подчас не ведают, куда пристроить старую мебель. А если б знать, что все это можно отдать бесплатно для поддержки какого-либо фонда (у нас их сейчас много), с какой радостью освободили бы мы квартиры от мешающих вещей. Просто выбросить, честное слово, рука не поднимается: ведь кому-то это еще может пригодиться.

Существуют в Финляндии и магазины Красного Креста, для которых люди бескорыстно изготовляют различные поделки типа тех, которые мы видим на выставках народных студий во дворцах культуры: изделия из макраме, картины, мягкие игрушки, изделия из дерева, одежду, сшитую на курсах кройки и шитья.

Очевидно, после выставок все возвращается владельцам. Уверена, что многие из них передали бы свои выставочные экспонаты бескорыстно в магазины Красного Креста, если бы такие существовали у нас.

А, может быть, попробуем и мы повторить опыт финских друзей?

Л. БОГОПОЛЬСКАЯ
Ленинград

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ПРОШУ СЛОВА!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЮРИЮ БОНДАРЕВУ

Поверь, мне нелегко писать это: долгое время я считал тебя своим единомышленником. Более того — ты был моим кумиром, я боготворил тебя.

Нас сближало в первую очередь фронтовое братство, твои книги о войне были и моими книгами — обо мне, о нас,— правдивые и честные, образные и смелые. Мое преклонение перед тобой стало рассеиваться, когда я увидел тебя в деле, в работе, в отношениях к людям, когда мне пришлось работать под твоим руководством в еженедельнике «Литературная Россия», когда ты стал у власти Российского Союза писателей, когда ты «обременил» себя массой других должностей, званий, наград, премий и массой изданий. Ты выдержал испытание огнем на фронте, ты выдержал в какой-то мере испытание славой, но ты не выдержал испытание властью и свалившимся на тебя чрезмерным благополучием.

Пойми, дело не в моих обидах, дело, в том, какие цели ты при этом преследуешь, какой ты хочешь видеть газету, а точнее — какой ты хочешь ее **иметь**. А это уже далеко не мое личное дело, это касается общественности вообще и писательской в частности.

А цели твои будут ясны, если проследить твое «кураторство» над еженедельником на протяжении хотя бы последних пяти лет.

Заняв высокий пост в правлении СП РСФСР, ты прибрал к своим рукам всю полноту власти над всеми писательскими печатными органами РСФСР — издательствами, журналами, газетой.

Не знаю, как ты руководишь другими изданиями, зато я доподлинно знаю, как ты курируешь еженедельник «Литературная Россия»,— испытал это, как говорят, на собственной шкуре. Своим давлением на газету ты, по существу, замордовал ее, твои претензии, твое откровенное недоброжелательство к газете постоянно висят над ней.

В течение последних лет мелкими и крупными придирками и указаниями ты создал невыносимые условия жизни редакции.

Вот лишь некоторые примеры твоего «кураторства», лишь отдельные вехи твоего «руководства» газетой.

На второй месяц моего редакторства ты кричал и метал громы и молнии по поводу отчета с пленума правления СП РСФСР, на котором критиковался журнал «Наш современник»: «Зачем оставили в отчете эту критику? С кем согласовывали?» Кстати, отчет этот был согласован с председателем правления СП РСФСР, ты же в то время был в отпуске, на пленуме не присутствовал, тем не менее потребовал «такие вещи» впредь согласовывать с тобой, где бы ты ни находился.

Ты всякий раз возмущался, когда в газете появлялись имена критиков А. Бочарова, И. Дедкова и некоторых других, делал выговоры, заставлял их не печатать. И, наоборот, требовал публиковать В. Бондаренко, В. Коробова, А. Ланщикова, Н. Федя, А. Ларионова и других, которые славят тебя и нападают на твоих личных противников.

Во время своих встреч с избирателями, которые обставлялись как некие королевские выезды — с большой свитой писателей и корреспондентов, ты требовал от «Л. Р.» особого рвения. Помимо освещения этих поездок, корреспондент должен был всякий раз выстраивать твои путаные речи в стройную систему, переписывать их. А сам ты лишь капризничал.

Два года назад ты организовал обсуждение газеты на секретариате СП РСФСР, целью которого было разогнать неугодную тебе нынешнюю редакцию. По твоему сценарию и наущению газету на этом обсуждении громили все те же твои критики В. Бондаренко, В. Коробов, А. Салуцкий и другие: сплетни, брань были главными «аргументами». Заодно оклеветали даже Ч. Айтматова. Лишь вмешательство ЦК КПСС и СП СССР спасло тогда газету от разгрома.

Каплей, переполнившей твое терпение тогда, послужило то, что редакция «Л. Р.» отвергла статью Н. Федя, в которой тот давал неубедительную отповедь И. Дедкову за критику в твой адрес. Не с твоего ли благословения статья эта была потом опубликована в «Нашем современнике» (№ 11, 1986)?

Чтобы придать видимость системы обсуждений, ты провел вслед за этим еще два. Но что это за обсуждения! Издательство «Современник» лишь слегка пожурили за некоторые упущения, а журналу «Наш современник» без зазрения совести ты просто устроил настоящий бенефис. Сколько елея, сколько патоки было пролито в тот день в конференц-зале на Комсомольском проспекте! То-то любимое, то-то послушное и отзывчивое детище!

Сейчас, когда в печати все чаще появляются критические статьи в адрес «неприкасаемых» писателей, в том числе и в твой, ты с особым рвением пытаешься подмять газету под себя: она нужна тебе как рупор, пропагандирующий твои, мягко скажем, не очень прогрессивные идеи, как орган, который защищал бы тебя и твою группу от критики, обличал и обливал бы грязью твоих противников. Ты хочешь превратить газету в орган быстрого реагирования на критику в ваш адрес в других изданиях. Редакция пытается сопротивляться, и это тебя особенно злит.

На каких позициях ты стоишь, это уже ни для кого не является секретом.

На секретариате правления СП РСФСР ты сравнил нынешнюю ситуацию в литературе с положением, которое создалось «в июле 1941 года, когда прогрессивные силы, оказывая неорганизованное сопротивление, отступали под натиском таранных ударов цивилизованных варваров», и если «не наступит пора Сталинграда — дело кончится тем», что «национальные ценности... будут опрокинуты в пропасть».

На секретариате правления СП СССР в январе прошлого года ты заявил, что чувствуешь дым подожженного рейхстага, что до Волги осталось всего двести метров. Этот «дым» — статья Н. Ильиной в «Огоньке», в которой она корила Н. Федя за то, что он вознес тебя в «Нашем современнике», поставив рядом с Горацием и Шиллером. Ты обиделся на Ильину: как она посмела оспаривать столь очевидную истину! А после требовал напечатать в «Л. Р.» слабую и бранчливую статью Н. Кавелашвили. В конце концов ты с большим трудом согласился с отказом редакции, но потребовал организовать все-таки статью-отповедь Ильиной. Такая статья была организована, но она тебя не удовлетворила: она была слишком умеренной. Кстати, не твоими ли стараниями статья Н. Кавелашвили опубликована в журнале «Молодая гвардия» (№ 8, 1988)?

На XIX Всесоюзной партконференции обстановку в стране ты уподобил самолету, который взлетел, но не видит площадки, куда приземлиться, предрекая катастрофу.

Нет нужды напоминать о других такого рода твоих «пророчествах».

На последней акции особо следует остановиться: имею в виду декабрьский пленум СП РСФСР, где твоя режиссерская рука, как и на рязанском секретариате, чувствовалась во всем: на пленуме звучали все те же экстремистские речи, грубые нападки на твоих врагов, брань в адрес «Коммуниста», «Знамени», «Огонька», других изданий, к которым твои «боевики» добавили и «Литературную Россию».

Уж как били еженедельник! Особенно за то, что он перепечатал из теоретического журнала ЦК КПСС «Коммунист» редакционный комментарий «Старые мифы, новые страхи»! Какая брань неслась с трибуны, какие странные, если не сказать — страшные, аргументы выдвигались! Даже назвали газету «антирусской». «Газета не выражает интересы российских писателей»,— утверждал В. Белов, а В. Сидоров пошел совсем за пределы мыслимого, заявив, что русское слово вообще «находится еще под тяжелым прессом, а в ряде случаев и под полным запретом» (?!). Всех откровеннее был В. Личутин, который прямо посоветовал мне «...позвонить председателю Союза и сказать: «Я ухожу из вашей паршивой газетенки, потому что все ваши идейки, ваши профашистские, шовинистические и т. д. идейки мне отвратительны». Что тут скажешь? Идейки эти и впрямь отвратительны. Но в том-то и дело, что, оберегая «газетенку» от подобных идек, мы в редакции вовсе не считаем ее паршивой и не хотим, чтобы она стала чьей-то — «вашей» или «нашей»,— она должна следовать идеям партии, служить перестройке, способствовать консолидации писательских сил.

Показательно и то, что и А. Салуцкий, и В. Личутин, и А. Ларионов стали секретарями правления СП РСФСР. Собираешь под свое крылышко?

Ты прямо и косвенно сковываешь работу редакции: с одной стороны, рекомендуешь неприемлемое, а с другой — плетешь постоянные интриги, убеждая людей в различных инстанциях в необходимости разгона редакции «Л. Р.», демагогически подавая это как твою заботу о перестройке.

А между тем следует заметить, что за все время своего «кураторства» ты ни разу не встретился с коллективом редакции, на все приглашения прийти на наши собрания ты высокомерно отмалчивался и не приходил, и продолжал командовать по телефону или вызывая к себе в кабинет.

Беря с тебя пример, другие писательские руководители постоянно стремятся командовать газетой! И что любопытно — окрики эти бывают, как правило, по тем публикациям, которыми редакция гордится, которые были замечены и одобрены читателями. Это статья Г. Куницина «Пришло ли времечко?», рассказ Ю. Гончарова «Хлеб наш насущный», статья Д. Фельдмана «До и после ареста», статья «Старые мифы, новые страхи» из «Коммуниста».

На пользу дела, да и в духе времени нужно было бы раскрепостить газету от мелочных дерганий, чтобы она могла свободно дышать в пору гласности и демократии. Логичным было бы освободить редакцию от такого «кураторства», от такого административно-бюрократического метода руководства прессой, который ныне явно безнадежно устарел и служит лишь тормозом на путях перестройки.

Трудно жить коллективу «Л. Р.» в такой обстановке, трудно обрести свое лицо газете, которую «пасет» такая цензура, как твоя, пожестче той, что насаждалась государственно в самые застойные времена. Если та за последнее время стала более умеренной, охраняет только то, что ей предписано охранять, то твоя, бондаревская, наоборот, ужесточилась — стала более бдительной, более ревнивой и нетерпимой, чем была даже раньше. Не пора ли освободить редакцию от твоих наручников, от твоих тяжелых групповщинных вериг?

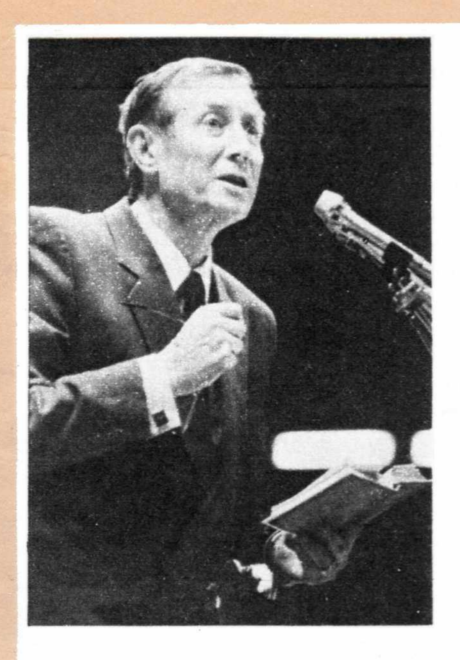
Выполнение твоих рекомендаций противоречит тому, чем живет сейчас общественность и чего ждет советский читатель.

Речь идет не о бунте редактора или в целом редакции против своего штаба — коллектив понимает, чьим органом является еженедельник, он готов следовать разумному руководству со стороны секретариата, правления СП РСФСР, но ему надоел диктат одного из секретарей, узурпировавшего власть в Российском Союзе писателей, поскольку твой диктат направлен исключительно на утверждение узкогрупповых интересов.

Неужели ты не видишь, что силы, которые ты возглавляешь и вдохновляешь и которые вдохновляют тебя, ведут к анархии, а в литературном мире — к расколу писателей и непримиримости.

Продерись сквозь толпу подхалимов и оглянись. Оглянись и подумай: там ли ты воюешь, за те ли идеалы, которые пойдут на пользу народу, не сеешь ли ты, проповедник добра на словах, семена зла на деле, семена подозрительности и вражды?

Михаил КОЛОСОВ,
главный редактор
«Литературной России».

Евгений ЕВТУШЕНКО

Какой лучший новогодний подарок может сделать поэт своим читателям? Конечно, новые стихи. Но в данном случае это будут новые для читателя, но все-таки старые стихи. Своеобразный термин: «новые старые стихи». У каждого из этих стихотворений особая судьба. Но сначала о судьбе собственной. Она сложилась так, что мне грех жаловаться на жизнь. Несмотря на всеобщую, а подчас и особо пристальную ко мне цензуру, мне удалось еще до XX съезда напечатать поэму «Станция Зима», а затем «Бабий Яр» и «Наследники Сталина». В 1987 и 1988 годах журнал «Знамя» наконец опубликовал двадцать лет пролежавшие стихи «В ста верстах», «Письмо Есенину» и другие. Гласность подарила этим стихам новую печатную жизнь. Однако меня, признаюсь, мучило, что в моем архиве до сих пор лежат стихотворения, которые я сам считаю значительными в моей гражданской и политической жизни.

Эти стихи я никогда не прятал, но очень редко читал их публично. И не давал никому в руки не из трусливых соображений, что мне от кого-то попадет, а потому, что до гласности они могли стать предметом политических спекуляций. Честно говоря, не хотелось мне услышать боль мою, прежде всего адресованную соотечественникам, в заграничной радиоинтерпретации, как это иногда бывает. Теперь, с развитием гласности, стихи эти перестали быть сенсационными, зато приобрели ценность исторических документов.

Стихотворение «Русское чудо», понимая, что его нелегко будет напечатать, я послал А. Н. Косыгину. Он через некоторое время мне позвонил и сказал, что стихи его тронули до слез, что он читал его вслух дома своей семье, но что он не может помочь мне с публикацией. Продуктовые сертификатные магазины вскоре закрыли, однако до сих пор в нашей стране существует валютная раздвоенность. (Это ли не унизительно для страны и народа?)

Стихотворение «Афганский муравей» я написал в 1983 году и читал его лишь в самых интимных аудиториях. Однако у кого-то оказалась хорошая память (или спрятанный магнитофон), и недавно мне привезли из Афганистана на кассете трогательную солдатскую песню под гитару — на эти мои слова. Я рад тому, что наши ребята возвращаются наконец из Афганистана, день, когда наш последний солдат покинет афганскую землю, будет долгожданным днем для всех нас.

«Балладу о большой печати» я написал в 1966 году во время плавания по Лене. Вся эта история не анекдот, а действительно произошла на берегах Лены в середине тридцатых. Я надеюсь, что читатели «Огонька» за несколько ерническим тоном стихотворения угадают политическую сатиру на добровольную самокастрацию незадачливых доносчиков. Это стихотворение нравилось Корнею Чуковскому.

Итак, представляю на суд читателей «Огонька» эти три стихотворения, в которых многое, к счастью, для нашего времени потеряло актуальность. Тем не менее сами стихи, надеюсь, не потеряли смысла, все они — штрихи к портрету определенного периода нашей истории.

Автор

К портрету времени

АФГАНСКИЙ МУРАВЕЙ

Русский парень лежит на афганской
земле.
Муравей-мусульманин ползет
по скуле.
Очень трудно ползти... Мертвый
слишком небрит,
и тихонько ему муравей говорит:
«Ты не знаешь, где точно скончался
от ран.
Знаешь только одно — где-то рядом
Иран.
Почему ты явился с оружием к нам,
здесь впервые услышавший слово
«ислам»?
Что ты дашь нашей родине —
нищей, босой,
если в собственной —
очередь за колбасой?
Разве мало убитых вам,—
чтобы опять
к двадцати миллионам еще
прибавлять?»

Русский парень лежит на афганской
земле.
Муравей-мусульманин ползет
по скуле,
и о том, как его бы поднять,
воскресить,
муравьев православных он хочет
спросить,
но на северной родине сирот и вдов
маловато осталось таких муравьев.

1983

РУССКОЕ ЧУДО

Есть в Москве волшебный гастроном.
Пол — ну хоть катайся на коньках.
Звезд не сосчитает астроном
на французских лучших коньяках.
Просто — без нажатия пружин
там, как раб, выскакивает джин.
Там и водка — не из чурбаков.
Вся в медалях — словно Михалков.
Ходит шеф с трясущейся губой:
«С тоником сегодня перебой.
Кока-колы, извините, нет.
Запретил цензурный комитет.
Ну а в остальном, а в остальном...» —
Он рукой обводит гастроном,
принимая вдохновенный вид,
словно он по коммунизму гид.
В коммунизме — мощный закусон!
Как музейный запах — запах семг,
и музейно выглядит рыбец,
как недорасстрелянный купец.
У дверей в халате белом страж.
У него уже приличный стаж,
Но, к несчастью, при любом вожде
стражу тоже нужно по нужде.

Ну а тетя Глаша мимо шла.
Видит — магазин, да и зашла.
Что за чудо — помутился свет:
есть сосиски, очереди нет.

«Вырезка» — на мясе ярлычок.
Как бы не попасться на крючок.
Ведь она считала с давних лет —
вырезки есть только из газет.
Тетю Глашу пошатнуло вдруг,
и авоська выпала из рук.
Перед нею рядом, в трех шагах
вобла, как невеста в кружевах.
Тетя Глаша — деньги из платка:
«Вот уж я умаслю старика...»,
но явился страж и, полный сил:
«Есть сертификаты?» — вопросил.
Та не поняла: «Чего, сынок?»
А сынок ей показал порог.
Он-то знал, в охранном деле хват,
пропуск в коммунизм — сертификат.
И без самой малой укоризны
выстуженной снежною Москвой
тетя Глаша шла из коммунизма
сгорбленно, с авоською пустой.
И светила ей виденьем дальним
вобла сквозь хлеставшую пургу,
как царевна, спящая в хрустальном,
высоко подвешенном гробу...

1968

БАЛЛАДА О БОЛЬШОЙ ПЕЧАТИ

На берегах дремучих ленских
во власти глаз певучих женских,
от приключений деревенских
подприуставв конце концов,
амура баловень везучий,
я изучил на всякий случай
терминологию скопцов.
Когда от вашего хозяйства
отхватят вам лишь только что-то,
то это, как ни убивайся,
всего лишь малая печать.
Засим имеется большая,
когда, ничем вам не мешая,
и плоть, и душу воскрешая,
в штанах простор и благодать.
Итак, начну свою балладку.
Скажу вначале для порядку,
что жил один лентяй — Самсон.
В мышленьи — общая отсталость,
в работе — полная усталость,
но кое-что в штанах болталось,
и этим был доволен он.
Диапазон его был мощен.
Любил в хлевах, канавах, рощах,
в соломе, сене, тракторах.
Срывался сев, срывалась дойка.
Рыдала Лизка, выла Зойка,
а наш Самсон бессонный бойко
работал, словно маслобойка,
на спиртоводочных парах.

Но рядом с нищим тем колхозом
сверхисторическим курьезом
трудились впрок трудом тверезым
единоличники-скопцы.
Сплошные старческие рожи,
они нуждались не в одеже,
а в перспективной молодежи,
из коей вырастут надежи —
за дело правое борцы.
И пропищал скопец верховный:
«Забудь, Самсон, свой мир
греховный,
наш мир безгрешный возлюбя.
Я эту штучку враз оттяпну,
и столько времени внезапно
свободным станет у тебя.
Дадим тебе, мой друг болезный,
избу под крышею железной,
коня, коров, курей, крольчих
и тыщу новыми — довольно?
Лишь эту малость я безбольно
стерильным ножичком чик-чик!»

Самсон ума еще не пропил.
Был у него знакомый опер,
и, как советский человек,
Самсон к нему: «Товарищ орган,
я сектой вражеской издерган,
разоблачить их надо всех!»

Встал опер, свой наган сжимая:
«Что доказать скопцы желают?
Что плох устройством белый свет?
А может,— мысль пришла
тревожно,—
что жить без органов возможно?»
И был суров его ответ:
«У нас, в стране Советской, нет!»

В избе, укрытой темным бором,
скопцы, сойдясь на тайный форум,
колоратурно пели хором,
когда для блага всей страны
Самсон — доносчик
простодушный —
при чьей-то помощи радушной
сымал торжественно штаны.

И повели Самсона нежно
под хор, поющий безмятежно,
туда, где в ладане густом
стоял нестрашный скромный
стульчик,
простым-простой, без всяких
штучек
и без сидения притом
(оставим это на потом).

И появился старикашка,
усохший, будто бы какашка,
Самсону выдав полстакашка,
он прогнусил: «Мужайсь, родной!»,
поставил на пол брус точильный
и ну точить свой нож стерильный
с такой улыбочкой умильной,
как будто детский врач зубной.

Самсон решил, момент почуя:
«Когда шагнет ко мне, вскочу я
и завоплю что было сил!» —
но кто-то, вкрадчивей китайца,
открыв подполье, с криком:
«Кайся!»
вдруг отхватил ему и что-то,
и вообще все отхватил.
И наш Самсон, как полусонный,
рукой нащупал, потрясенный,
там, где когда-то было то,
чем он, как орденом, гордился
и чем так творчески трудился,
сплошное ровное ничто.
И возопил Самсон ужасно,
но было все теперь напрасно.
На нем лежала безучастно
печать большая — знак судьбы,
и по плечу его похлопал
разоблачивший секту опер:
«Без жертв, товарищ, нет борьбы».

Так справедливость, как Далила,
Самсону нечто удалила.
Балладка вас не утомила?
Чтоб эти строки, как намек,
здесь никого не оскорбили,
скажите — вас не оскопили?
А, может, вам и невдомек?

1966

В последние годы все больший размах, особенно в районах нефтяного Севера, приобрел так называемый «вахтовый метод» работы. Чем он оборачивается для дела, для самих рабочих? Вот и Новый год, праздник, который принято встречать в кругу семьи, вахтовики встречают вдали от дома, родных и близких.

ДИКТАТ В

Федор СИЗЫЙ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

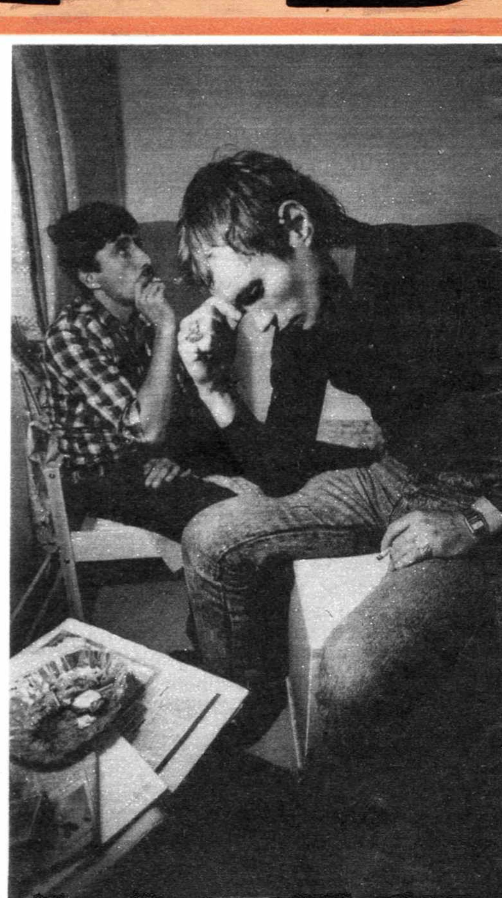
Не могу забыть давний урок словесности. Мы штудируем кого-то из живых классиков. Стихи о том, как хорошо работают шахтеры, как заботится о них Советское государство и какие прекрасные условия созданы для их нелегкого, но почетного труда. Тогда я впервые нагрубил учительнице, не сдержался. Ведь именно в то самое время после обвала в самой современной, как уверяла литераторша, шахте мира мой отец лежал пластом на больничной койке.

Долго мы были в плену иллюзий и догм. Строили БАМ, тратили миллиарды на пустопорожние проекты, осваивали бесполезное, да мало ли еще чего натворили мы, по призыву вождей бросившись бездумно в атаку! Вахтовый метод освоения Западной Сибири — пример такого рода.

В уже перестроечном 1986 году Министерство нефтяной промышленности СССР, Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности и Томский обком КПСС выдвинули на соискание Государственной премии СССР глобальную работу под названием «Разработка и внедрение системы освоения природных ресурсов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса вахтовым методом». Работу поддержали ученые. Летом того же восемьдесят шестого центральная печать поместила на своих страницах статьи академика Т. Хачатурова и председателя Сибирского отделения Академии наук академика В. Коптюга, утверждавшие, что вахтовый метод уже внедрен достаточно широко, работают по нему 155 тысяч человек и что именно «благодаря этому методу достигнуто ускорение ввода в действие объектов нефтегазового комплекса». Что же касается экономического эффекта, то он, по подсчетам ученых, в десятой и одиннадцатой пятилетках превысит 480 миллионов рублей.

Хорошо? Да просто чудесно! Один лишь вопрос свербит и не дает покоя: только ли сухой цифирью должно подсчитывать эффект вахтового метода? Или есть и какая-то иная система координат? Скажем так, человеческая. Начнем с того, что при наличии полутора тысяч тюменских вахтовиков ни одно специализированное подразделение не занималось их обустройством.

Правда, в конце концов на Ямбурге организовали «Арктиквахтанефтегазстрой» — далекое еще от совершен-

ства, первое в своем роде учреждение. Но даже несмотря на эту отрадную перемену, по крайней мере половина из «залетных» вахт остается «дикой».

В объединении «Юганскнефтегаз», например, вахтовый метод практикуется уже целое десятилетие. «Летают» многие — каждый восьмой специалист. Организованно — экспедиции из двенадцати городов, «по-дикому» — из шестидесяти. Вообще в регионе рабочих вербуют в десяти союзных и семи автономных республиках. В основном из России — более 60 тысяч человек. Поменьше поставляют Украина и Белоруссия.

В свое время на Ямбурге ежесуточно осваивали полтора миллиона рублей на строймонтаж. И все же с жильем было скверно. Привычные для тех мест вагончики и «бочки» забивались до предела, санитарные нормы перекрывались чуть ли не в два раза, так что устраивались кто как мог: доработал вахту, и покуда твой «сменщик по койке» добывает «голубое топливо», только и успеваешь вздремнуть. Но это все, как говорится, цветочки. Исследование, проведенное кандидатом медицинских наук В. А. Дроздовым совместно с группой студентов и сотрудников Тюменского мединститута, доказывает, что уже в начале вахты почти каждый четвертый рабочий приобретает те или иные заболевания: у многих появляются серьезные отклонения в сердечно-сосудистой системе, снижение уровня лейкоцитов в крови.

Многие из тех, кто не сумел привыкнуть к арктическим прелестям, уезжают в другие регионы страны, но зародившиеся на «северных просторах» болезни настигают их и там. От больных родителей на свет появляется слабое потомство. Арктика как радиация: сбежав от нее на край света, ты еще не можешь быть уверен, что она не ворвется в твою семью. Но на Ямбурге, так же как в Уренгое, Ноябрьске, кажется, забыли, что вахтовый метод касается не одной лишь работы. Как сказано в документах Государственной комиссии Совета Министров СССР по делам Арктики, «в настоящее время вахтовый метод с точки зрения социальных интересов нельзя признать даже удовлетворительным».

Десанты вахтовиков ухудшают и без того сложную ситуацию в населенных пунктах. До недавних пор обеспеченность жильем в Нягани, к примеру, составляла всего 45 процентов, детскими садами в Ноябрьске — 35,4, больницами в Новом Уренгое — 8,1 процента. Не хватает библиотек в Сургуте, магазинов в Нижневартовске. А ведь все эти города расположены в Арктической зоне с ее бесконечными ночами и иной полярной «экзотикой».

Однако, как это ни странно, именно здесь местные начальники встретили вахтовый метод с распростертыми объятиями. Он, судя по всему, оказался для них чем-то вроде палочки-выручалочки для решения собственных проблем. Ведь «залетные» не требуют ни квартир, ни детсадов, им можно поручить любую работу, и они легко соглашаются на сверхурочные. И поток этой неприхотливой рабочей силы год от года растет.

Наверное, правы те, кто предлагает не громоздить города на каждом месторождении, если учесть, что только по Ямбургу, как уверял министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР В. Г. Чирсков, отказ от строительства города позволил сэкономить целый миллиард рублей. Его первый заместитель Г. И. Шмаль заверяет, что для таких районов, как Ямбург, вахтовый метод на обозримый период времени остается наиболее эффективным. Ни у кого же не возникает мысли капитально обустраивать арктические дрейфующие станции.

Но ведь отказ от строительства города вовсе не означает, что люди вообще не достойны элементарных человеческих условий!

Вырабатывая стратегию на перспективу, необходимо законодательно закрепить положение о том, что освоение ресурсов в арктических широтах может происходить только после строительства объектов социальной сферы. Ведь газ и нефть — не ради газа и нефти. Для человека!

АХТЫ

Все мы понимаем, товарищи, что сейчас, когда решаются сложнейшие задачи перестройки, демократизации общества, широкого вовлечения народа в управление, мы с вами не можем обойтись без аппарата и не должны пренебрежительно относиться к его кадрам. Аппарат управления нам нужен, но он должен быть иным, чем сейчас.

Надо бороться за аппарат нового типа, основанный на высоком профессионализме, владеющий современной информационной технологией, демократически контролируемый народом, способный двигать экономический и социальный прогресс.

Из доклада М. С. Горбачева
на XIX Всесоюзной партконференции

БЛЕСК И НИЩЕТА

Вячеслав КОСТИКОВ

Скоро мы изберем народных депутатов по-новому — так, как их и положено избирать: после открытого обсуждения кандидатур, в многомандатных округах, объявляя «слугами народа» тех, кто будет служить именно ему, кому верим и на кого надеемся. Народ все увереннее берет в руки собственную судьбу, выходит из-под пресса административной машины, пытавшейся подмять под себя принципы ленинской революции. Решения XXVII съезда КПСС и XIX Всесоюзной партконференции определили направление реформы политической жизни, направление нашего дальнейшего ухода от сталинщины.

Но не следует ничего забывать. Учась демократии, осуществляя перестройку, мы должны также и усваивать горькие уроки чудовищной сталинской административной системы. Статья «Блеск и нищета номенклатуры» — об одном из таких уроков. О том, как народное, партийное, демократическое руководство пытались подменить аппаратным.

Помните, как приехавшего в заштатный городок Ивана Александровича Хлестакова, чиновника из Петербурга, местный казенный люд принял с испуга за путешествующее инкогнито важное должностное лицо. Разумеется, помните, знаете еще со школы. Но, вероятно, не все знают, что путешествовать инкогнито имеют свойство не только люди, но и слова. Одним из таких живущих и путешествующих инкогнито слов является слово «номенклатура». Сколько ни рыскал я по весям российской нашей прессы, сколько ни плутал — по привычке прежних лет — с лупой между строк, так ни одного и не обнаружил. Точно бы оно надело шапку-невидимку.

А между тем в обыденной жизни оно во плоти, и замечу, в весьма откормленной плоти, то и дело шмыгает мимо нас на черных рысаках, именуемых ныне автомобилями. Инкогнито достоинством пониже можно в известных местах встретить идущим по улице пешком в неизменной ондатровой шапке, и, сколько мне известно, во многих наших столицах да областных центрах имеются даже «слободки», именуемые в просторечии «Царским селом».

Едва ли не каждый день в том или ином разговоре, особенно если в центре Москвы, нам приходится слышать вполне привычные для уха фразы: «Иван Иванович попал в номенклатуру», «это номенклатурная должность», «номенклатурный список».

Отчего же делается вид, что понятия не существует?

Да оттого, что в течение многих десятилетий вся наша политическая жизнь была неким эвфемизмом, административным инкогнито, при которой единственной точкой соприкосновения народа с властью были непроницаемые для глаза заборы.

Если не предаваться лукавым играм «первых отделов» в секретность, понятие номенклатуры предельно просто. Nomenclatura по-латыни означает роспись имен, а переведенное на язык наших политических реалий — верхний эшелон власти, список высших должностных лиц. И едва новые общественные условия, рожденные перестройкой, сняли с наших уст сургучные печати, как о высшем бюрократическом слое стали говорить, разве что не произнося еще сакраментальных слов. И первые же анализы (см., в частности, статью «Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений» в журнале «Коммунист» № 12 за 1988 год), первые споры показали, что ничего запредельного ни в этом понятии, ни в явлении нет, что говорить об этом нужно — и не только для пользы общества и перестройки, но и для блага самой же номенклатуры. Ей, номенклатуре, ведь тоже полезно понять, почему в перестройке она играет столь противоречивую роль: и локомотива, и тормоза одновременно.

Долгие годы глухого молчания создали вокруг номенклатуры некий соблазнительный миф.

В сознании народа, вытесненного с площадей власти в «людскую», понятие номенклатуры стало ассоциироваться не с сутью, а с атрибутами. И мы можем оценить степень «прищура», с которым улица поглядывала на проносящиеся черные лимузины, и по тем ядовитым словечкам, которые она намертво связала с понятием номенклатура,— «авоська», «корыто», «паек», «бронь» и т. д. В последние годы застоя уже не редкостью было слышать — разумеется, шепотом — мнения о том, что номенклатура деградировала и что она-то и есть тот тромб, который не дает играть живой крови социализма. И только теперь, когда мы стали спорить, а значит, и думать, нам становится яснее, что причина не только в полипах и бородавках, которыми оброс социализм, а прежде всего в извращенной сталинизмом политической системе, в которой номенклатура лишь одно из заржавленных и искривленных колес. Я бы сказал, что номенклатура в том виде, в каком она существует до сих пор, является и порождением, и жертвой сталинизма.

ВЛАСТЬ ИДЕЙ ИЛИ ИДЕЯ ВЛАСТИ?

У психологов есть известное наблюдение о том, что первое движение есть движение сердца, а не разума. Оно-то и является наиболее искренним. По первым поступкам можно достаточно верно определить характер человека, по первым литературным пробам — талант писателя.

В 1895—1896 годах в тифлисских газетах «Иверия» и «Квали» были напечатаны несколько стихотворений, подписанных никому не известным именем И. Дж-швили и Соселло. Новорожденный поэт писал:

И знай: кто пал золой на землю,
Кто был так долго угнетен,
Тот станет выше гор великих,
Надеждой яркой окрылен.

(Естественно, цитируется в переводе с грузинского на русский).

Стихи принадлежали юному Иосифу Джугашвили, будущему «отцу народов».

Едва ли следует верить всерьез нынешним, столь обильным задним числом утверждениям о невежестве Сталина. Разумеется, он не был крупным теоретиком, но многочисленные свидетельства людей, близко знавших Сталина, говорят о том, что это был человек, наделенный природным умом, великолепной памятью, хитростью. Распиливая на куски поваленные на землю памятники Иосифу Виссарионовичу, не следует забывать, что он был среди ближайших соратников Ленина; я сомневаюсь, чтобы Ленин стал держать около себя совершеннейшее интеллектуальное ничтожество. Вопрос в другом: какая черта была в Сталине доминирующей? И здесь строчка из стихотворения «Луне» — «тот станет выше гор великих» — дает первое представление о черте характера, которая предопределила не только судьбу самого стихотворца, но и на многие десятилетия судьбу страны. Черта эта была — честолюбие.

Многие исследователи сталинского феномена считают, что идея власти доминировала в помыслах и поступках Сталина. Не обладая на фоне блистательной плеяды ленинских сподвижников теми качествами, которые могли бы вывести его в вожди, Сталин сумел тем не менее овладеть техникой аппаратного манипулирования, и в этом смысле именно его следует считать основателем советской номенклатуры.

Суть номенклатуры — в подмене власти идей голой идеей власти.

Идеология в руках номенклатуры из путеводной звезды превращается в инструмент удержания власти.

Номенклатура, которая досталась стране в наследство от генералиссимуса, напоминает разбитую вдребезги вазу из бывшего музея подарков Сталину, где в каждом фрагменте тем не менее присутствует осколок вождя, ибо при всех отличиях нынешней номенклатуры от прежней суть ее осталась неизменной: идея власти поглощает власть идей. В этом свете становится понятней, почему, например, во главе идеологии на протяжении всего послеленинского периода у нас стояли не мыслители, а «серые кардиналы» — митины, поспеловы, ильичевы, сусловы, не оставившие в памяти людей ни одной животворной идеи. Все «идеи» номенклатуры были лишь шпорами, позволяющими понукать оседланную Россию.

КАДРОВЫЙ ПАСЬЯНС

Сейчас нам сделалось известным, как неприятно был поражен В. И. Ленин той властью, которую Сталин успел перетянуть на себя за время его болезни. Сталин же за эти месяцы 1922 года убедился в том, как многого можно достичь, умело двигая фигурами в партийном аппарате. Должность генерального секретаря ЦК давала ему такую возможность. Еще не будучи вождем, почти неизвестный широкой партийной массе, Сталин благодаря аппаратным рычагам Секретариата ЦК получил доступ к реальной власти. Этот урок он усвоил на всю жизнь.

Нельзя сказать, чтобы начавшаяся в 1922 году метаморфоза власти осталась незамеченной. Первым забеспокоился Троцкий. 8 октября 1923 года он пишет письмо в ЦК, где обращает внимание на негативные явления в руководстве партией. Троцкий, разумеется, имеет свои виды: он боится усиления соперника, первым угадывает контуры настоящего Сталина. Более глубока и искренна озабоченность 46 видных большевиков, среди них Преображенский, Пятаков, Косиор, Осинский, подписавших коллективное заявление в ЦК. В заявлении 46, в сущности, уже

КЛАТУРЫ

ются сами думать, боятся что-либо «ляпнуть» до указания сверху, что при команде сверху донизу масса партийной жизнью не живет и в силу этого выпирает казенщина, официальный дух с циркулярами... Развивается наушничество, подхалимство и на этой почве — карьеризм. Деревенский коммунист из Спасо-Деменского уезда Калужской губернии в декабре 1924 года писал в своем письме в «Правду», что многие смотрят на партию, как на пирог с начинкой. В условиях общей малограмотности страны членство в партии стало давать иным деятелям возможность пристроиться не в цехе, не около станка, а при конторе и чернильнице.

В 1924 году Сталин объявляет Ленинский призыв и случилось то, чего так опасался Ленин: в партию хлынул мелкобуржуазный поток — «людишки, пришедшие к новому делу от биллиарда, а не от станка», как записал в своем дневнике председатель Иваново-Вознесенского Совета А. Е. Ноздрин. К 1 ноября 1925 года партия разбухла до 1 миллиона 25 тысяч человек (при том, что Ленин и 300—400 тысяч считал чрезмерным). «Людишки от биллиарда», мастера загонять в лузу шары, помимо всего, в массе своей невежественны. Среди делегатов XIV съезда ВКП(б), собравшегося в декабре 1925 года, людей с высшим образованием — всего 5,1 процента, тогда как с низшим — более 66 процентов. Доля ленинского «тончайшего слоя старой партийной гвардии» продолжает быстро таять. К 1928 году она составляет немногим более 1 процента.

Сталина, однако, это не тревожит, напротив, радует. Сделав своей целью достижение высшей власти, он понимает, что партийцы, преследующие, как и он, карьеристские, номенклатурные цели, будут его надежной опорой. Ленинский призыв привел в партию 240 тысяч человек. «Известия», отражая беспокойство честных партийцев, пишут: «Наши прокалочные печи, наши ячейки не обладают такой большой пропускной способностью, чтобы прокалить и закалить этот партийный молодняк».

Сталину и начавшей складываться вокруг него номенклатуре закаленный молодняк и не нужен. Вождь предпочитает иметь дело с гуттаперчевым материалом и легко придавать ему ту форму, которая отвечает его целям. Огромная масса партии фактически отстраняется от реальной политики. Происходит то, о чем еще до революции, ведя споры о сочетании демократизма и централизма во внутрипартийной жизни, предупреждал Г. В. Плеханов: «Центр нашей партии съел всю партию, подобно тому, как тощие фараоновы коровы съели жирных».

По меткому и горькому выражению Г. В. Плеханова, в стране осуществляется «идеал персидского шаха». С той только разницей, что восточный деспот носит не персидскую, а грузинскую фамилию.

И разве нам не знакома описанная Плехановым формула: с ликующими речами, оптимистическими отчетами, со здравицами в честь «великих вождей», со столь же грандиозными, сколь и безвкусными концертами. Георгий Валентинович не смог предусмотреть лишь одного: унизительных распродаж во время съездов делегатам коробок с конфетами, бутербродов с икрой и белорыбицей, меховых шапок, дубленок и прочего дефицита, которым на короткое время «форумов» номенклатура готова была делиться с «избранниками народа». Имитация власти вознаграждалась столь же временным и эфемерным изобилием.

говорится о внутреннем кризисе в партии.

Старых революционеров беспокоило все более прогрессирующее, уже ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и «мирян», на профессиональных партийных функционеров, выбираемых сверху, и на партийную массу, не участвующую в партийной жизни.

Главная причина начавшегося откола партийного айсберга от материка, считают авторы заявления,— новая форма выдвижений на руководящую работу — «назначенчество». Оно становится сильнейшим орудием Сталина в борьбе за тотальный контроль над партией. «Назначенчество» в корне меняло характер взаимоотношений в высших инстанциях партии: вместо людей, делегированных партийной массой, знающих ее интересы, опирающихся на ее силу и потому свободных в суждениях, в аппарат все больше выдвигаются люди, зависимые от выдвинувшего их лидера и подотчетные лично ему.

Принцип преданности идеям партии подменяется преданностью вождю.

Созданный в рамках Секретариата еще при Ленине Орграспред, функции которого состояли в том, чтобы определять местным партийным организациям квоту при партийных мобилизациях в ходе гражданской войны, постепенно, по мере того как Сталин прибирал к рукам бразды Секретариата, становится отделом по распределению партийных постов.

В 1923 году Орграспред направил на работу на периферию более 10 тысяч человек, в том числе около половины «ответственных работников». Партийные лидеры, таким образом, стали расти не на местах, не в гуще реальных событий, а в аппарате. Сталин понимал, что «кадры решают все». Орграспред под его внимательным призором стал кузницей номенклатуры, вытягивая нужных для Сталина людей с периферии и направляя на периферию из Секретариата тех, кто уже прошел азы сталинской «науки побеждать». Именно через Орграспред был истребован в Москву Николай Иванович Ежов, сделавший за несколько лет головокружительную карьеру в аппарате ЦК и ставший сам председателем Орграспреда. О роли, которую играл этот «орган» в организме Секретариата ЦК, свидетельствует такой, например, факт, что детищем Орграспреда был и наследник Сталина Г. Маленков, бывший одно время заместителем Ежова по Орграспреду.

Система Орграспреда была достаточно проста и в силу этого угрожающе эффективна: Орграспред посылал на места губернских и уездных секретарей, которые при подготовке съездов партии сами становились его делегатами и подбирали других делегатов по своему «образу и подобию», съезд выбирал ЦК, ЦК выбирало Политбюро, Оргбюро и Секретариат, в составе которого действовал Орграспред. Круг замыкался. При такой системе Секретариат сам себя и выбирал. Неожиданности были практически исключены. После смерти Ленина эта формально выборная, а фактически контролируемая Секретариатом машина «номенклатурной демократии» действовала безотказно. Контроль снизу был отключен.

ИДЕАЛ ПЕРСИДСКОГО ШАХА

Пороки насаждаемой Сталиным системы номенклатурных передвижений и назначений выявляются достаточно быстро. В середине 20-х годов, когда пресса еще не была полностью монополизирована номенклатурой, центральные газеты в большом количестве помещают горькие письма рядовых коммунистов по поводу выдвиженцев и нового стиля партийной работы. Рабочие пишут о том, что партийные разучива-

БОСАЯ ПРАВДА

Весной 1929 года был подвергнут зубодробительному разгрому рассказ Артема Веселого «Босая правда», «представляющий однобокое, тенденциозное и в основном карикатурное изображе-

ние советской действительности, объективно выгодное лишь нашим классовым врагам».

Так входила в наш быт новая терминология — терминология шельмования правды в преддверии шельмования людей. Этот разгром, в сущности, представлял собой номенклатурный донос на писателя, члена партии с 1917 года, автора известного романа «Россия, кровью умытая». Донос автоматически сработал в 1939 году. Ярость, с какой молодая еще номенклатура набросилась на писателя, объяснялась тем, что рассказ «Босая правда» был, по сути, первой попыткой советской прозы обратить внимание на начавшееся перерождение аппарата и власти. Герой гражданской войны в рассказе А. Веселого жалуется своему бывшему командиру: «За что мы, Михаил Васильевич, воевали — за кабинеты или за комитеты?»

Что мог ответить на это боевой командир «Михаил Васильевич»? Не сам ли он погиб под именем командарма Гаврилова («Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка) во время операции, о которой уже отдал приказ «негорбящийся человек»? Вскрытие, кстати, показало, что язва, которую было приказано вырезать, уже зарубцевалась. Однако с операционного стола «наркомвоена», недавно заменившего Троцкого, отвезли на кладбище. На его место во главе армии встал «соратник» Сталина Климент Ворошилов.

Ни настоящие командармы, ни «босая правда» уже были аппарату не ко двору. Что касается защиты своей власти, то в новых условиях номенклатуре нужны были и новые виды оружия — чисто бюрократические.

Манипулирование облегчается тем, что после шахтинского процесса летом 1928 года общественного мнения больше и не существует. «Мнение» теперь формулируется в недрах аппарата, спускается вниз в виде неукоснительных директив, а в ответ в нужном количестве поступают «письма трудящихся», благодарящие, ликующие, заверяющие или, напротив, клеймящие — в зависимости от потребы дня. С пугающей точностью сбывалось предсказание Розы Люксембург: «Без свободных выборов, без неограниченной свободы печати и собраний, без свободной борьбы мнений жизнь отмирает во всех общественных учреждениях, становится только подобием жизни, при котором только бюрократия остается действующим элементом».

Но и этот бюрократический элемент в развращающих условиях бесконтрольности уже подвержен коррозии. На возможность вырождения известной части кадров на базе единовластия указывали и Ленин, и Бухарин.

Вырождение, экономическая беспомощность, бумажные методы руководства приводят к катастрофическому разбуханию аппарата. Зарождается сохранившаяся до наших дней практика замены реальной работы созданием очередной комиссии или комитета. Анастас Иванович Микоян вспоминал, что, когда понадобилось заготовить обувь и теплые вещи, была создана Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок, лаптей и полушубков, сокращенно Чеквалап. Сколько таких «чеквалапов» за годы Советской власти было рождено усилиями аппарата!

В ПОИСКАХ «СТРЕЛОЧНИКА»

Неспособность богатой и ресурсами, и талантами страны прокормить, достойно обуть и одеть население свидетельствует о том, что страна при наличии самой большой в мире бюрократии (сейчас называется цифра в 18 миллионов человек) потеряла способность эффективно управляться. И разве не является нелепицей то, что в стране, где, как и у всех людей, солнце восходит на востоке и садится на западе, чуть ли не каждый год принимаются решения и постановления то о заготовке сенажа, то о рубке веников, то о посевной, то об уборочной. К перечню уже имеющихся постановлений «о ходе» и «о совершенствовании» наши инстанции забыли присовокупить разве что одно, да и то, вероятно, убоявшись обвинений в плагиате, ибо эталон «постановления» был запатентован Угрюм-Бурчеевым, ярким представителем номенклатуры прошлых времен: «Женщины имеют право рожать детей только зимой, потому что нарушение этого правила может воспрепятствовать успешному ходу летних работ».

Номенклатура не управляет страной, а властвует.

За развал, за разорение номенклатурные угрюм-бурчеевы караются не рублем, как в нормально действующей экономике, а эфемерным «взысканием», в худшем случае — перемещением по горизонтали номенклатурного аппарата.

Но номенклатуре нужны и козлы отпущения. И их находят. Репрессии «саботажников» были выгодны не только Сталину для поддержания страха в стране, но косвенно и номенклатуре — для оправдания своей неэффективности. Годы первой пятилетки — это и годы первых процессов. В августе 1930 года по обвинению в организации конского падежа закрытым судом судят группу бактериологов во главе с профессором Каратыгиным. В сентябре 1930 года расстреливают 48 руководителей пищевой промышленности, в том числе профессора Рязанова, по обвинению в организации продовольственных трудностей.

В 1930 году начинается процесс «Трудовой крестьянской партии», жертвой которого становятся специалисты в области сельского хозяйства — экономисты, агрономы, кооператоры. Проходящему по процессу профессору Александру Чаянову вменяется в вину опубликованный им в 1920 году фантастический роман «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Роман объявлен кулацким манифестом. Чаянов расстрелян в 1939 году. В 1931 году по Москве прокатывается вторая волна арестов меньшевиков. Арестованные берутся главным образом из плановых органов. Им вменяют в вину в одних случаях занижение, в других — завышение планов, что «мешало» их перевыполнению. Поиск виновных в экономических неурядицах идет широким фронтом, захватывая, помимо специалистов, и рядовых рабочих, и крестьян. В одной из статей журнала «Плановое хозяйство» за 1933 год говорится: «Классовый враг, белогвардейцы, кулаки все еще имеют возможность пробираться на железных дорогах на «скромные», незаметные посты, такие, как смазчик...»

Смазчики, стрелочники, слесари, машинисты, крестьяне, унесшие с тока горсть зерна, идут в тюрьмы и лагеря. Виновники трудностей и провалов найдены. Однако план, обещавший к концу первой пятилетки ликвидацию товарного голода, а по ряду важнейших потребительских товаров удвоение норм потребления, не выполнен и до сих пор. Карточки, многочасовые очереди за товарами стали привычной частью «советского пейзажа». Тем не менее в самые короткие сроки сооружались гигантские предприятия тяжелой промышленности. 500 тысяч заключенных практически без механизмов, с помощью кирки и тачки за 20 месяцев пробили Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. «Партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед»,— скажет об этом времени Сталин, уже рассматривая себя и партию как единое целое.

Уже в этот период многих подхлестывали не в переносном, а в самом прямом смысле слова. Большое число великих строек первой пятилетки идет с помощью труда заключенных. Со временем рабский этот труд приобретет такие масштабы (трагический счет ведется на десятки миллионов), что его придется учитывать в наметках государственных планов.

СТАЛИНСКОЙ УЛЫБКОЮ СОГРЕТЫ...

Если соратники Ленина падали в обморок от недоедания и переутомления (исключение, пожалуй, являл собой Троцкий, любивший поистине великокняжескую роскошь) и жили в Кремле в скромных казенных квартирах; если Ленину в мае 1922 года кажется, что кремлевский гараж, имевший 6 машин и 12 человек персонала, чрезмерно велик, и он просит Ф. Дзержинского «сжать сие учреждение», то сталинские «меченосцы» уже не озабочивают себя моральными соображениями. Происходит быстрый отрыв доходов и уровня жизни правящей элиты от огромной массы населения. Сталин сознательно откармливает свое окружение, понимая, что голодный сатрап ненадежен. Ему важно было и нравственно оторвать создаваемую им элиту от народа. Отменяется установленный при Ленине партмаксимум зарплаты. В первой половине тридцатых годов для ответственных работников создаются закрытые распределители, спецстоловые и спецпайки. Постепенно спектр спецобслуживания расширяется, охватывая, по сути дела, все сферы жизни и быта: появляются спецмагазины, спецавтобазы, спецпарикмахерские, спецбензоколонки, особые номера для автомашин, отдельные залы ожидания на вокзалах и аэропортах и, наконец, спецкладбища, куда простому смертному невозможно войти ни живым, ни мертвым. Я думаю, что если бы существовал атеистический рай, то номенклатура выгородила бы себе спецместечко и там.

Таким образом, человек, однажды попавший в высшую номенклатуру, весь остаток жизни мог провести в особом «спецмире», так ни разу и не столкнувшись с представителями класса-гегемона, именем которого он осуществляет диктатуру. Порочный этот «спецкруг» был порван лишь после XXVII съезда партии. Встречи М. С. Горбачева не со «спецмассами», а с реальными рабочими, показали, насколько полезны такие встречи.

Хитрый политик, Сталин понимает необходимость отвлекающих жестов, показывающих, что новая знать не имеет классовых барьеров. Наряду с понятием «простой советский человек» появляются «знатные рабочие», «знатные колхозницы». О них, в отличие от настоящей элиты, пишут газеты, их прославляют в песнях, стихах, кинофильмах. История стахановского движения еще недостаточно изучена с материальной и нравственной точек зрения. Но можно предположить, что наряду с искренним порывом рабочих, их трудовым энтузиазмом существовало сознательное манипулирование в целом малограмотным еще населением. Стахановцев осыпают почестями, их выбирают в Верховный Совет, где они своим «рабочим голосом» вместе с почетными доярками, почетными трактористами, почетными свиноводами создают иллюзию широкого народного участия в управлении страной. Действительность, увы, была иной.

Материальный и нравственный отрыв правящей элиты от народа еще раньше подмечен А. Сольцем, которого называли «совестью партии». Он предостерегает, что долгое пребывание у власти в эпоху диктатуры пролетариата возымело свое разлагающее влияние на значительную часть старых партийных работников. Отсюда бюрократия, отсюда крайне высокомерное отношение к рядовым членам партии и к беспартийным рабочим массам, отсюда чрезвычайное злоупотребление своим привилегированным положением в деле самоснабжения. Вырабатывается и создается коммунистическая иерархическая каста.

Читатели, вероятно, помнят описание больничного «полулюкса» в одной из привилегированных больниц в романе А. Бека «Новое назначение»: «...Полулюкс вмещал кабинет и спальню, балкон, ванную комнату, прихожую с выходом прямо на лестницу, устланную ковровой дорожкой. В этом светлом, просторном обиталище... мягкие кресла, ковры, дорогие статуэтки, тяжелые позолоченные рамы развешанных по стенам картин».

Это описание, вероятно, не ранило бы так больно (в самом деле, чего же дурного, если человек лечится в достойных условиях?), если бы мы не знали об убожестве городских больниц для гегемона: железные койки в коридорах, сквозняки, драный линолеум на полах, отсутствие санитарок, нищенское питание, отсутствие необходимых лекарств...

Чтобы принять и в течение десятилетий сохранять вопиющее неравенство, номенклатура, вероятно, должна была обладать особыми спецкачествами. О них тоже позаботился «великий архитектор».

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ВАСИЛИСК (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ)

В апреле 1922 года Сталин становится генеральным секретарем ЦК и, по сути дела, руководителем аппарата. Первая ступенька к вешалке, на которой висел «кафтан Ленина» (в середине 20-х годов это выражение было очень в ходу), была пройдена. В наследство ему достался весьма сложный и фрагментарный по своим личным симпатиям и уровню аппарат, отражавший сложное и многомерное соотношение сил в ядре партии. Сталину потребовался год времени, чтобы понять, какой именно аппарат нужен ему для укрепления власти: предстояла сложная, изнурительная борьба вначале с Троцким, затем с другими наследниками Ленина.

В апреле 1923 года на XII съезде РКП(б) Сталин, представляя орготчет ЦК, попутно излагает мысли по поводу того, каким должен быть работник номенклатуры:

«...необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь». В коротком абзаце генеральный секретарь три раза повторяет слово «директивы», ставшее впоследствии ключевым понятием работы ЦК.

Это был первый после Октябрьской революции съезд, на котором из-за болезни отсутствовал Ленин. Будь он на съезде, его, вероятно, насторожила бы та узость определения качеств партийного работника, на которых настаивал Сталин: исполнительность ставилась превыше всего.

Орграспред, во главе которого Сталин поставил Кагановича, развивает мощную деятельность по формированию аппарата на принципах, изложенных Сталиным. За два года он произвел 8761 назначение, из них 1222 — в партийные органы. К 1927 году Сталин уже имеет собственную, верную ему номенклатуру. Директивы теперь могли идти, не встречая никаких преград. На всем пути были послушные исполнители.

Спустя десять лет, в 1927 году Сталин уже и не скрывал, к какому типу правления он готовит страну и какой аппарат ему для этого нужен. «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал,— генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство».

В это же время выявляется и еще одна существенная черта сталинской кадровой политики. Если Ленин делал ставку на «спецов» и даже в столь

чувствительной сфере, как военное строительство, придерживался этого принципа, ставя в заслугу Троцкому, в частности, то, что тот сумел привлечь к службе в Красной Армии около половины офицерского корпуса старой армии, то у Сталина была иная шкала ценностей. Понимая, что «кадры решают все», он уже во время первого — шахтинского — процесса показал свой вкус к «спецеедству». Главное качество руководящего работника, по Сталину, не компетентность, а личная преданность. Ответственный работник должен понимать, что он получает должность не в силу своих знаний, а по милости вышестоящего «генерала». Разумеется, в любой другой стране, где существуют конкуренция, рынок, кооперативная и частная собственность, такая кадровая политика была бы немыслима. Лозунг «Все кругом народное, все кругом мое» был крайне выгоден номенклатуре всех уровней, ибо позволял при помощи уравниловки и госфинансирования покрывать зияющие провалы.

В силу некомпетентности, с одной стороны, и зависимости от вышестоящего начальства — с другой, вся деятельность номенклатурщика направлена не на реальную работу, а на имитацию «бурной деятельности». Главное — быть замеченным «в центре». Отсюда всякого рода громкие «инициативы» на местах; отсюда же — горящие по вечерам окна и бдения около «вертушек»: а вдруг начальник позвонит; отсюда субботние высидки в конторах: не важно, что весь день двигали шахматы, важно, что отмечено рвение.

От некомпетентности и казенный оптимизм, и казенные лозунги: «Советское — значит отличное», «Превратим Москву (Киев, Баку, Бердичев и т. д.) в образцовый коммунистический город». Отсюда холуйство перед большими и среднего калибра вождями.

Номенклатура не склонна к «экономической оседлости» (выражение Д. С. Лихачева). Ее не интересует длительная, кропотливая работа, которая может принести стратегический успех. Номенклатурщик — всегда временщик. Его метод — быстрый, «сабельный» успех, ибо только он может быть замечен из высокого окна. Отсюда хищническое отношение и к производству, и к природе, и к человеку. «Проекты века», грандиозные стройки — это плод номенклатурного воображения, стремящегося во что бы то ни стало быть замеченным, а следовательно, выдвинутым и приближенным. Многие недавние первые секретари республик, выброшенные из кресел пружиной перестройки — рашидовы, кунаевы,— все это раздутые до абсурда, но, увы, реальные образцы номенклатурных полипов, приведших страну к тяжелому заболеванию. Мастера устраивать «идеологические» и «политические» парады, они тотчас же оказываются в тупике, как только возникает нестандартная, требующая политического творчества и мужества ситуация.

Исследователи бюрократического феномена обращают внимание на одну чрезвычайно интересную черту бюрократа — комплекс неполноценности, превращающий патриотическое достоинство в напыщенную спесь. Между тем, если вдуматься, ничего удивительного в этом нет. Подобного рода феномены широко известны, например, энтомологам: ряд насекомых, отличающихся неприспособленностью к самообороне, обрели в процессе эволюции крайне устрашающий вид. Примером тому может служить богомол, одного вида которого достаточно, чтобы другие насекомые падали в обморок. Спесивость, окаменелость лица, отсутствие улыбки, непререкаемый тон речи — весьма характерные для бюрократа высокого ранга — являются в известной степени «сублимацией» комплекса неполноценности.

На это «физиономическое» явление в свое время обратил внимание известный бытописатель российской номенклатуры М. Е. Салтыков-Щедрин, назвав такого рода властительных лиц «административными василисками». «При сем: речь должна быть отрывистой, взор обещающий дальнейшие распоряжения...». Разве вам, читатель, не знакомы эти лица?

Интересно заметить, что по сумме привычек и свойств современные «административные василиски» до удивительного напоминают портрет, который набросал великий русский сатирик: с одной стороны, все та же «страшная масса исполнительности», с другой — все тот же привычный окрик: «Уйму, я ее уйму!». Все тот же принцип отстраненности: «Ему нет дела ни до каких результатов, потому что результаты эти выясняются не на нем, а на чем-то ином, с чем у него не существует никакой органической связи». Все те же лица, на которых «не видно никаких вопросов; напротив того, во всех чертах выступает какая-то солдатски-невозмутимая уверенность, что все вопросы давно уже решены». И уж поистине нет ничего невозможного для гения, ибо гений Салтыкова-Щедрина предусмотрел даже такую «частность», как номенклатурное отношение к повороту рек: «Он не был ни технолог, ни инженер; но он был твердой души прохвост, а это тоже своего рода сила, обладая которою можно покорить мир. Он ничего не знал ни о процессе образования рек, ни о законах, по которым они текут вниз, а не вверх, но был убежден, что стоит только указать: от сих мест до сих — и на протяжении отмеренного пространства наверное возникнет материк...»

И даже в последний путь номенклатурных покойников провожают совершенно так же, как и в прошлые времена. «...За гробом шли, снявши шляпы, все чиновники... Они даже не занялись разными житейскими разговорами, какие обыкновенно ведут между собой провожающие покойника. Все мысли их были сосредоточены в это время в самих себе: они думали, каков-то будет новый генерал-губернатор, как возьмется за дело и как примет их... Вот прокурор! жил, жил, а потом и умер! И вот напечатают в газетах, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг... а ведь если разобрать хорошенько дело, так на поверку у тебя всего только и было, что густые брови».

Гоголь!!! Даже брови предусмотрел, провидец!

ПОЙДЕТ ЛИ НОМЕНКЛАТУРА В ПЕРЕСТРОЙКУ?

Супербюрократизация советской жизни, по мнению А. Д. Сахарова, связана в первую очередь с «отсутствием плюрализма в структуре власти, в экономике, в идеологии». Окончательно номенклатура как особая партийно-бюрократическая прослойка сложилась в тридцатые и послевоенные годы. Никаких социологических исследований по этому вопросу не проводилось, а если и проводились, то они засекречены. Вместе с тем такие исследования крайне необходимы, ибо совершенно очевидно, что ни одно государство без власти, а следовательно, и без высшего ранга чиновников жить не может. Вопрос в качестве этих казенных людей, ну и, разумеется, в политической системе, в рамках которой они действуют.

В силу известных и отчасти отмеченных нами причин в общественном сознании у нас утвердилось весьма скептическое отношение к номенклатуре. Вместе с тем, как и все в нашей нынешней жизни, номенклатура нуждается в трезвой, а не только в эмоциональной оценке. При таком анализе нельзя не заметить, что номенклатура не является чем-то навечно затверделым. По мере того, как после XX съезда менялось общество, менялась и номенклатура. Сталин, как известно, за исключением Тегеранской и Потсдамской конференций, за границу никогда не выезжал и не поощрял заграничные поездки своих сотрудников. Бывший секретарь Сталина пишет в своих мемуарах, что после его второй поездки за рубеж Сталин сделал ему замечание: «Что это вы, товарищ Бажанов, все за границу и за границу. Посидели бы дома». Вместе с тем поездки, начавшиеся при Хрущеве, были весьма полезны. Они на многое открывали глаза, в том числе и номенклатуре. Номенклатурные работники, ездившие за границу в составе делегаций или туристами, не замедлили увидеть, что западная номенклатура живет на порядок лучше нашей, доморощенной. Разумеется, у западного высшего чиновника нет спецпарикмахерской и спецбуфета, он не пользуется «корытом», ему не нужно ходить в 100-ю секцию ГУМа за сорочками. Все это спецобслуживание, породившее у нас целую систему спецхолуйства, в нормально действующей, бездефицитной экономике просто не нужно. Когда западный министр, сенатор, мэр города, директор фирмы или секретарь местного отделения партии хотят попотчевать своих гостей, они просто идут в хороший ресторан или заказывают меню у одного из городских рестораторов.

В глазах обывателя жизнь советской номенклатуры кажется верхом блаженства и достатка, тогда как в сравнении с развитыми капиталистическими странами ее существование не только убого (относительно, разумеется), но еще и унизительно, ибо советский номенклатурный служака свои удовольствия не покупает с достоинством обеспеченного человека, а украдкой, «за занавесочкой» откусывает от общего скудного пирога, порождая этим самым малопочтительные шепоты за спиной.

Уровень жизни номенклатуры теснейшим образом связан с уровнем жизни страны: в убогой, дефицитной экономике ущербно и материальное существование номенклатуры. Оно кажется завидным лишь из окна хрущевской пятиэтажки. И в этом смысле умному, критически мыслящему новому поколению номенклатуры так же по пути с перестройкой, как и основной массе населения. Только вместе с перестройкой экономической и политической системы номенклатура может обрести материальное и нравственное достоинство и уважение.

В последние годы меняется образовательный и культурный ценз номенклатуры. Я думаю, что способность нового поколения номенклатуры к критическому анализу в значительной мере способствовала принятию идей перестройки. Не будем забывать, что перестройка пошла «сверху», показав, что ленинская партия, ленинская идея способны к самоочищению. Даже при отсутствии каких бы то ни было «открытых» данных о номенклатуре можно предположить, что современная советская номенклатура крайне неоднородна по своему уровню. Новые силы в ней соседствуют с тенями прошлых времен.

В том или ином обличье, но номенклатура существовала всегда. Наивно предполагать, что перестройка упразднит номенклатуру. Но революция в мышлении, реформа политической системы требуют новых кадров, номенклатуры нового типа. На Западе, во всех демократических цивилизованных странах существует такое понятие, как «политический класс», в котором проходят школу и из которого выдвигаются политические лидеры. В интересах перестройки — прекратить делать «фигуру умолчания» вокруг номенклатуры, а спокойно обсудить, какой номенклатуре по пути с перестройкой, а какой нет. Едва ли правовому государству, к которому мы стремимся, потребуются «административные василиски», умеющие взглядом останавливать течение рек. Гражданскому обществу нужна умная гражданская власть, нужен умный, образованный и культурный политический класс, способный на реальное, а не фиктивное лидерство. Нужна революция номенклатуры, адекватная революции в политике.

ПРОШУ СЛОВА!

НЕ ДЕЛАЙТЕ ИЗ НАС ПРОВИНЦИАЛОВ

Как мне представляется, журналу следует акцентировать две проблемы: воспитание культуры и всемерное развитие провинции, которую мы вежливо называем периферией. Обе они взаимосвязаны, но вторая имеет и свои особенности.

Еще М. Е. Салтыков-Щедрин гневно писал о чиновничьей централизации всего и вся в России и о том, как это губительно сказывается на жизни в «глубинке».

Вопреки здравому смыслу, подсказывающему, что необходимо дорожить местным опытом и инициативой, поддерживать строительство нового на местах, не ставить центр в привилегированное положение, увы, еще сохранилось то, что осуждал Салтыков-Щедрин. А Брежнев даже пытался сделать Москву коммунистическим городом за счет разорения провинции.

У нас существует резкий, разительный контраст между столицей страны (и соответственно столицами союзных республик) и всем остальным. Ничего подобного нет ни в ГДР, ни в Австрии, ни во Франции, где мне привелось побывать. Да и телевидение нас убеждает, что какой-нибудь дотоле неизвестный Калгари в Канаде может отлично принимать у себя всемирную Олимпиаду. Может ли, например, Иваново, где я живу, претендовать на подобное? Или любой другой областной центр? Нет, не может.

У нас все наиболее значительные мероприятия не только международного характера (фестивали, выставки, конференции, спортивные состязания и так далее) проводятся преимущественно в Москве. Москва «переманивает» писателей, ученых, артистов, спортсменов...

Сколько это может продолжаться? Не лучше ли создать им условия на периферии, чтобы они благодаря своему таланту поднимали общий и культурный уровень жизни в родных местах? Мы дошли до того, что даже Ленинград обескровили и превратили в рядовой областной центр. Я помню Ленинград по довоенным студенческим годам и, приезжая туда сейчас, вижу, что, мягко говоря, он далеко не прежний. И дело тут не только в пережитой во время войны блокаде, а в общей направленности нашей жизни, связанной жесткой централизацией.

В процессе перестройки нужно добиваться того, чтобы, не умаляя роли столицы страны и столиц союзных республик, жизнь в других местах, в том числе в малых городах и на селе, приближалась к уровню их жизни и культуры. Из этого должны исходить и планирующие органы.

П. КУПРИЯНОВСКИЙ,
доктор филологических наук, профессор Ивановского университета

Откуда же берутся фокусники? Оказывается, это самообучающаяся система, цех, ложа, где ремесло передается от отца к сыну. Или к дочери.

В ЧЕМ ФОКУС?

Алла БОССАРТ

Эта дочь — вроде Чеширского Кота: вначале глаза ловят ее улыбку, а уж постепенно вокруг образуется, сгущается собственно Катя. Между прочим, когда журналисты, захлебываясь от умиления, пишут об этой юной парочке Медведевых, создается впечатление, что Катя творит чудеса, а Олег у нее чуть ли не на побегушках. Это обидно и неправда. Олег на год моложе сестры и уступил ей этот год в освоении магии. Но ведь его (год) можно считать и форой: женщина как-никак.

Кстати, о женщинах. Четырнадцатилетняя Екатерина Медведева — едва ли не единственная в стране профессиональная женщина-маг, а точнее — манипулятор. Профессиональная, потому что тарифицирована по первой категории (не пугайтесь, это не те деньги, которые способны развратить; о размере эстрадной ставки первой категории говорить просто неинтересно). Профессиональная также и потому, что три года назад для нее сделали исключение, приняв в Московский клуб фокусников, куда, как в загс, допускаются только совершеннолетние. А Екатерина Владимировна вышла на сцену семи лет от роду. Профессионализм ее сомнения не вызывает: ни у президента клуба Руднева, ни у звезд жанра, ни тем более у нас, простодушных зевак.

Катя — феминистка. Девица исключительно самостоятельная и гордая. Она сама себе и звезда, и магистр. Это не обмен ролями. Брат Олег так же горд и самостоятелен. Не разлей-вода в жизни, они на сцене не дуэт, не пара, работают в одиночку, любуясь друг другом из-за кулис. Такие вот отчаянные ребята.

В конференц-зале «Огонька» кулис нет, все по-домашнему.

Олег вынимал шарики изо рта и ушей, котенка из пустого цилиндра, в воздухе сама собой завязывалась удавка и падала ему на шею, обращаясь в галстук,— в общем, разминка. Потом пришел черед микромагии. Это особый ювелирный раздел манипуляции, когда фокусник водит тебя за нос в буквальном смысле: мошенничая у тебя под носом, за столом, на расстоянии протянутого пальца. В этом смысле популярную народную забаву с наперстками можно с полным правом считать микромагией. Нет, я не сяду играть в наперстки с Олегом Медведевым. Даже на щелбаны: все-таки голова — мой рабочий инструмент. Я нарочно устроилась ближе всех — в разоблачительных целях. Прямо передо мной он разложил свою скатерку, а на ней — плоские кругляшки, блошки вроде пуговиц, и важно объявил, что они обладают свойствами магнита. Деликатно, оттопырив мизинчик, накрывал кучку из блошки и двух пятаков и, честно глядя нам в глаза, снимал карту. И толпа серьезных взрослых людей вскрикивала: ах! ну! черт! Потому что на том же самом месте блестели четыре новенькие монетки, блошки же не было вовсе. «Магнит растворился от напряжения»,— нахальничал мальчишка.

Потом он совершенно распоясался и прямо-таки издевался над редакционной публикой при помощи карточных фокусов, носящих название неразгадываемых. Ну, знаете: задумай карту, не говори, тасую, подсними, раз, два, три,— эта? Эта, эта. А как же иначе.

Лично я считаю, что такие фокусы нечего показывать взрослым людям, потому что они начинают чувствовать себя дураками, а от этого рождаются разнообразные комплексы, мешающие выпускать журнал, на который в Одессе подписываются за четыреста рублей.

Нет, мисс Магия играть в карты не только не любит, но и не умеет. Но то феерическое разнообразие и виртуозность тасовки я видела только у Челентано в фильме «Блеф» и у моего покойного дедушки, сосланного в 1922 году на периферию за шулерство по молодости лет. Между прочим, Катю пригласили на роль девочки-шулера в фильме «Биндюжник и Король» по Бабелю, снимать который будут, разумеется, в Одессе. Тоже фокус, но из разряда разгадываемых: никакой крошки-шулера у Бабеля нет, но чего не сделают в Одессе для ребенка!

Фокусам, как уже было сказано, брат и сестра учились у папы, позже занимались тоже с любителем, папиным другом дядей Васей, а потом уже, поразившись их свободной манипуляции, за право считаться наставниками Медведевых стали спорить ведущие фокусники страны.

...Чтобы стать фокусником, что-то такое особенное нужно в самой природе человека, в его существе. Чтобы стать фокусником, нужно... Ну вот я пробовала. «Наколдуй мне сардельку!» — попросила дочка, когда мы вернулись с ней от Медведевых. Я и так и сяк. Но кроме бутерброда с икрой минтая, ничего не вышло.

А Катя делает вот как. «Дайте вашу руку»,— с обворожительной чеширской улыбкой обращается она, например, к самому грозному мужчине в публике. Грозный недоверчиво раскрывает ладонь, и Катя кладет на нее два мягких оранжевых шарика, а сама зажимает их в большой грозный кулак. «Что у вас в руке?» — спрашивает ласково. «Шарики»,— робко отвечает сбитый с толку этот Кромвель. «Сколько?» Он в легком смятении. Он не вполне уверен. Он не утверждает, а скорее спрашивает, явно стараясь Кате понравиться: «Два?» «Откройте ручку». Свирепый мужчина разжимает кулак... разжимает он свой кулачище... и суровое ответственное лицо озаряется восторгом и нежностью, и расступаются морщины, и все видят, каким мировым пацаном был лет сорок назад этот Вова. Потому что на ладони его сидит маленькая серая мышка.

СКАЗОЧНЫЙ ХУДОЖНИК

Юрий Васнецов вошел в пространство народной сказки, песенки, потешки, как в огромный мир, в котором было так много интересного, непознанного и привлекательного, что и за много лет художник не смог всего этого исчерпать. От своей темы Васнецов не отступал, разве лишь в раннем творчестве, когда искал свой путь. Очень редко иллюстрировал сказки других народов: английские, таджикская и татарская сказки — вот и все. Еще художник сделал иллюстрации в народном духе к произведениям Л. Толстого, П. Ершова, К. Чуковского, А. Прокофьева, С. Маршака.

Раскрыв несколько книг с иллюстрациями народного художника РСФСР Юрия Алексеевича Васнецова, можно ясно увидеть не только эволюцию его творчества, но и общественное мировосприятие художника, ту атмосферу, в которой он жил и которая влияла на него. Увидеть, когда художнику творилось вольно и радостно и когда он находился под давлением редакторов, требовавших от него максимальной реалистичности (читай — натуралистичности), и как ломал себя художник, чтобы приспособиться к этим требованиям. Но никогда он не изменял своему вкусу, не снижал профессионального уровня.

Он был простым, добрым, мягким и деликатным человеком, очень сдержанно рассказывавшим о своем творчестве, посвящавшим в него до определенной грани, за которую не было доступа почти никому. В его больших серых глазах читалась какая-то затаенная печаль. Да, художнику приходилось немало страдать оттого, что многие не хотят, не могут его понять. В трудные 40-е и 50-е годы «борьба против формализма и чуждых влияний» обернулась травлей многих талантливейших художников. Так и Васнецову приходилось долгие годы скрывать в мастерской свои удивительные по глубине мысли живописные прозрения.

Неистощимым источником образов в живописи и иллюстрациях была для художника Вятка с ее живым дыханием природы, народной жизнью, проявлявшейся в шумных праздниках, обычаях, песнях. Художник признавался: «...Я все еще живу тем, что запомнил и видел в детстве».

Он сохранил в себе еще и то особое мировосприятие, которое присуще детству и под которое «подстроиться» невозможно. А в нем оно жило в своей кристальной чистоте, незамутненности и проявлялось во всем творчестве и, что очень важно, в работе над иллюстрациями детских книг, где всякая фальшь особенно ощутима и неприемлема.

Полная внутренняя свобода, о которой можно только мечтать, была достигнута художником в его работах последних лет, когда ему жилось уже несравнимо вольнее. Он находился в постоянном вдохновенном поиске, и иллюстрации его обрели новое качество: они стали композиционно крупнее, цветовое решение стало более ярким, звучным, а фон рисунков обрел светоносность, которая объединяла всю композицию. За книжки «Ладушки» и «Радуга-дуга» (сборники народных песенок, потешек, сказок) в 1971 году художнику была присуждена Государственная премия СССР.

Чем больше проходит времени, тем яснее понимаешь, каким необычным, цельным, удивительно народным по всему своему мироощущению и пластическому мышлению является творчество Юрия Алексеевича Васнецова.

Любовь ГРОМОВА

Ю. А. ВАСНЕЦОВ. 1900—1973. «Я МЕДВЕДЯ ПОЙМАЛ».

1989

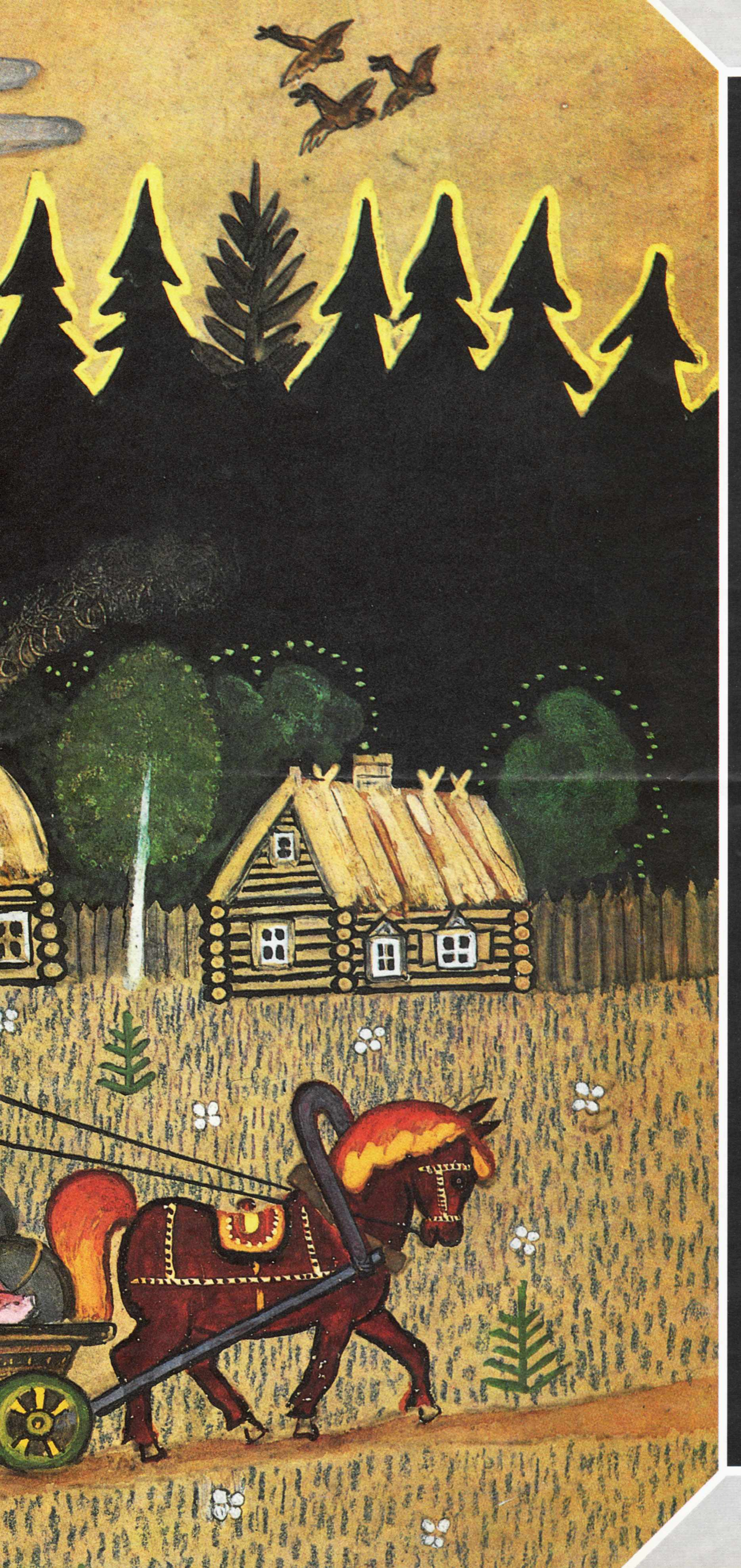
	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ
ПН.	2 9 16 23 30	6 13 20 27
ВТ.	3 10 17 24 31	7 14 21 28
СР.	4 11 18 25	1 8 15 22
ЧТ.	5 12 19 26	2 9 16 23
ПТ.	6 13 20 27	3 10 17 24
СБ.	7 14 21 28	4 11 18 25
ВС.	1 8 15 22 29	5 12 19 26

	МАРТ	АПРЕЛЬ
ПН.	6 13 20 27	3 10 17 24
ВТ.	7 14 21 28	4 11 18 25
СР.	1 8 15 22 29	5 12 19 26
ЧТ.	2 9 16 23 30	6 13 20 27
ПТ.	3 10 17 24 31	7 14 21 28
СБ.	4 11 18 25	1 8 15 22 29
ВС.	5 12 19 26	2 9 16 23 30

	МАЙ	ИЮНЬ
ПН.	1 8 15 22 29	5 12 19 26
ВТ.	2 9 16 23 30	6 13 20 27
СР.	3 10 17 24 31	7 14 21 28
ЧТ.	4 11 18 25	1 8 15 22 29
ПТ.	5 12 19 26	2 9 16 23 30
СБ.	6 13 20 27	3 10 17 24
ВС.	7 14 21 28	4 11 18 25

«СБИЛ, СКОЛОТИЛ...»

ОГОНЁК

	ИЮЛЬ	АВГУСТ
ПН.	3 10 17 24 31	7 14 21 28
ВТ.	4 11 18 25	1 8 15 22 29
СР.	5 12 19 26	2 9 16 23 30
ЧТ.	6 13 20 27	3 10 17 24 31
ПТ.	7 14 21 28	4 11 18 25
СБ.	1 8 15 22 29	5 12 19 26
ВС.	2 9 16 23 30	6 13 20 27

	СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ
ПН.	4 11 18 25	2 9 16 23 30
ВТ.	5 12 19 26	3 10 17 24 31
СР.	6 13 20 27	4 11 18 25
ЧТ.	7 14 21 28	5 12 19 26
ПТ.	1 8 15 22 29	6 13 20 27
СБ.	2 9 16 23 30	7 14 21 28
ВС.	3 10 17 24	1 8 15 22 29

	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
ПН.	6 13 20 27	4 11 18 25
ВТ.	7 14 21 28	5 12 19 26
СР.	1 8 15 22 29	6 13 20 27
ЧТ.	2 9 16 23 30	7 14 21 28
ПТ.	3 10 17 24	1 8 15 22 29
СБ.	4 11 18 25	2 9 16 23 30
ВС.	5 12 19 26	3 10 17 24 31

«ПОШЕЛ КОТИК НА ТОРЖОК».

ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ СБОРНИКА «РАДУГА-ДУГА». 1969.

Предлагаем вашему вниманию отрывок из книги бывшего президента Франции Валери Жискар д'Эстена, которая будет опубликована в издательстве «Международные отношения» в 1989 году. «Власть и жизнь» — так называется эта книга, которая по стилю и манере подачи материала значительно отличается от привычного нам жанра воспоминаний видных политических деятелей. Вы не найдете здесь глубокого анализа тех или иных событий, характеристик людей. Скорее эта работа напоминает альбом с фотографиями. А, впрочем, вот что написал сам автор в коротком предисловии.

ВЛАСТЬ И ЖИЗНЬ

Валери Жискар Д'ЭСТЕН

Когда машина командования, на которой утром 14 июля 1974 года я производил смотр выстроенных вдоль набережных войск, остановилась на площади Бастилии, я стал усиленно соображать, как же мне из нее выходить. Машина на высоких подвесках была снабжена лишь небольшой металлической подножкой защитного цвета, зафиксированной на средней высоте. Можно было бы спуститься, повернувшись спиной и придерживаясь за стояк, но это представлялось мне не слишком достойным. В то же время сойти, не поворачиваясь, было невозможно из-за высоты.

Вокруг себя я видел большую пустынную площадь, залитую солнцем, и где-то очень далеко ряды зрителей, посреди которых возвышалась официальная трибуна, казавшаяся против света почти черной. Мне нужно было покинуть машину и пересечь эту огромную светлую эспланаду с тем, чтобы занять место у флага и музыкантов республиканской гвардии, которых я выделил по красному плюмажу.

У меня вдруг возникло легкое головокружение, подобное тому, что испытываешь высоко в горах. Это не страх, но особое ощущение мурашек по всему телу. Особенно это сказывается на ногах, которые делаются настолько слабыми, что, кажется, уже и не способны тебя удержать. Я все же вышел из машины вперед и зашагал в сопровождении двух военных, которые двигались прямо за мной.

В голове было пусто, очевидно под воздействием воздуха, окружающего меня, в целом же я пребывал в состоянии того хрупкого равновесия, которое наступает, когда резко встаешь, и кровь еще не поспевает в нужной мере оросить твой мозг.

У флага я остановился, и музыканты грянули «Марсельезу». Темная стена, которую они образовали, действовала успокаивающе. Она возвышалась всего в нескольких метрах передо мной и сокращала перспективу. Но я продолжал размышлять над тем, как пересечь эту площадь в этом торжественном гуле да на моих вялых, немеющих ногах, и не знал, как обеспечить себе устойчивое равновесие. И в каком-то смятении, как механизм, который работает вхолостую, я пытался представить себе то, что меня ожидает.

Музыка достигла глухого, точно из зажатого носа звучания. Я заметил, что перестал дышать. Тогда я сказал себе, что если немедленно не восстановлю полноценное дыхание, то уже наверняка не смогу пройти сейчас более или менее естественной походкой.

Сконцентрировавшись на этой мысли, я заставил себя приоткрыть рот и сделать несколько вдохов. И я почувствовал, как ко мне постепенно стала возвращаться не то чтобы сила, но какая-то легкость, позволяющая двигаться. Я направился к трибуне, поднялся на несколько ступенек и поздоровался с премьер-министром и председателями Ассамблей. Все встало на свои места.

Именно это воспоминание привело меня к решению написать данную книгу — о крайнем недоразумении, которое отдаляет народ от руководителей и порождает убеждение, будто руководители — это люди особой породы.

Я не склонен был публиковать сейчас МЕМУАРЫ или же пересказ своих размышлений и наблюдений за событиями в хронологическом порядке. Когда берешься за такое слишком рано — почти невозможно сделать это добросовестно. Мемуары, которые я читал о событиях, которым я был свидетелем, воспроизводят факты не совсем так, как я их знал. Иным виднее, как проделать эту работу.

В национальных архивах хранится полное собрание материалов о тех семи годах, что я пребывал на посту президента Республики. Эти материалы, как мне сказали, заполняют стеллажи протяженностью в пятьсот сорок метров. Вот там-то и написаны мои мемуары. Быть может, однажды какой-нибудь биограф и воспользуется ими. Надеюсь, что он будет дружелюбен и талантлив, так как, будучи увлеченным читателем биографий, я давно понял, что репутация людей прошлого зависит куда больше от благосклонности и одаренности их биографов, чем от их собственных достоинств или недостатков.

Итак, не мемуары, а попытка передать то, что я пережил в течение семилетнего президентского мандата, пережил морально, физически и интеллектуально. То, как я видел содержание своих встреч: какие наблюдения сделал в ходе своих бесед; то, что перепало мне от напряженности вовне и изнутри.

Чувства, даже самые простые, не поддаются точной передаче. Многие уже пытались это опровергнуть, призывая на помощь слова и строфы, и музыку. Как же тогда поделиться опытом пребывания в должности, воспринимаемой как нечто далекое и почти абстрактное, наделенной властью, которую считают безграничной, и условиями жизни, не сопоставимыми с жизнью других людей?

Единственным ответом мне представляется спонтанное и простое изложение, опирающееся на непосредственное воспоминание. Я ограничусь тем, что подчиню свое перо тем впечатлениям и картинам, которые роятся в моей памяти. Не стану слишком шлифовать свой текст и, если, конечно, удастся, перечитывать его более одного раза.

Причем мне кажется, что правильнее будет полагаться на точность сохранившихся у меня воспоминаний. Я не прибегну к специальным исследованиям, за исключением проверки отдельных дат или названий мест. Но эту работу я поручу Филиппу Созею, который продолжает свое преданное и компетентное сотрудничество со мной и после моего ухода.

К тому же воспоминание само по себе и есть своего рода форма достоверности: коль скоро я определенным образом воспроизвожу в своей памяти то или иное событие или какое-то впечатление, значит, это и есть та суть, которую я из них извлек. И будет лучше, если я вам ее передам так, как она мне видится.

Я не стану хронологически рассматривать день за днем. Но постараюсь выдержать тот ритм движения, ощущение которого сопровождало, поддерживало, а временами и направляло меня на протяжении всех этих семи лет. Начиная с дебюта, с того необычайного, молодого и доверчивого энтузиазма, забурлившего после недолгой кампании, до приближения финала, той накатывающейся пены, под которой я видел обнажающуюся угрожающую и губительную западню рифов.

* * *

По счастливой случайности, продлившейся на удивление долго, фактор здоровья не сыграл большой роли в ходе моего семилетнего пребывания у власти. Мне ни разу не пришлось приостанавливать своей деятельности, проводить какой-либо курс лечения или прибегать к хирургическому вмешательству. Разве что обычные простуды, которые подчинялись сезонному ритму: одна — в октябре, другая — в марте.

Поскольку они зачастую приобретали затяжной характер, я с 1978 года стал делать противогриппозную прививку. Лишь зимой 1976 года я столкнулся с некоторыми проблемами со здоровьем.

В декабре 1975 года мы посетили Египет с официальным визитом. Популярность президента Садата достигла к тому времени своего апогея.

В первом варианте программы египтяне предлагали мне осмотреть Суэцкий канал с тем, чтобы продемонстрировать его запущенное состояние — результат войны. Несмотря на соглашение о разъединении войск на Синае, подписанном тремя месяцами ранее

между Израилем и Египтом, восточная зона канала была по-прежнему оккупирована израильскими солдатами. Мне подумалось, что мое посещение противоположной стороны канала могло показаться оскорбительным Израилю, и потому я от него отказался.

Между тем мне хотелось отдать дань какому-нибудь французскому великому деянию. Мы прибыли в Каир в среду, 10 декабря. Наш путь от аэропорта до Дворца Абдин, где нам предстояло разместиться, проходил меж двух стен, образованных сжатой в несколько рядов толпой. Во дворце президент Садат вновь повторил свое предложение.

Я ответил ему так:

«Мне бы не хотелось посещать канал до тех пор, пока там не нормализуется обстановка. Но я бы с радостью отправился с вами в Исмаилию и посетил дом Фердинанда де Лессепса».

Моя идея застигла его врасплох и работала явно против его намерения проявлять всяческое доброжелательство, обязывающее принимать любые мои просьбы, даже не обсуждая их. Я почувствовал, что он расстроен. Отвечать он мне не стал.

Прошел день, и после завтрака в райском уголке ассуанской пальмовой рощи сопровождавший меня премьер-министр Египта Мамдух Салем отвел меня в сторону:

«Я только что получил указание от президента Садата. Он поручил мне сказать вам, что он согласен с вашим предложением на тех условиях, которые вы обозначили. Он будет встречать вас завтра в аэропорту Исмаилии и примет вас в своем доме, который до национализации принадлежал директору компании Суэцкого канала». Мне вспомнился мой дядя Жак Жорж-Пико. Там ли проживал он когда-то? Я сразу же распорядился, чтобы журналистов информировали об изменении программы.

Наше передвижение было действительно экспромтом. Мы вылетели из Луксора вскоре после полудня, Садат встречал меня на летном поле. Затем мы вместе поехали по дороге, пересекающей пустыню, в направлении канала. На подъезде к Исмаилии президент предложил мне осмотреть город. Население, по-видимому, предупредили по радио. Люди сходились со всех сторон, и улицы заполнялись приветливой толпой. Было очевидно, что восторги адресовались прежде всего президенту Садату. К нему тянули руки и что-то исступленно кричали. Служба порядка даже не пыталась сдерживать зрителей, и люди бежали прямо рядом с машиной. Невероятная пыль поднималась над толпой.

По пути была предусмотрена одна остановка для осмотра домов, выстроенных не так давно в рамках социальной программы по инициативе некоего Османа, который за свой счет украсил Египет афишами, изображающими наши с президентом Садатом любезно застывшие физиономии, и лозунгами, прославляющими франко-египетскую дружбу. Сын Османа был помолвлен с младшей дочерью президента.

Осмотрев дома, которые выглядели опрятно и добротно, мы вновь пустились в путь.

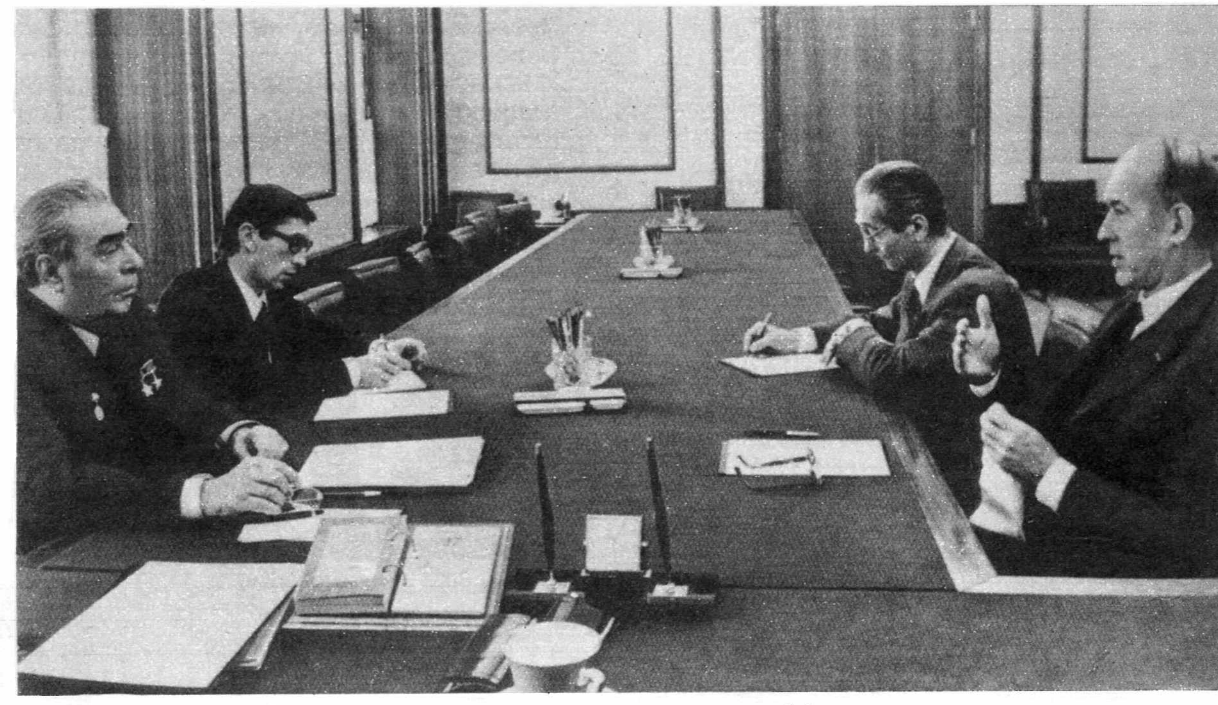
То ли от пыли, проникающей под веки, забивающей ноздри, щекочущей горло, то ли от великого скопления людей и микробов я почувствовал себя плохо. После рождественских праздников, проведенных на нашей вилле в Вандомуа, на меня обрушились приступы непонятной слабости, из-за которой порой я еле поднимался из кресла. Мое недомогание было еще не настолько явным, чтобы я решился на какое-либо медицинское обследование. К тому же я точно не знал, как описать свое состояние врачам.

Я выжидал, рассчитывая, что в январе и феврале слабость пройдет, но она только усиливалась. Так, во время рабочих совещаний, которые регулярно проводились в Елисейском дворце, меня преследовала мысль, что я не смогу встать по окончании встречи. В феврале 1976 года, опасаясь, что заседание Совета министров затянется слишком надолго, я где-то в середине повестки дня вышел из зала, под предлогом, что мне необходимо позвонить. Все решили, что я иду звонить какой-нибудь мировой величине, но я же удалился для того, чтобы просто прилечь. Не двигаясь, с закрытыми глазами, я пролежал 10 минут, а затем вернулся в зал.

Настоящий приступ случился в церкви Бормле Мимоза в Брегансоне, которую мы всегда посещали, приезжая в этот город.

Мне очень нравилась эта церковь, ее алтарь в стиле Людовика XIV и вся архитектура, присущая только Провансу, словно переписанная во французском вкусе версия итальянских мастеров времен Бернини. Священник, отец Каррэ, некогда принимал здесь президента Помпиду. Стоя на лестнице, я обычно раздавал автографы и пожимал руки, ожидая, пока местные жандармы расчистят путь в колышущейся толпе. В машине я нарочно оставлял окно открытым, чтобы не воздвигать стеклянный барьер между людьми и той важной особой, загадочной и недоступной, которой я стал для них в силу своего поста.

В Брегансоне мы бывали трижды в год. Здесь мы

проводили одну неделю летом, пару дней на Троицу и один раз зимой. В то время как Париж наполняется серым туманом и шифер его крыш пропитывается дождем, в Провансе, открывая утром ставни, обнаруживаешь искрящееся небо и бесконечно разнообразный пейзаж с красными холмами, с точками оливковых деревьев, с зелеными дубовыми рощами, за которыми у горизонта поднимаются горы. Такое утро подобно сновидению.

В воскресенье, 15 февраля, на следующий день после франко-западногерманской встречи в верхах, в ходе которой я принимал канцлера Шмидта недалеко от Ванса, все шло, как обычно. Отъезд из Брегансона вдоль небольшого мола, подъем по дороге, ведущей в Борн; треугольная площадь, опустевшая без летней толпы, на которой заядлые любители игры в шары внимательно следили за движением прицеливающегося игрока. Во время проповеди я почувствовал себя настолько плохо, что, казалось, не сумею встать и преодолеть центральный коридор. Все же во время службы мне удалось встать, и время от времени я украдкой хватался за спинку впереди стоящей скамьи. Я уже представлял, какова будет реакция, испуганный шепот окружающих, и затем заголовки в газетах: «Недомогание президента в церкви Борн», «Жискар, сраженный недугом», и нервозную озабоченность политических гурманов.

Я сидел у самого края центрального прохода. Справа от меня — точеный профиль Анны-Эмонны, ее сосредоточенные глаза, отстраненность от всего окружающего; несколько поодаль — какие-то две дамы. Впереди нас — ряды, заполненные детьми.

Церемония закончилась. Отец Каррэ направился к нам, чтобы проводить до выхода. Я поднялся. Ощущение слабости несколько притупилось. Мы вышли на улицу и, глотнув свежего воздуха, не торопясь, задавая телу ровный механический ритм, я спустился по лестнице. Машина на этот раз стала для меня убежищем.

Мы вернулись в форт. В столовой с арочным потолком, смахивающей на каземат,— той самой, где, по слухам, я имел обыкновение принимать гостей, восседая на троне,— мы устроили рыбный обед, и я, удобно расположившись в соломенном кресле с подушками из провансальской ткани, следил за медленным передвижением яркого солнечного зайчика по белой стене. Вот тогда-то и созрело мое решение обратиться к врачам сразу же по возвращении в Париж.

Осуществить его было не так-то просто. Медицинское обслуживание президента Республики обеспечивается двумя молодыми врачами, которых отбирают из практикантов при больнице и которым служба в Елисейском дворце засчитывается как прохождение военной службы. Таким образом, они сменялись каждый год. Никогда не забуду крайнее удивление канцлера Гельмута Шмидта, когда, отвечая на один из его вопросов, я обрисовал ему скромность наших возможностей в этой области.

Осуществить мое решение было действительно не просто, так как я стремился избежать внимания средств массовой информации. В конце концов я решился обратиться к главному врачу военного госпиталя Валь-де Грас. Мне пришлось самому отправиться к нему, так как он нуждался кое в какой аппаратуре для анализов. Новый военный госпиталь уже не занимал старый Валь-де Грас на улице Сан-Жак. Его новое здание стояло на бульваре Порт-Руаяль. Мне разъяснили, как добираться: на машине до ограды, караульный будет предупрежден и пропустит меня, затем следует обойти здание слева и спуститься на нижний этаж.

Все прошло благополучно. Главный врач и его помощник уже поджидали меня на пустынном нижнем этаже, где мы сели в лифт. Затем мы вышли в коридор и тут же наткнулись на двух медсестер, которые, увидев меня, на какой-то миг оторопели, но потом, подчиняясь профессиональной дисциплине, проследовали дальше.

В кабинете врача началось обычное обследование.

Измерив давление, доктор приступил к необходимым анализам.

Кабинет был обит темно-зеленым фетром, на стенах эстампы и рисунки зверей. Я подумал, что хозяин кабинета заядлый охотник, и спросил его об этом нарочито отрешенным голосом, демонстрируя свое самообладание. И попал в точку. Он оказался страстным охотником. Так что на все последующее время, пока передвигались стрелки небольших круглых счетчиков и вертелась лента, регистрирующая колебания моего сердца, тема для разговора была найдена. Он полностью был посвящен охоте на косулю.

Обследование заканчивалось. Мы спустились сделать рентген. Рентгеновское отделение было уже закрыто, но доктор предварительно позаботился о том, чтобы остались нужные специалисты. Я снял рубашку и ощутил холод металла, прижатого к моей груди. Рентгенолог какое-то время молча наблюдал, а затем сделал снимок.

Врач сказал, что результаты обследования будут известны через неделю.

Врач объявился через восемь дней. Он не спешил и выдержал паузу, тяжелый момент ожидания, быть может, чтобы усилить мою тревогу. Затем — внезапное облегчение: он объяснил, что ничего не обнаружил, абсолютно ничего, что все у меня в норме: «У вас совсем молодое сердце». Никаких следов вирусов ни в крови, ни в моче. Лишь какие-то остатки или, как я это понял, трупы микробов, свидетельствующие о перенесенной мною ранее, вероятно, пару лет назад, инфекции, которую я вполне мог схватить в болотистых районах Африки. Следовательно, не нужно никакого иного лечения, кроме соблюдения обычного режима.

Психологически я тогда избавился от своего недуга. Однако странный симптом по-прежнему докучал мне. Все та же беспричинная слабость.

Я смог окончательно исцелиться лишь через несколько недель благодаря действию высокогорного воздуха. Каждый год мы с Анной-Эмонной и детьми выезжали кататься на лыжах на курорт Куршевель; там, в Форе-Нуар, находится небольшой дом, который купила моя мать, когда курорт еще только закладывался. Стояла исключительно хорошая погода. Треугольный силуэт Монблана отражался в голубом тумане неба. Я поднялся на вершину горы Саулир и вдохнул кристальный воздух, затем плотно сжал палки, поправил крепления лыж и отчетливо ощутил, что болезнь позади. Стоя на военном аэродроме Шамбери, куда нас доставили вертолетом, чтобы пересесть в самолет, я прислушивался к своему телу и не чувствовал ничего, кроме приятной усталости мышц.

Быть может, та слабость проникла в меня вместе с пылью Исмаилии? Во всяком случае, она рассеялась так же, как и та пыль.

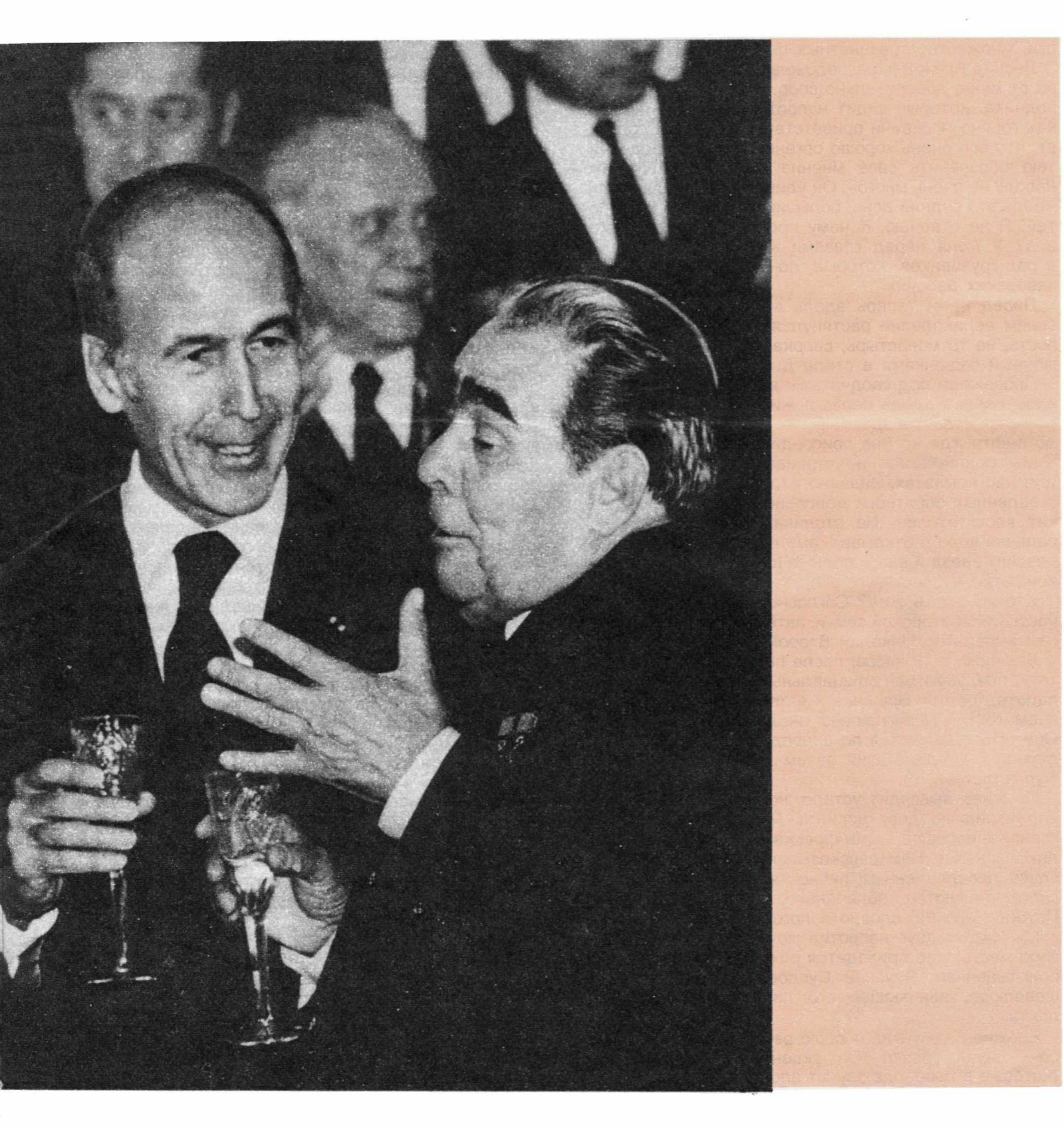
Я оказался невольным свидетелем проблем со здоровьем у двух моих высоких гостей: Леонида Брежнева и Гельмута Шмидта.

Свой первый визит Леонид Брежнев нанес мне в декабре 1974 года.

Мне довелось неоднократно встречаться с ним ранее, будучи еще министром экономики и финансов при президенте Помпиду. Я возглавлял тогда французскую делегацию на заседаниях так называемой «Большой советско-французской комиссии», которые поочередно проводились в Париже и Москве.

В ходе советско-французской встречи на высшем уровне в Пицунде президент Помпиду и Леонид Брежнев договорились закрепить практику ежегодных встреч в верхах между нашими странами. Предусмотренная на конец 1974 года встреча должна была в соответствии с правилами состояться во Франции.

После моего избрания я подтвердил наше приглашение Леониду Брежневу и предложил провести встречу в Рамбуйе. Я предпочитал избегать проведения крупных мероприятий в самом Париже, поскольку множество официальных эскортов блокирует движение и вызывает раздражение у парижан. К тому же я стремился сделать так, чтобы наши переговоры были более продолжительными, и рассчитывал, что в Рамбуйе нас будут меньше прерывать, чем в столице. Мне хотелось поглубже прозондировать моего собеседника, попытаться проникнуть в глубину механизма формирования его суждений и выявить его наиболее чувствительные точки.

Замок Рамбуйе мне был хорошо знаком, так как я много раз приезжал сюда охотиться по приглашению генерала де Голля, а впоследствии и президента Помпиду.

Во второй половине дня, накануне визита, я отправился в Рамбуйе с тем, чтобы осмотреть апартаменты, подготовленные для Брежнева.

Было решено отвести ему комнату Франциска I и примыкающие к ней жилые помещения. Комната эта располагается на самом верху толстой фасадной башни. Ее назвали в честь короля Франциска I, который, охотясь в лесном массиве, окружающем Рамбуйе, неожиданно заболел и вскоре скончался. Никто в точности так и не знает, где это произошло. Но, поскольку комнате над башней, пожалуй, единственной, удалось избежать преобразований XVIII века, а также эпохи ампир, с ней и стали связывать эту историю.

Ответственные лица много суетились, подготавливали помещения для размещения членов советской делегации, переводчиков и врача. Остальная часть свиты разместится в Париже, в советском посольстве, и будет приезжать в Рамбуйе по мере необходимости.

Предполагалось, что в день своего приезда, в среду вечером, Брежнев отужинает один в своих апартаментах, чтобы отдохнуть с дороги. На следующий день предусматривался совместный завтрак с участием основных членов делегации, всего на восемь персон. А наша первая беседа была намечена на 17.30. Предполагалось, что она будет проходить «тет-а-тет», в присутствии лишь переводчиков и продлится два часа.

Мы позавтракали, как планировалось, и разошлись. В 15 часов — первое послание: Генеральный секретарь просит перенести начало переговоров на 18 часов. Никаких объяснений. Я даю свое согласие и остаюсь в небольшом кабинете, примыкающем к моей комнате, перечитываю материалы для беседы.

В 16 часов 15 минут — новое послание: господин Леонид Брежнев желает отдохнуть. Нельзя ли начать переговоры в 18.30? В принципе, и по всей вероятности, ход наших встреч не будет предан гласности. Однако утечка информации вполне допустима, и тогда легко предсказать ее интерпретацию: «Брежнев заставляет ждать Жискара! Никогда он не позволил бы себе такого по отношению к де Голлю! Он явно дает понять, кто есть кто». Мой ответ, переданный через генерального секретаря Елисейского дворца, следующий: если мы хотим сохранить продолжительность наших переговоров, нежелательно оттягивать их начало. Я буду ждать господина Брежнева в 18 часов в условленном месте.

По моей просьбе в небольшой комнатке, завершающей анфиладу залов, разжигается камин. В этой комнате восхитительные деревянные панели с исключительно тонкой резьбой середины XVIII века, изображающие фигурки животных. Панели явно в плохом состоянии, кое-где виднеются небольшие сколы. Я отмечаю про себя, что следует подумать об их реставрации.

Но вот вдали отворяется первая дверь, и я вижу направляющегося ко мне Брежнева. Он ступает нерешительно и неторопливо, словно на каждом шагу уточняет свой курс. За ним следует его адъютант, которому, похоже, далеко за шестьдесят, затем переводчик. Поодаль, как обычно, довольно многочисленная группа советников в темных костюмах. Среди них я узнаю советского посла в Париже.

Я поджидаю Брежнева на пороге. Встреча теплая. Он берет мою руку и, обернувшись к переводчику, начинает ее горячо трясти. Он выражает свою радость по поводу нашей встречи, уверенность в том, что «мы сможем хорошо поработать на благо советско-французского сотрудничества», и добавляет соболезнования в связи с кончиной президента Помпиду. На его полном лице с отяжелевшей нижней частью, нависающей над шеей, выделяются впалые и очень живые глаза. По движению его челюстей заметно, что он испытывает определенные затруднения при разговоре.

Церемониймейстер притворяет створки дверей. Я приглашаю Брежнева сесть возле камина. Переводчики достают свои продолговатые блокноты, открывают первую страничку. Беседа начинается с обычных тем: сохранение мира и разрядки, значение советско-французского сотрудничества, которое может служить примером. Но также и сетования: «Мне докладывают, что процентные ставки по-прежнему слишком высоки для наших заказов. Кое-кто предлагает нам более выгодные условия, в частности итальянцы и немцы. Мы готовы отдать предпочтение вам. Однако необходимо, чтобы ваши условия были по крайней мере такими же, как их, иначе мы изберем себе других партнеров». Я ощущаю себя в своей прежней должности: все эти вопросы много и долго дебатировались в рамках большой комиссии. Мне же хотелось поговорить с ним по текущим проблемам: о состоянии советско-американских отношений через четыре месяца после ухода Никсона, об отношении СССР к нефтяному кризису...

Я наблюдаю, с каким усилием он произносит слова. Когда его рот приходит в движение, мне кажется, что я слышу звук трущихся в жидкости костей, как будто челюсти у него плавающие. Нам подают чай. Он просит воды. Его ответы носят общий характер, скорее даже банальны, но звучат справедливо. Ясно, что он предпочитает не выходить за пределы знакомой области. Он сожалеет об уходе Никсона: «Хоть он и был нашим противником, с ним можно было договариваться», но в то же время полагает, что президент Форд при советах Генри Киссинджера продолжит ту же политику. И он переходит к нашим торговым отношениям.

«В отношении нефти,— говорит он мне,— Советский Союз готов вам ее поставлять, но в наличии у нас сейчас небольшое количество, а ведь необходимо еще обеспечить нефтью страны Варшавского Договора. По этому вопросу ведутся сейчас переговоры».

Это верно, но аргумент довольно старый. Мы действительно продолжали вести переговоры, но они начались еще несколько лет назад, значительно раньше нефтяного шока, когда мы решили разнообразить источники закупки нефти с тем, чтобы покрыть потребности ЭРАП* и сбалансировать поставки нашего оборудования в СССР. Количество нефти, поступающей к нам из Советского Союза, мало изменилось. мы получаем всего несколько миллионов тонн в год, и советская сторона не обещала существенного увеличения поставок.

Дикция Брежнева становится все менее разборчивой. Мы говорим в течение пятидесяти минут. Я это отмечаю по циферблату своих часов. Однако с учетом перевода, время беседы вдвое меньше. Внезапно Леонид Брежнев встает — в дальнейшем я еще не один раз столкнусь с этой его манерой — и, едва выпрямив ноги, направляется к выходу. Он что-то говорит переводчику, наверное, просит открыть дверь и предупредить адъютанта, который должен быть в непосредственной близости. Как только Брежнев делает первый шаг, он перестает замечать присутствие других людей. Главное — это контролировать направление движения. «Мне нужно отдохнуть,— говорит он, расставаясь со мной,— вчера был трудный перелет, очень ветрено. Кажется, мы увидимся за ужином».

Да, это так. Мы вскоре встретимся за ужином. Будут также и другие лица: Громыко, справа от меня, и наш министр иностранных дел Сованьярг, у которых также состоялась беседа; затем послы обеих наших стран и другие официальные лица; и, наконец, переводчики: с нашей стороны — князь Андронников, директор курсов подготовки переводчиков при

* ЭРАП — Учреждение по исследованию и осуществлению нефтяной деятельности.

университете Дофин, использующий каждый официальный визит в Москву для посещения русских храмов; и с советской стороны — высокий дипломат, похожий на англичанина, с тонкими чертами лица и преждевременной сединой, говорящий на литературном французском языке без какого-либо признака акцента.

Ужин протекает в том самом обеденном зале, где де Голль давал свои охотничьи обеды.

Прием пищи стоит Брежневу немалых усилий. Врач, сидящий в конце стола, внимательно наблюдает за ним. Мы говорим мало и не очень содержательно. Сколько же банальностей наполняют подобного рода встречи, за которыми издалека бдительно наблюдают журналисты и в тревожном ожидании следят народы разных стран! Я взглянул на челюсть Генерального секретаря. Сумеем ли мы завтра хоть чуточку продвинуться, выйти за пределы совпадающих взглядов, добраться до конкретных проблем, туда, где можно было бы надеяться на какие-то перемены?

Подан десерт. Я провожаю Брежнева до прихожей, выстланной черной и белой плиткой. Мы обмениваемся добрыми пожеланиями на ночь. И я наблюдаю его плотную фигуру, удаляющуюся все той же неуверенной походкой в сопровождении небольшой свиты в направлении комнаты Франциска I, где он проведет ночь.

* * *

На основе взаимности мне предстояло посетить Москву в октябре 1975 года. Советская сторона стремилась придать этой поездке характер официального визита с тем, чтобы чередовать такого рода визиты с рабочими встречами. В этой связи они предусмотрели в своей программе целый ряд протокольных мероприятий вперемежку с переговорами. Меня сопровождала Анна-Эмонна, а также довольно значительная свита, численность которой, однако, была лимитирована. Нам предстояло разместиться в Кремле.

Французская печать в своих комментариях уделяла огромное внимание тому, какой прием уготован мне в Москве. Будет ли он таким же блестящим, как при визитах де Голля и президента Помпиду? Праву честно волновало как раз обратное: не станет ли Жискар, заявивший о своей приверженности голлизму, чрезмерно любезничать с советскими?

Мне тоже эта поездка не представлялась простой, однако совсем по иным причинам. Я не считал целесообразным организовывать грандиозные протокольные обеды, к тому же я хорошо понимал, что притягательность и новизна подобных встреч существенно притупилась с тех времен, когда Франция выступала инициатором поиска «разрядки» между Западом и Востоком, по мере того как наши американские, немецкие и английские партнеры принялись, в свою очередь, развивать прямые контакты с Москвой. Торжественность приемов, как и воодушевление народа становились обыденными.

Значительно важнее стало отныне само содержание бесед. Может ли Франция еще рассчитывать на статус привилегированного дипломатического партнера Советского Союза, полученный благодаря инициативам генерала де Голля? Или же наши собеседники пытаются при нашей помощи создать прецедент, который можно было бы с немалой выгодой использовать для развития более значимых, с их точки зрения, отношений с Западной Германией? Сумею ли я выявить их подлинные намерения в военной области?

Стремятся ли они подтолкнуть Францию на путь предполагаемого нейтрализма, заверяя в надежности ядерного сдерживания, оберегающего наше Отечество, и преследуя главным образом цель ослабления Атлантической группировки? Или же видят в нашем ядерном устранении серьезную и дополнительную угрозу для самих себя, угрозу, которая существенно уменьшила бы их шансы на вторжение в западный мир и победу в гипотетическом военном конфликте между Западом и Востоком?

Что касается характера встречи, то я очень быстро для себя этот вопрос прояснил. Самолеты гостей, приезжающих с официальными визитами, садятся в аэропорту Шереметьево, на северо-востоке от Москвы, где им зарезервирована специальная стоянка.

Советские руководители, встречающие нас, выстроились в линию. Вот они двинулись к трапу самолета. Группки детишек и молодые учительницы размахивали маленькими бумажными флажками — трехцветными и советскими. Я их поприветствовал, хотя при этом, в глубине души, был убежден, что они на самом деле не знают, кто я такой. Конечно же, они радуются, но, наверное, потому, что эта прогулка забавнее урока в классе; лица их раскраснелись от свежести наступающей осени, но им не холодно, мальчики защищены зимними спортивными курточками, девочки — в шерстяных чулках.

Затем кортеж направляется в Москву. Мы пересекаем березовую рощу с прозрачным подлеском и вскоре проезжаем мимо монумента, символично воспроизводящего железные противотанковые ежи в том месте, где немецкие войска ближе всего подошли к Москве в декабре 1941 года. Кажется, место указано неточно. Во всяком случае, думается мне, где-то в этих краях Гельмут Шмидт, должно быть, и наблюдал во время немецкого наступления отблески взрывов над черными стволами деревьев и заснеженными полями.

Затем вдоль нескончаемых бульваров, где остановлено и без того не слишком оживленное движение, минуем пригород Москвы. Наконец вот и город. Широкий проспект ведет прямо в Кремль. Именно здесь и поджидает нас толпа, на которую нацелены телевизионные камеры и которая впоследствии позволит говорить о народном энтузиазме.

Точно такой же путь я проделал за два года до этого в июле 1974 года, будучи еще министром финансов.

Тротуары вдоль проспекта были заполнены обычными пешеходами, вполне равнодушными к нашему шествию. Представляю реакцию журналистов, которые следуют в машинах прессы в каких-то десяти метрах за нами.

Оказывается, советские зарезервировали нам горячее приветствие на конечном повороте. Народ аплодирует. В руках, словно по счастливой случайности, множество трехцветных флажков.

Леонид Брежнев, расположившийся в машине слева от меня, доверительно сообщает мне через переводчика, который сидит напротив нас: «Вы видите, как горячо москвичи приветствуют Вас!» Он полагает, что все очень хорошо организовано. Я предпочитаю обозначить свое мнение: «Мне кажется, что народу не очень много». Он удивлен, почти растерян: «Ведь это будний день, большинство людей на работе». Я не отвечаю. К чему продолжать этот разговор? У меня перед глазами картина выстроенных в ряд грузовиков, которые, по-видимому, перевозят заводских рабочих.

Перед нами теперь вдоль Москвы-реки во всем своем великолепии растянулся Кремль. Не то крепость, не то монастырь, сверкающий золотом, окруженный башенками в стиле Диснейлэнда.

Проезжаем под сводчатыми воротами и поворачиваем налево вдоль первого жилого здания. Леонид Брежнев входит в здание вместе со мной, провожает до лифта, где ко мне присоединяется Анна-Эмонна.

Мы поднимаемся и устраиваемся в отведенных для нас комнатах, недавно отремонтированных, обставленных опрятно и довольно безвкусно. Но паркет восхитителен. На столиках выставлены минеральная вода с открывалками в виде красных кремлевских звезд и вазы, полные шоколада, причем все конфетки в блестящих обертках различных цветов.

Кто же здесь жил? Согласно «Голубому гиду» — часть императорской семьи, затем, в начале XX века, сам император Николай Второй.

Вечером, в 19 часов, после первой беседы «тет-а-тет», предусмотрен официальный обед в Грановитой палате Кремля. Брежнев и я, стоя бок о бок, встречаем гостей. Приглашено около двухсот человек. Они представляются по очереди, вначале проходит французская делегация, затем советская и, наконец, журналисты.

Брежнев выглядит устало, но, должно быть, принял изрядную дозу допинга. Мы входим в зал со стенами, испещренными фресками, неистовыми и великолепными. Нам рассказывают об изображенных здесь прославленных личностях великого Московского княжества, облаченных в военные доспехи. Потолок низкий, словно в логове Ивана Грозного.

Мы сидим друг напротив друга. И, чтобы занять свое место, мне приходится обходить ряд советских приглашенных. Я узнаю Суслова по пышной белой шевелюре, венчающей его лицо стареющего студента.

Брежнев зачитывает свою речь. От усталости его речь звучит резко. Он акцентирует свои фразы (которые в переводе звучат вполне банально) таким образом, что придает им тональность угрозы. И это звучание затмевает сердечность приветственных слов, ритуальные любезности и бесконечно подчеркиваемое значение советско-французских отношений.

В свою очередь беру слово и я. Я отрабатывал свой текст в Елисейском дворце, опираясь на замечательный проект, подготовленный моим дипломатическим советником Габриэлем Робэном.

Я добавил в него два новых элемента. Первый — это указание на то, что, если мы желаем укрепить достижения последних десяти лет, нам необходимо перейти от простого сосуществования, в рамках которого мы ограничиваемся признанием права на существование каждого из нас, к непосредственному сотрудничеству, при котором мы беремся работать сообща в целях разрешения конкретных проблем.

Второй элемент был своего рода предостережением относительно все возрастающей несовместимости между продолжением разрядки и идеологической конфронтацией. Я хотел выразить советской стороне свое недовольство в связи с пылким выступлением против империализма в том виде, как оно было недавно распространено в советской печати и средствах массовой информации и о котором, как полагали наши собеседники, нам ничего не было известно. В нем нас обвиняли вместе с американцами и «реваншистами» Федеративной Германии.

Я встаю и готовлюсь говорить. Суслов, которого я вижу сбоку, сосредоточен над своей тарелкой. Кажется, Брежнев не очень внимательно следит за моим выступлением. По окончании он аплодирует с вежливым энтузиазмом, затем с фужером в руках произносит еще несколько тостов. Мы встаем из-за стола, и неожиданно он, как школьник, берет меня за руку, чтобы парой выйти из зала. Хорошее настроение и радушие вновь при нем.

Перед тем, как расстаться, он повторяет, что будет ждать меня завтра во второй половине дня:

«Нам потребуется много времени. Нам предстоит проделать вместе большую работу».

Наши апартаменты расположены в другом здании, с противоположной стороны Оружейной палаты, и, чтобы добраться до них, мы проходим по длинной анфиладе коридоров, которые обрамляют кремлевскую территорию. Затем мы возвращаемся в свои безликие покои и закрываем дверь. На окнах нет ставен. Напротив виднеется угловатая масса кремлевских построек. Небо хорошо просматривается отсюда. В городе тихо.

На утро следующего дня в программу по моей просьбе было включено посещение дома-музея Льва Толстого в Ясной Поляне. Это имение расположено недалеко от Тулы, в ста километрах на юг от Москвы. Мы вылетели в Тулу самолетом, затем ехали на машинах.

Деревянный дом, просторный и строгий, с инкрустированным паркетом. Комнаты беспорядочно сообщаются между собой. На стенах гостиной — портреты членов семьи, в частности родителей, дедушек и бабушек Толстого. С величайшим удивлением я узнаю лицо артиста, исполнявшего роль старого князя Болконского в фильме «Война и мир». Личные вещи сохранились в целости; в соответствии с русским обычаем домашние платья — на вешалках, обувь — в нижней части шкафов. На письменном столе из шероховатого дерева виднеются чернильные пятна, на письменном приборе — стальные перья.

Мы дошли до могилы Толстого. Гроб был опущен прямо в землю на краю оврага волшебной березовой рощи, в том самом месте, где, как рассказывал ему в детстве брат Николай, закопана «зеленая палочка». Я вспомнил трогательную просьбу прославленного Толстого: раз уж придется куда-нибудь пристраивать мое тело, я прошу, чтобы это было в этом месте, в память о моем брате Николае. И я возложил на небольшой могильный холмик цветы, которые привез из Москвы.

На обратном пути, в самолете, я узнаю о том, что имеются определенные сложности с проведением предусмотренной на вторую половину дня беседы с Леонидом Брежневым. Мне сообщают, что он свяжется со мной, когда я приеду в Москву.

У нас предусмотрен частный завтрак в наших апартаментах в Кремле. Войдя в прихожую, я застаю членов французской делегации в сильном возбуждении: Брежнев, кажется, отказывается от нашей встречи. Мои сотрудники буквально врываются в мой кабинет:

«Вы не должны этого допустить! Журналисты уже в курсе. Они передают в Париж, что Брежнев наносит Вам оскорбление!»

«Откуда исходит эта информация»? — спрашиваю я.

«От советской делегации. Кажется. Брежнев сам Вам позвонит». Мое сердце бьется медленнее, как всегда в условиях кризисов, маленьких или больших, помогая мне обуздать мою реакцию. Отчего это волнение? Если он отказывается от встречи, значит, есть какая-то тому причина. Если эта причина оскорбительная, я уеду, и дело с концом! Если отказ оправдан, придется его объяснить, но это уже проблема советской стороны.

Действительно, член советской делегации просится ко мне на прием. Он сообщает мне, что господин Брежнев желает переговорить со мной по телефону.

Нас связывают.

Брежнев говорит мне по-русски какие-то слова, которые я не понимаю. Затем подключается переводчик:

«Генеральный секретарь приносит свои извинения. Он утомлен. Он был болен уже вчера, но настоял на том, чтобы встретить Вас в аэропорту. Он простудился, плохо спал этой ночью».

Я слышу, как они обмениваются своими соображениями по телефону.

«Ему необходимо отдохнуть сегодня. Он просит Вас в порядке личного одолжения — я отмечаю формулировку — согласиться на изменения в Вашей программе. Вы могли бы посетить Бородино сегодня во второй половине дня вместо предусмотренного осмотра в пятницу. И мы перенесли бы сегодняшние переговоры на пятницу. Он просит Вас согласиться на это, так как сильно утомлен».

Он настаивает, и его объяснение выглядит вполне убедительным. Я предвижу, как отреагируют мои сотрудники, которые, в свою очередь, будут оглядываться на средства массовой информации: «Вам не следовало уступать. Он не посмел бы так поступить с де Голлем. Он мог бы постараться участвовать в часовой беседе!»

В моем распоряжении три секунды, я должен принять решение. Пытаюсь взвесить: «за» — диктует жизнь, «против» — требует власть.

Я даю ответ:

«Согласен перенести переговоры на пятницу. Надо проследить за реакцией прессы. Она, конечно же, будет негативной. Возьмите на себя все объяснение, а также ответственность за изменения в программе. Передайте господину Брежневу мои пожелания доброго отдыха и скорейшего выздоровления».

Таким образом, в силу этих перестановок во второй половине дня я отправился в Бородино.

И только в пятницу, по окончании наших последних бесед, Брежнев лично поведал мне истинные причины изменения в программе. В интервью, которое я дал в среду по первому каналу французского телевидения, я не захотел делать намеки на состояние здоровья советского руководителя, и служба информации французского посольства полностью соблюла указания о строгой конфиденциальности этого вопроса.

Лишь в конце моего пребывания пресса подчеркнула «деликатность», проявленную французской делегацией. Однако в информационном обществе такого рода запоздалый комплимент не стирает первоначальное неблагоприятное впечатление.

Что же запомнится из этих дней? «Оскорбление», нанесенное Брежневым? Или же более реалистичное понимание того, что события развиваются лишь приблизительно так, как они предусмотрены.

Четыре года спустя, в апреле 1979 года, Леонид Брежнев вновь встречал меня в аэропорту Шереметьево. На этот раз все было скромнее. Без детишек, свезенных из школ. Это был рабочий визит. Я гадал, приедет ли Брежнев в аэропорт или кто-то будет его замещать, так как слухи о его проблемах со здоровьем распространились довольно широко. Ему нередко случалось отказываться от приема своих гостей.

Взглянув в иллюминатор самолета, я сразу увидел его в сером пальто и фетровой шляпе с шелковой лентой. Рядом с ним — Громыко и сотрудники Министерства иностранных дел.

Спускаюсь по трапу. Как все-таки приятно, что народу немного и я избавлен от стойки «смирно», искусственных улыбок и цветов в целлофане!

Мы садимся в громадную черную машину Брежнева, и кортеж неспешно направляется в Москву.

Наши переводчики сидят напротив нас. У меня теперь новый переводчик. По неизвестным мне причинам, но скорее всего в связи с возрастом, Андронников вышел на пенсию. Его заменила молодая женщина русского происхождения Катрин Литвинова. Я спросил, имеет ли она родственные отношения с бывшим советским наркомом иностранных дел, знакомым мне лишь по имени.

«Да,— ответила она мне,— но родство далекое. По линии моей матери...»

Она скромно поджимает колени, стараясь не задеть нас. Леонид Брежнев разглядывает ее славянское лицо с легким отпечатком усталости. Ее акцент, по-видимому, классический, приятно воспринимается на слух.

Брежнев сразу же принимается пояснять:

— Я приехал Вас встречать в аэропорт вопреки мнению моего врача. Он запретил мне это делать. Вам, по всей вероятности, известно, что я в последнее время отказываюсь от визитов. Но я знаю, что Вы работаете над развитием добрых советско-французских отношений. Я не хотел бы, чтобы мое отсутствие было неверно интерпретировано. Вы наш друг.

Он отклонился назад, укутавшись в свое серое пальто. На лбу выступают капельки пота. Он вытирает его платком.

Я благодарю его. Использую банальные формулировки и сам же шокирован их плоскостью. Моя переводчица придает им тепло. Снаружи знакомые виды, парад берез.

Но вот Брежнев снова начинает говорить. Он произносит по-русски какую-то короткую фразу, не напрягая голос.

Переводчик воспроизводит эту фразу почти тем же голосом, равнодушным и спокойным:

«Должен признаться Вам, что я очень серьезно болен».

Я сдерживаю свое дыхание. Моментально представляю себе, какое впечатление произведет подобное сообщение, подхваченное всеми радиоволнами. Знает ли он, что западная печать каждый день поднимает вопрос о его здоровье, прикидывает, сколько месяцев ему осталось жить? И если только он сказал мне правду, то возникает вопрос о его способности продолжать осуществлять свою власть над необъятной советской империей.

Между тем он продолжает:

«Я скажу Вам, что у меня: по крайней мере, в чем мне признаются врачи! Вы, наверное, помните, что я страдал из-за своей челюсти. Вы, впрочем, заметили это в Рамбуйе. Это было мучительно. Меня очень хорошо лечили, и с этим теперь покончено».

В самом деле, кажется, что он приобрел нормальную дикцию, и щеки уже не такие припухлые. Но отчего вдруг подобное признание? Понимает ли он, чем рискует? Знает ли, что дословный пересказ того, что он только что поведал мне, или просто утечка этой информации будут для него губительны?

«Теперь все намного серьезнее. Меня облучают. Вы понимаете, что я хочу сказать. Порою это настолько изнурительно, что я вынужден прерывать лечение. Врачи утверждают, что есть надежда. Это здесь, в спине».

Он тяжело поворачивается.

«Они рассчитывают меня вылечить или по крайней мере стабилизировать болезнь. Впрочем, в моем возрасте и то, и другое хорошо!»

Он смеется, сощурив глаза под густыми бровями. Потом следуют какие-то детальные описания его лечения, которые я не способен запомнить.

Он кладет свою руку на мое колено — широкая рука с толстыми пальцами, изрубленными морщинами, сформированная целыми поколениями русских крестьян.

«Я вам это говорю, чтобы Вы лучше поняли обстановку. Но я непременно поправлюсь. Я крепкий малый!»

И вдруг неожиданно он меняет тон:

«Вы хорошо знаете президента Картера? Что Вы о нем думаете?»

Я отвечаю ему:

«Пока что я встречался с ним всего два раза. Он хорошо прорабатывает вопросы. У него не хватает опыта в международных проблемах, но он обладает способностью довольно быстро усваивать».

«Нет, не то. Я Вас спрашиваю, что он за человек. За кого он меня принимает?»

Брежнев горячится, сам себя заводит, кипит от ярости:

«Он без конца пишет мне письма; очень любезные письма. Но я не просил его мне их писать!»

Я говорю:

«Он мне тоже пишет. Он пишет Шмидту, пишет Каллагану. Похоже, что у него такая привычка».

Но Брежнев уже не слышит меня. Он продолжает раздраженно рассуждать сам с собой:

«И вот он шлет мне все эти письма. А затем, в конце недели, я узнаю, что он отправляется куда-нибудь на Средний Запад или в какой-нибудь университет. И тут он принимается меня оскорблять. Он обзывает меня так грубо, что я никак не могу этого стерпеть. Он полагает, что я не информирован. Но я получаю все его речи. Значит, он считает, что со мной можно так обходиться! Что же это за человек? За кого он себя принимает?»

Негодование через край. Я вижу, что он чувствует себя оскорбленным, обманутым. Ему, видимо, оскорбления менее привычны, чем нам. К тому же действительно этот бесконечный поток записочек и писем от Джимми Картера становится надоедливым.

Он уходит в себя. Его эмоции затухают. Мы подъезжаем к Москве. Он не станет со мной больше говорить вплоть до самого прибытия. Переводчики сидят молча, проявляя профессиональную сдержанность.

Я оказываюсь у того же входа в Кремль, тот же лифт, те же апартаменты, только на этот раз без Анны-Эмонны.

На следующий день мы проведем несколько бесед по конкретным проблемам, и я с удивлением отмечу, насколько точно он сохранил в своей памяти целые фразы из наших предшествующих встреч. Он никогда больше не вернется к вопросу о своем здоровье.

Перевела с французского
Наталья ДУБИНИНА.

Юлий Ким — поэт, драматург. Бард. Сказать «популярный» — ничего не сказать. В шестидесятые они были рядом — Визбор, Окуджава, Галич, Ким. Потом появился Ю. Михайлов — автор песен (часто на музыку Дашкевича и Гладкова) к фильмам «Бумбараш», «Двенадцать стульев», «Точка, точка, запятая», «Обыкновенное чудо»; спектаклям «Недоросль», «Клоп»... Псевдоним был скоро разгадан: та же, что у Кима, поэтическая манера, та же, всеми любимая интонация, все те же ирония и язвительная сатира, человечность и доброта.

Юлий Ким в своем предисловии к посмертной пластинке Юрия Визбора пишет о журналисте Алле Гербер, которая «первая, на страницах журнала «Юность» в начале шестидесятых, назвала тогдашних мальчиков с гитарами бардами и менестрелями». Первой написала она и о Киме. Прошло двадцать пять лет...

С ЮЛИЕМ КИМОМ БЕСЕДУЕТ АЛЛА ГЕРБЕР

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

МЫ СИДИМ НА КУХНЕ

— И снова, как раньше, как много лет назад, мы сидим с тобой на кухне. С чего же мы начнем? Может, с того, о чем дальше говорить не будем,— «когда мы были молодыми, как чудно жили мы тогда»...

Людей нашего поколения часто упрекают в сентиментальности, так что не будем ставить себя под удар. Хотя как не вспомнить мастерскую трех скульпторов Лемпорта, Сидура и Силиса, где мы познакомились, или первый вечер бардов в Политехническом, или Молодежное кафе на улице Горького, где все вы пели и где очень скоро «закрыли» песню...

Но не буду, иначе мы далеко уйдем. Я сейчас подумала, что теперь уже не помню, когда и как ты начал сочинять и петь.

— Я с детства писал стихи. В десять лет прославился в школе, сочинив оригинальные вирши про советских летчиков, Ленина и Сталина. Мастерство мое быстро росло — однажды я написал сочинение в стихах про что-то ударное, патриотическое. Потом, когда мы попали в Туркмению...

— Это каким же путем?

— Путем тридцать седьмого года. Отец мой был кореец, он работал в издательстве «Иностранный рабочий» — переводил Маркса с русского на корейский. Его арестовали. Отец, наверное, сразу погиб: десять лет без права переписки — это означало расстрел. Мама выжила. Между прочим, в ссылке она жила в поселке Батык, а мать Окуджавы неподалеку, в поселке Жарык — все тогда были недалеко друг от друга... Когда мама вернулась, кто-то нам посоветовал поехать в Туркмению, чтобы немного подкормиться. Помню, в Чарджоу, когда пересаживались с поезда на поезд, за пять рублей купили еды столько, что доесть не могли,— это, знаешь, на всю жизнь... Там, где мы потом жили, был парень Витька, он в музыкальной школе учился по классу баяна — очень я ему завидовал, играть хотелось до смерти. Играть и петь. У нас в семье все певучие были, и до сих пор, когда родня, кто в живых остался, собирается, обязательно поют. Ну, а дальше — институт, Юра Визбор, Юра Коваль, попевочки-посиделочки. Как сказал Давид Самойлов: «Кто — из двадцатых, кто — из тридцатых, все — из пятидесятишестых».

— Самое неожиданное, что мы, совсем еще молодые, утрамбованные сталинской идеологией, сквозь которую, казалось, не пробиться и жалкому ростку собственных мыслей и чувств, оказались готовыми к этому взрыву освобождения.

— Взрыв был очень сильный — почти в каждый дом, в каждую семью кто-то вернулся или не вернулся, и все узнали, что и умерщвленные, и выжившие ни в чем не виноваты. Это было как удар молнии. И тогда оказалось, что в нашем поколении накопилось столько эмоций, столько вольных мыслей! Когда грянул Двадцатый съезд, мы были уже готовы что-то сказать. Ведь самые первые песни Юра Визбор сочинил еще в пятьдесят первом году — туристские, лирические и уже вне казенщины. Однако главную правду нам сказали в пятьдесят шестом.

— Но скажи, разве сегодня мы такие же? Разве, прости за высокопарный стиль, наши души не в рубцах, наша совесть не износилась с тех пор от варварского с ней обращения? А в «застрельщиках» перестройки все те же неистребимые шестидесятники...

— Хороший был заряд, его хватило на двадцать лет! Поем до сих пор, никак не можем остановиться...

— Может, потому хватило, что с песней ничего не могли сделать запретители? Рукопись можно было арестовать. Самиздат — «не пущать». Песня, спасибо магнитофону, завоевывала пространство. Впервые в истории советской культуры массы приняли и сохранили искусство, официально не распропагандированное, не получившее визы на жительство.

— Не скажи. Пленки с песнями Галича изымались при всякого рода обысках и рассматривались как крамола. После шестьдесят восьмого года Галич не выступал на открытых площадках, его песня перешла в квартиры, и двери, как ты помнишь, плотно закрывались. Его исключили из Союза писателей, потом из Союза кинематографистов. Это был семьдесят первый, в семьдесят четвертом он уехал. Еще через три года мы потеряли Галича навсегда. Скажу тебе честно, я не надеялся, что его песни к нам вернутся. Ведь повседневное торжество идиотизма, несправедливости было во всех реалиях там, в его песнях.

— Недавно я получила на лекции в Алма-Ате записку: «Как случилось, что вы, шестидесятники, все проиграли?» Один «неформал» (кстати, умный, искренний и честный парень, полный справедливого гнева в адрес бюрократической «системы», которая не сдается) сказал мне: «Я ненавижу вашу юность в «Юности» за ваш лживый романтизм». Не один ли это из возможных ответов?

— Думаю, тот, кто обвиняет нас сегодня, называя лживыми романтиками, ошибается. Все, что писалось и говорилось тогда под общим девизом «Возьмемся за руки...», было абсолютно искренне. И заблуждались тоже искренне. Мы были ориентированы на правду, справедливость, на ту же самую гласность... Впереди создание, я уверен, многотомной истории российской общественной мысли в 60—70-е годы, без ее восстановления нам не двинуться дальше.

— А как рождалась эта мысль? Мы столько вечеров, ночей проговорили шепотом, боясь безмолвной телефонной трубки, а бывало, и тех, кто сидел с нами за одним столом.

— Да уж, едва начинался разговор, палец к губам, подушку на телефон, кивок на дверь — знаете, есть лучи, которые все насквозь просвечивают, лучше пойдем на балкон или, еще лучше, на улицу. Страх нас преследовал по пятам.

— Я ходила провожать выдворенных друзей, вроде спокойно, вроде так и надо, а в глубине души чувствовала себя героиней. А сколько раз вполне порядочные люди предупреждали меня: мол, доходишься, а другие жестко напоминали про сына, на которого мне, по-видимому, наплевать...

— И все-таки были смельчаки посмелее, ты уж прости. В том демократическом движении шестидесятых годов были разные люди, среди них некоторые занимали активно-яростную позицию. Сахаров в первую очередь. И те, кто подписывал самые первые письма против нарождающейся и бурно процветающей ресталинизации. Письма правительству, в которых делалась первая серьезная попытка обобщить и проанализировать пятнадцатилетие после Двадца-

того съезда. Попытки делали и раньше, но настоящий анализ, хорошо помню, появился в «письмах наверх» именно в эти годы — 1967—1968-е. Это целые тома.

— Сейчас по всей стране образовались всевозможные группы неформалов. Я ходила на их митинги. Даже названия неформальных групп уже о многом говорят: «Гражданское достоинство», «Общение», «Совесть».

— У нас ничего подобного быть не могло, потому что у нас были не группы, а компании. Компании друзей. Самым серьезным объединением был Сахаровский комитет, это, возможно, первое неформальное общественное объединение в стране, прообраз многих сегодняшних. Дальше в основном компании. Дальше их дело не шло. И не надо сейчас говорить, что именно они-то и подготовили перестройку. Не они и не бардовская песня. Перестройка началась сверху и получила активную поддержку интеллигенции, симпатию и поддержку народа, которому надоело так жить. Вот созревание, готовность принять перестройку барды готовили. И не только барды. Лучшие киношники, театральные режиссеры, литераторы. Деревенская проза Белова, Распутина, Астафьева, военная проза Некрасова, Быкова, Бакланова. И та литература, которую только сейчас мы начали печатать: «подподушечное чтение».

Но... «каждый умирал в одиночку» — вот что погубило общественное движение 60—70-х годов. Помнишь Дубну — чего там только не было!

— Еще бы не помнить — земля в те годы обетованная...

— Так ведь как быстро все кончилось!.. Вспомни, какие там устраивались концерты, выставки, кто только туда не приезжал... Но достаточно было цыкнуть — и все, финиш. Сразу и навсегда. Доктора, члены-корреспонденты, академики — все отступили, никто даже не пытался протестовать...

— То же самое и в Новосибирском академгородке. Я сама когда-то писала очерк «Страна Академия», а эта «страна» тут же отдала на растерзание свой духовный остров — кафе «Под интегралом», куда и ты, по-моему, тоже приезжал, и откуда началось наступление на бардовскую песню.

— Эффект страха — вот в чем разгадка. Эффект близкого, все разрушающего карательного органа, который не посчитается ни с чем... Когда сегодня Егор Яковлев на встрече в Союзе кинематографистов с горечью заметил, что «среди нас нет никого моложе сорока лет»,— мне тоже горько, если мы не смогли вооружить наших детей бесстрашием и ответственностью. До шестьдесят восьмого, ты знаешь, я работал в школе учителем. Еще при Хрущеве я старался возможно лучше просветить своих учеников по части нашей истории. И вот однажды один из них сказал мне: «Дайте нам спокойно сдать экзамены». Я был наказан по заслугам. Сколько раз я сам говорил им: «То, о чем я вам рассказываю, в сочинении не пишите». Вроде я был честен, ничего от них не скрывал, но, с другой стороны, какую нагрузку взваливал на их неокрепшие души своей правдой, которая обязывала к последующему вранью. Я теперь думаю: а может, для иной души лучше было предаваться обману, как вере — вере в Сталина, в сталинских соколов, в счастливое детство... Для верующих не было альтернативы — они рождались с именем Сталина на губах, с ним и умирали. Но мы-то после 56-го многое знали и понимали. Мы успели столько прочесть! Мы прозрели, и давно, а нас тыкали носом в черное и требовали говорить, что это — белое. Мы остались живы, но сколько из нас живых? Двумыслие, двуязычие... Вечный парадокс полупустого и полуполного стакана. Да, наполовину пуст, но, посуди сама, ведь одновременно наполовину полный. Нас всех не хватило на сопротивление, на единство: слишком еще близки были аресты, лагеря, через которые прошли наши родители.

— А как ты жил эти годы?..

— Вопрос не простой. Был такой момент, когда я понял, что подписывать письма в знак ли протеста, в знак ли солидарности, больше не могу, ибо одной рукой подписывал, а другой сочинял песни для театра, для спектакля «Недоросль», и сорок человек — актеров и рабочих — уже служили этому спектаклю. Я должен был сделать выбор. Если не считать Красный Крест (помощь репрессированным), то на этом моя общественная деятельность кончилась. Ну, а что касается творчества, то там, ты согласишься, я душой не кривил.

— Появилась ли у тебя сейчас потребность обратиться к социальной песне?

— Я не в стороне, но, понимаешь, хочется соответствовать времени на каком-то своем уровне, самому к чему-то прийти. Я много думаю, куда пойдет перестройка, и, знаешь, мне замерещился какой-то странный тип человека, который должен появиться в нашей жизни. Этот новый тип человека будет составлен из всего самого дорогого, что было в нас. Я так живо его себе представляю: в нем «гуляет» столько черт, знакомых мне с детства людей. Самая главная его отличительная черта — СВОБОДНЫЙ РОССИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК. Новый стиль Человека оформится и станет прочным противостоянием троглодитству во всех его выражениях, таких, как необразованность, холопство, хамство, бескультурье, агрессия. Стиль независимого духа, утверждающий достоинство каждого, неповторимость его личности, его индивидуальное лицо, не имеющее общего выражения. Но одновременно он сохранит дух товарищества. Дух, который нас всех спасал в годы реакции. Я давно мечтаю сочинить песню о московских кухнях, может, этот наш разговор приблизит меня к ней. Нынешнему поколению молодых предстоит переболеть роком, и тогда, я думаю, они вернутся к нам — сами ли запоют, или достанут наши старые песни, но так будет, вот увидишь, если доживем, конечно. Сейчас они «больны» роком...

— Сейчас они «больны» криком, точнее, необходимостью докричаться до нас, до себя, быть услышанными обществом, которое, столько времени, лживо утверждая, что дети — его единственный культ, плевало на этих детей. Они подросли и пусть с опозданием, но закричали: «Мы есть, мы думаем, чувствуем, мы хотим правды, нам надоела ваша тупая ложь, ваши сказки, ваши обещания... Нам все надоело, мы ждем перемен!» На премьере «АССЫ» я слушала выступления нескольких рок-ансамблей. Я заметила, что зал скучал, когда пели про то, чему они недавно бешено аплодировали,— про их «житуху́-полову́ху». Но достаточно было одной фразы социального протеста, и зал взрывался... В этом раскрепощении личности отводишь ли ты место бардовской песне? Не увяла она?

— Конечно, после тех имен, что выявились в шестидесятые, сегодняшним молодым трудно найти интонацию для выражения всего своего времени.

Но вот девушка Оля Качанова берет школьную гитару и с мужеством, которого и мы не знавали, поет о своем поколении. Но это уже начало совсем другого разговора.

Юлий КИМ

МОСКОВСКАЯ КУХНЯ

Чайхана, пирожковая-блинная,
Кабинет и азартный притон,
И приемная зала-гостиная,
По-старинному, значит — салон,
И кабак для заезжего ухаря,
И бездомному барду ночлег —
Одним словом, московская кухня:
10 метров на 100 человек!

. . . .

Да, бывало: пивали и гуливали.
Но не только стаканчиков для
Забегали, сидели-покуривали,
Вечерок до рассвета продля.
Чай, стихов при огарке моргающем
Перечитано-слушано всласть,
Чай, гитара Высоцкого с Галичем
Тоже здесь, а не где, завелась.

Чай да сахар да пища духовная,
Но еще с незапамятных пор
Найпервейшее дело кухонное —
Это русский ночной разговор,
Где все время по нитке таинственной,
От какого угла ни начни,
Все съезжается к теме единственной,
Словно к свечке, горящей в ночи:
— Россия — матерь чудная!
Куда? Откуда? Как?
Томленье беспробудное,
Рывки из мрака в мрак...
Труднее и извилистей
Найдутся ли пути?
Да как же столько вынести,
Чтоб сызнова нести?
О черные маруси!
О Потьма и Дальстрой!
О Господи Исусе!
О Александр Второй!
Который век — бессонная
Кухонная стряпня...
И я там был,
Мед-пиво пил,
И корм пошел в коня...

1988

В МАСТЕРСКОЙ СКУЛЬПТОРОВ

1

Держа прилежно кулачок у глаза,
Степенно — погодя, или небрежно — сразу
Вымалвливает мудрое чело:
«Своэобразно» или «Ннннничего».
Но глаз хотя и прет из кожи прочь,
Свое бельмо не может превозмочь,
Он болен суетой, как глаукомой.
Но как приятно позвонить знакомой:
«Да, был. Да, видел... Очень. О-очень! Оччч...»

2

Гляжу со смехом и любовью,
Без трепетных падений ниц
На каменное поголовье
Довольно знаменитых лиц.
Как буен этот подбородок!
Как пистолетен этот нос!
А вот булыжник: сколь он кроток,
Сколь он обмяк от вин и водок,
Сколь он щетиною оброс!
Миропомазанники божьи,
Вне пошлой суетной брони
По-настоящему похоже,
Красиво выглядят они.
Их разлучили с пьедесталом,
Их объявили матерьялом
Для цепких рук и точных глаз —
И хорошо! И в самый раз!

3

А великие небось ходят, щурятся.
Щурятся великие, хмурятся,
Думают: «У нас же не такие подбородки!
Это шарж, понимаем... конечно... но все-таки...»

1963

НУ, РЕБЯТА, ВСЕ!

Ну, ребята,— все, ребята:
Ходу нету нам назад:
Оборвалися канаты,
Тормоза не тормозят,
Вышла фига из кармана —
Тут же рухнули мосты,
А в условьях океана
Негде прятаться в кусты.

И дрожу я мелкой мышью
За себя и за семью:
Ой, что вижу!
Ой, что слышу!
Ой, что сам-то говорю!
Как намедни, на собранье,
Что я брякнул — не вернешь...
Вот что значит воздержанье!
Вот что значит невтерпеж!..

И я чую, как в сторонке
Востроглазые кроты
Знай фиксируют на пленке
Наши речи и черты,
Зубы точат, перья тупят,
Шьют дела и часа ждут,
И уж если он наступит,
Они сразу к нам придут.

И прищучат, и прижучат,
И ногами застучат,
Отовсюду поисключат
И повсюду заключат.
Встанешь с видом молодецким,
Обличишь неправый суд
И поедешь со Жванецким
Отбывать чего дадут.

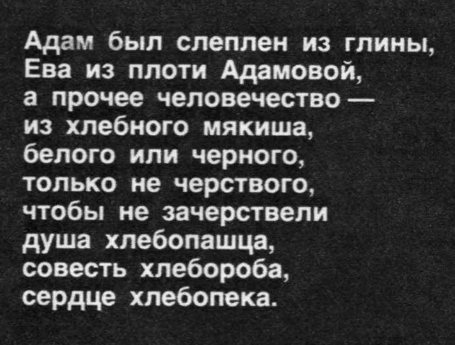
Ибо все же не захочешь
Плохо выглядеть в глазах.
Так что полностью схлопочешь.
Так что, братцы, дело швах...
Так что, хлопцы, нам обратно
Ветер ходу не дает —
Остается нам, ребята,
Только двигаться вперед...

1988

ФОТОКОНКУРС

Адам был слеплен из глины,
Ева из плоти Адамовой,
а прочее человечество —
из хлебного мякиша,
белого или черного,
только не черствого,
чтобы не зачерствели
душа хлебопашца,
совесть хлебороба,
сердце хлебопека.

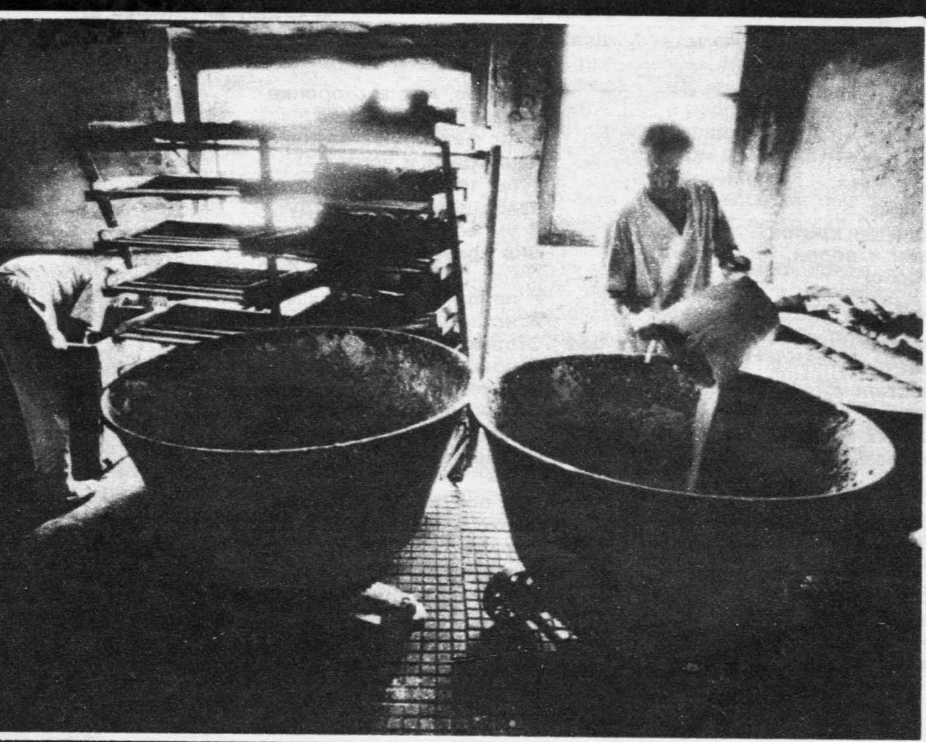
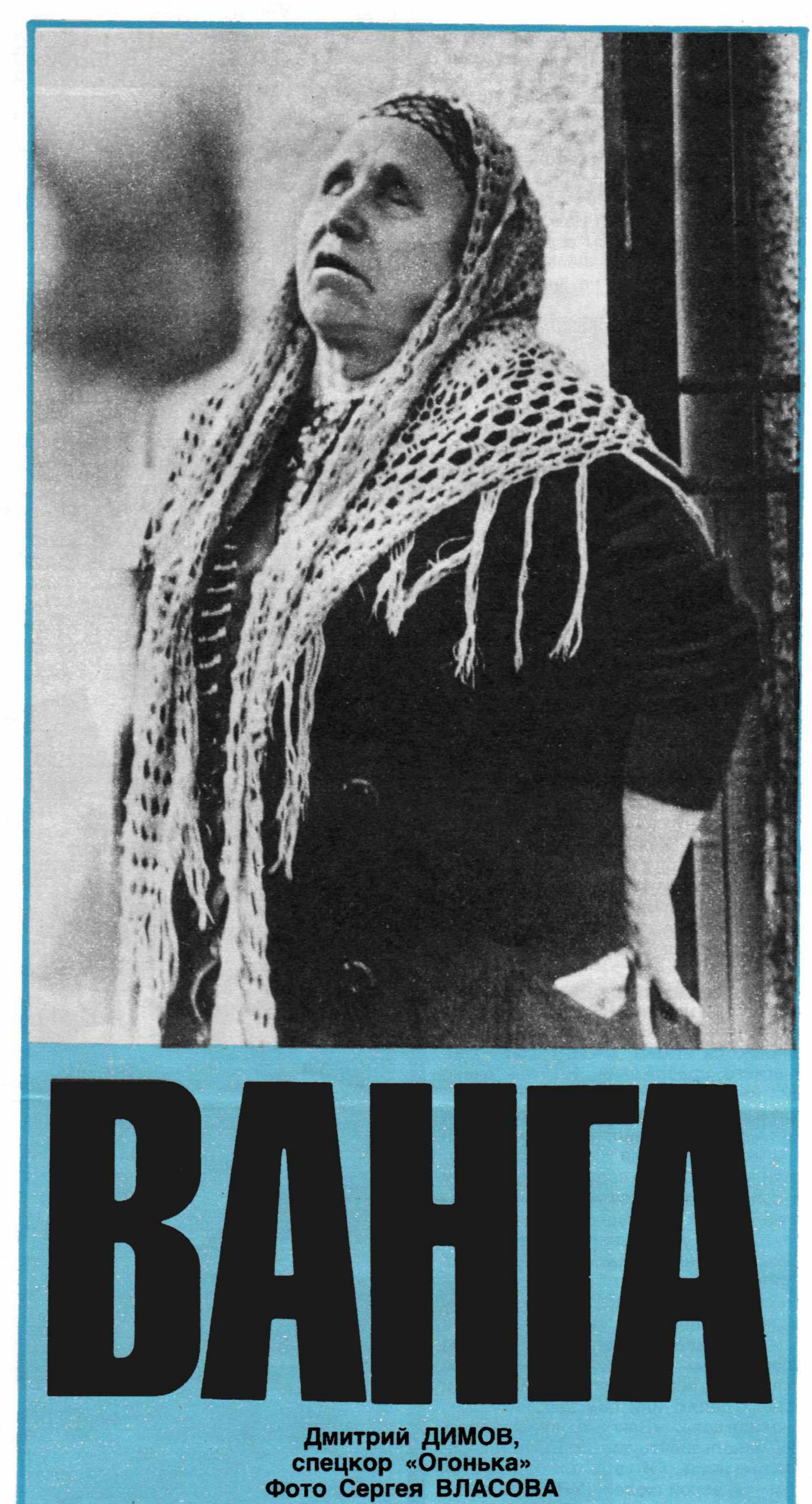

Фото Евгения АКСЕНОВА, Шахвалада АЙВАЗОВА, Евгения ЕПАНЧИНЦЕВА

ВАНГА

Дмитрий ДИМОВ,
спецкор «Огонька»
Фото Сергея ВЛАСОВА

В краю кроваво-лопающихся гранатов и черного винограда, где ночь напролет, схоронясь в листьях смоковы, рыдают жирные цикады, а летучие мыши, почуяв рассвет, с сухим шелестом пролетают над головой в свои сырые пещеры; в стране черепичных крыш и траурных объявлений, приклеенных клейстером к теплым камням жилищ, в пропыленном до кашля местечке Рупите, возле скал, за которыми уже Греция, живет она в окружении ядовитых змей, цесарок и целебных источников. И видит будущее.

Прежде ее звали Вангелия. Но с годами даже имя стало стариться и высыхать, покуда не превратилось, наконец, в Вангу...

— Хотел бы я с ней встретиться,— сказал бывший водитель рефрижератора Стоян, отхлебнув долгий глоток теплой ракии,— знаешь, дочка очень больна. Может быть, Ванга скажет, чем это кончится.

— И я, я тоже хочу поговорить с нею,— сказала Деси. Ей было восемнадцать лет. Она не поступила в институт. Очень любила английского певца Боя Джорджа и целыми днями торчала в кафе с софийскими панками.

— Тебе-то зачем? — недоуменно спросил бывший водитель рефрижератора Стоян,— ты еще совсем маленькая.

— Все равно. Кому не охота знать будущее,— сказала Деси и закурила свои любимые сигареты марки «Лаки Страйк».

— А вот я,— задумчиво произнесла Магда,— ни о чем не буду спрашивать Вангу. Двадцать лет тому назад она мне уже кое-что предсказала.

— Ну и как? — спросил я Магду.

— До сих пор так и не нашла себе мужа. Она предупреждала меня об этом. А ведь я была красива двадцать лет тому назад. Теперь, наверное, в это трудно поверить...

Так и сидели мы в болтливом кафе «Под старой чинарой», под черным небом древней Македонии и представляли, как оно будет утром, когда Ванга приоткроет скрипучую калитку в неведомое.

...За сорок с лишним лет она и сама превратилась в похожую на выцветший пергамент легенду. И теперь почти невозможно сказать наверняка, что в ее жизни было взаправду, а что — то ли привиделось, то ли придумалось верующими в Вангу людьми.

Вроде бы все началось в тот самый непогожий день, когда дети заметили в небе страшное облако. «Наверное, будет гроза»,— подумали дети. Но грозы все не было. Зато холодный ветрище остервенело обрывал с деревьев молодую листву, гнал по дороге клубы пыли, закручивался в тугие столбы, подступал все ближе и ближе, покуда не подхватил с собой семилетнюю девочку и понес ее в вышину. Там, в воющем чреве смерча она почувствовала, будто кто-то коснулся ее головы ладонью. И потеряла сознание. Очнулась уже на земле. Но то место на голове болело. И до сих пор болит, если к нему притронуться.

Вскоре после того случая Ванга ослепла. Родители определили ее в специальную школу — пусть хоть чему-нибудь выучится.

А в субботу пятого августа, кажется, это было после обеда, встал перед ней огромный незнакомый человек и сказал: «Завтра война начнется, и ты должна говорить людям, кто погибнет и кто выживет. Завтра война!» С тех пор и предсказывает.

«Я с мертвыми разговариваю,— объясняла Ванга в одном из своих интервью.— И когда впадаю в транс, то чувствую это сначала языком, потом мозгом, а потом и вовсе ничего не чувствую, все помимо меня. Но если мертвые чего-то не знают, тут слышится чужой далекий голос. Как по телефону. Когда громче, когда тише».

Как-то раз, молодая еще была, пришел к ней в дом мужичок. То ли корова у него потерялась, то ли отбилась от отары овца. Молит слезно: помоги, дескать, коли ты и впрямь все видишь. Что ж, дело несложное. Успокоила мужичка. Мол, не горюй, жива-здорова твоя пропажа, заплутала просто в лесу. А под конец добавила: дескать, ты скорей возвращайся, будешь мне супругом. День проходит, другой, третий. Приходит мужичок под вечер. Чуть не плачет. «Весь,— говорит,— я после твоих слов извелся и нету у меня, видно, иного выхода, как с тобой повенчаться». Поженились они. Да только вместе не жили. Спали порознь, по отдельности кормились, друг с дружкой почти что не разговаривали. Мужичок тот сделался вскоре затворником, запил горькую, да потом и помер. Такая вот история.

Впрочем, за сорок с лишним лет историй о Ванге накопилось великое множество: от жутковатых до самых забавных. Рассказывают, например, что однажды к ней пришли футбольные фанаты. Это было как раз накануне решающего матча в Благоевграде. И от того, как сыграет местная команда «Беласица», зависело ее положение в группе «А». Ванга велела испечь большой торт в форме футбольного поля, и городские кондитеры трудились над ним ночь напролет. А когда все было готово, взяла ножик и разрезала его пополам. Не знаю, это ли решило исход матча, однако счет и в самом деле оказался равным — ноль-ноль. В другой раз ясновидящая предсказала победу над левским «Спартаком».

Главный редактор литературного журнала «Пламя» Георгий Константинов, который к тому же является каким-то дальним родственником Ванги, божился передо мной, что сам был свидетелем ее предвидения. Дело было на свадьбе. В самый разгар торжества Ванга вдруг засобиралась домой. Георгий кинулся было искать ее шофера, которого всего два часа тому назад видел на улице, приглашал за стол, но тот отказался, сославшись на то, что все равно непьющий. Однако Ванга остановила его, объяснив, что искать бесполезно: шофер, дескать, валяется мертвецки пьян. И номер дома назвала, и квартиру. Сей момент снарядили спасательную экспедицию. Приехали по указанному адресу. «И что же ты думаешь? — восклицал Георгий.— В самом деле лежит голубчик уже тепленький. Он, оказывается, пока бродил возле ресторана, встретил своего старого армейского приятеля, с которым не виделся, быть может, лет двадцать. Ну и обмыли они это дело как следует. С непривычки его и развезло».

Но если все эти истории скорее смахивают на анекдоты и им при желании можно найти хоть какое-то объяснение: непьющий шофер мог предупредить свою незрячую пассажирку об отлучке, а по поводу футбольного матча у нее сработала обыкновенная интуиция, то некоторые из пророчеств Ванги простонапросто приводят в состояние шока. По ее словам, она предсказала поражение Германии в Великой Отечественной войне и чехословацкие события 1968 года, заранее предупредила дочь Первого секретаря ЦК БКП Людмилу Живкову о неминуемой автокатастрофе. Так оно и случилось на самом деле. Один из классиков советской литературы рассказывал мне, что в 1974 году Ванга посоветовала ему беречься огня. И вскоре огонь спалил дотла большую часть его бесценной библиотеки.

В гости к Ванге приезжали Сергей Михалков, Вячеслав Тихонов, Леонид Леонов и, по рассказам, даже один из советских руководителей эпохи застоя. Политики, писатели, ученые из многих стран мира едут к Ванге узнать про свое будущее. Но вовсе не они, а люди простые, провинциальные, месяцами выстаивают очереди на прием к ясновидящей. Только в семьдесят шестом году у Ванги побывало сто две тысячи человек. Сейчас меньше. Возраст не тот, да и здоровье пошаливает. С чем идут? Просьбы самые разные. Я видел осунувшегося железнодорожника с посеревшим лицом, у которого дома умирает жена, и он, оставив ее на попечение матери, пришел к Ванге пешком, одолев двадцать километров. Видел женщину, от которой неделю назад ушел муж, и старика, подергивающегося в приступе болезни Паркинсона, видел семью из югославского города Скопле и греков в траурных одеждах. Все они пришли, приехали сюда за последней надеждой, за тем спасительным для души словом, поверив в которое, можно жить дальше, проникнуть в будущее, уже не страшиться его, как прежде.

Все мы без исключения в минуты горестные нуждаемся в чьей-то поддержке и потому мне трудно упрекнуть хоть в чем-то стремящихся к Ванге людей. Видно, мало в жизни земной надежды, оттого и ищут ее в Запределье. Что же им остается еще?

Очнувшись от тревожного сна, она всякий день едет к заутрене в аккуратную, чистенькую церквушку и уж только потом начинает разговаривать с призраками. Обычно это бывает в субботу, в день, когда поминают усопших. Но и в будни они наведываются в ее дом. И хотя за долгие годы Ванга привыкла к призракам, как привыкла она к своим цесаркам и целебным источникам, бьющим из-под земли прямо за невысокой оградой, все же в последнее время все чаще они приносят с собой какую-то внутреннюю усталость. Хочется забыться и поскорее уснуть. А после обеда она может часами ковыряться в своем садике: окучивать бегонию или пересаживать в горшки пурпурную герань. Ближе к вечеру непременно переберет игрушки — всех этих набивных зайчат, кукол и тигров из искусственного меха, которых лелеет наподобие маленькой девочки и ревнует их к остальным детям и не любит детей, потому как думает, что они непременно разрушат весь ее кукольный мир. На ужин

Ванга может выпить рюмочку виски. Но совсем чуть-чуть. И именно виски. А перед сном сама заведет свой старый будильник. Хотя и не видит, во сколько ей завтра вставать.

Помимо призраков, в доме Ванги живет еще много разных людей — родственников и приживалок. Одни готовят пищу, другие наводят чистоту, третьи занимаются охраной и устанавливают порядок в очереди. Несколько лет тому назад Вангу взяли в оборот городские власти. Выделили специального человека. Положили зарплату в двести пятьдесят левов (раньше она получала с каждого посетителя по десятке, но теперь эти деньги перечисляются в местный бюджет), очередников опять же контролируют. От всех этих, так сказать, мероприятий слепая Ванга все отчетливее превращается в некую туристическую или этнографическую достопримечательность. И от этого както не по себе. Что-то теряется безвозвратно.

...Наутро, позавтракав черным кофе, двинулись в Рупите. Хорошая асфальтовая дорога обрывалась так же внезапно, как и начиналась — возле огромного, запрещающего проезд «кирпича», шлагбаума и стальной проволоки, опоясывающей два гектара прилегающей к дому земли. Тут же стояли какие-то люди и обшарпанный «фольксваген» с югославскими номерными знаками. Люди знали, что сегодня они уже не попадут на прием к Ванге. Но все равно продолжали чего-то ждать. Надеясь на чудо. Но чуда не было.

Сопровождающий вернулся только через полчаса.

— Она готова вас принять,— сказал сурово. И добавил:— Руки не подавать...

Казалось, она спит, пригревшись на лавочке под горячим солнцем, но лишь только мы сели напротив, заговорила, закричала даже — зычным, пронзительным голосом.

— Кто здесь на букву «эс»? — спросила Ванга.

— Я,— отозвался Стоян, переминавшийся с ноги на ногу в отдалении.

— Почему не принес мне подарок? Ты плохой человек. Вот стоит здесь твой племянник и очень ему за тебя стыдно.

— Он умер, баба Ванга, три месяца тому назад,— оторопело произнес Стоян.

— Да что я, не знаю разве?.. У него ведь что-то с кровью было, верно?

— Рак. Лейкемия.

— Вот-вот... Он тебя спрашивает: почему вы старую грушу спилили. И колодец весь заброшенный. Он так эту грушу любил.

Стоян опустился на скамейку и еще долго не мог совладать со своим голосом. И про грушу, и про колодец — все это была правда.

— Странно,— сказала Ванга,— сегодня не суббота, а так много мертвых.

Потом она рассказала Стояну про его семью, про то, что раньше он гонял машины на дальние расстояния и прежняя работа ему нравится больше нынешней; значит, надо увольняться; поведала про сослуживцев и их семьи, спросила про шефа, который несколько месяцев тому назад внезапно скончался во время командировки на Кубу, и про шрам на ноге спросила — где, мол, ударился? Бедный наш Стоян — бывший водитель рефрижератора — сидел ни жив ни мертв, лепетал в ответ Ванге что-то нескладное, а когда она закончила свои предсказания, еще часа полтора пребывал в какой-то прострации.

— Много куришь,— внезапно сказала мне Ванга.— У тебя неважные легкие. Надо с этим кончать. И еще. Два раза в год обязательно бывай в Ленинграде. Этот город тебя зовет.

— Ванга,— спросил я ее,— а как насчет нашей перестройки?

— Я политикой не занимаюсь...

Говорили мы долго. И о разном. Про то, как она общается с призраками, про прошлое ее и настоящее, про Джуну Давиташвили, которая сейчас путешествует по Югославии (вернувшись в Москву, я позвонил Джуне и узнал, что именно в тот день она находилась в Дубровнике), про то, что жена вот-вот получит учительский диплом (этого-то она уж никак не могла узнать). А в конце разговора я спросил Вангу про своего деда, который летом сорок первого пропал без вести в районе эстонской деревушки Канткола: не знает ли она, что с ним случилось.

— Могилы нет,— сказала Ванга.— Не ищите. Он по земле развеян.

Прикрыла руками незрячие глаза и прокричала:

— Уходите. Я устала. Хочу уснуть...

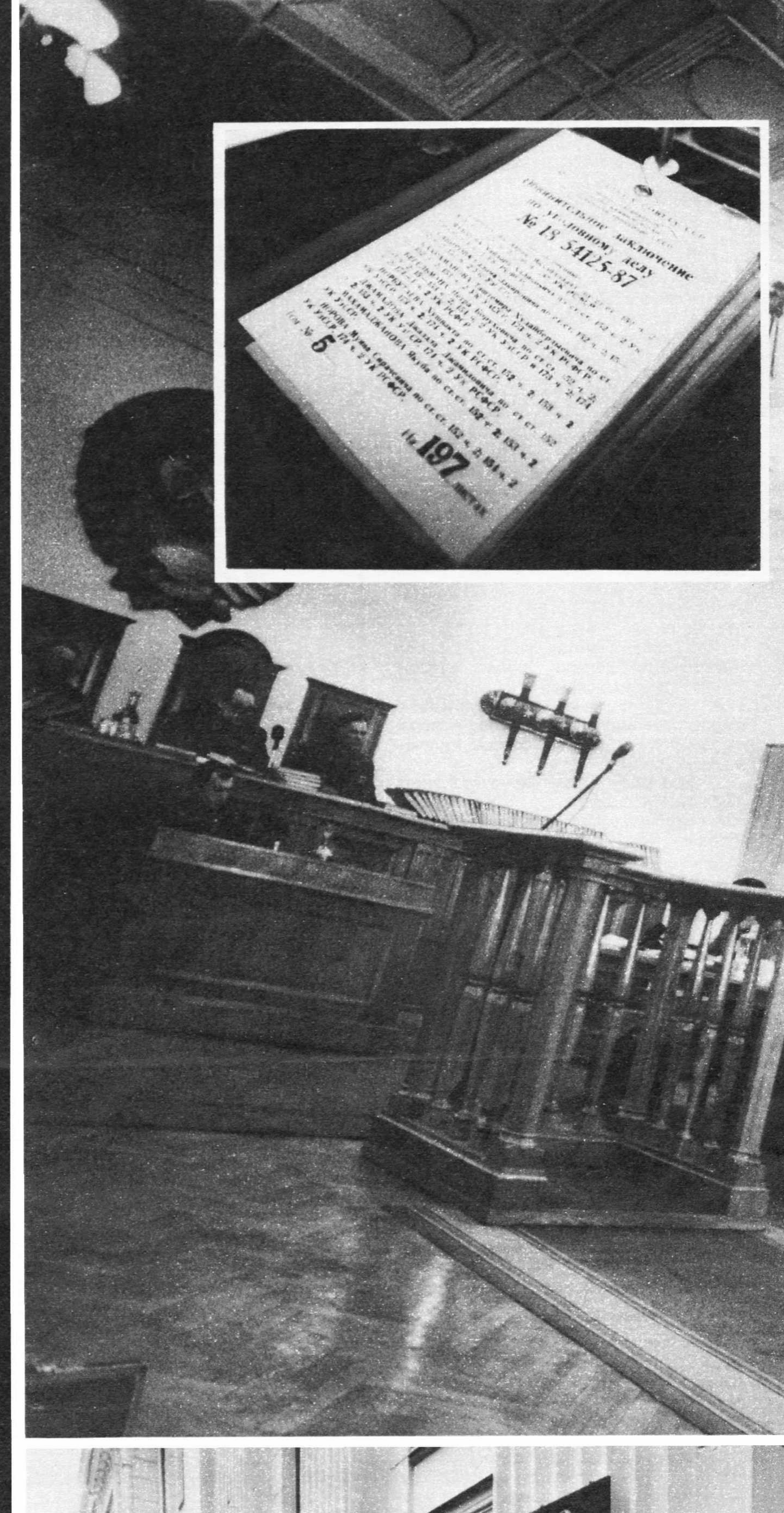
Признаюсь: довольно странные ощущения одолевали меня на обратном пути в Софию. Нет, шока не было. Казалось, что просто встретился с давнишним знакомым, который знает тебя как облупленного. Но как вспомнишь, что виделись мы с Вангой впервые, ничего она обо мне не знала и знать не могла, вот тут и находит невольная оторопь. Как? Почему? Каким образом известно ей подчас самое сокровенное, упрятанное в дальние закоулки души? Чем объяснить такое? Да и возможно ли объяснить вообще?

Научная общественность — прежде всего психиатры и психологи — занимаются феноменом Ванги достаточно давно. О ней выпущена книга в США, правда, говорят, что неудачная, кинорежиссер студии «Экран» Невена Тошева сняла о ней полнометражный документальный фильм, а профессор Георгий Лозанов провел масштабное социологическое исследование семи тысяч ее посетителей, доказывающее, что в семидесяти процентах случаев предсказания Ванги сбываются. Она занимает должность научного сотрудника АН НРБ. И вместе с тем в печати то и дело появляются статьи, мягко говоря, критического содержания. Не так давно один из ведущих болгарских специалистов в области психиатрии выступил по телевидению с заявлением о несостоятельности феномена Ванги. Им, в частности, выдвигалось предположение, что «незрячая предсказательница» располагает целой агентурной сетью, предназначенной для выведывания необходимой ей информации. Единственная в своем роде открытая дискуссия ученых о Ванге состоялась лет десять тому назад. Я видел ее в видеозаписи и не могу не привести здесь некоторые из прозвучавших тогда высказываний: «Или Ванга использует доверие людей в своих целях, или она действительно ясновидящая». «Ванга отлично научилась использовать свою память и сообразительность. И это стимулируется огромной верой людей». «В такой высокоразвитой стране, как Болгария, мы доходим до того, что устраиваем дискуссию о Ванге. Это какой-то национальный психоз и не имеет ничего общего с марксистско-ленинской философией». «Если она утверждает, что разговаривает с мертвыми и животными — значит, она больна». «Феномена Ванги не существует». «Пропаганда Ванги вредна». «Она выполняет важную социальную роль: делает людям добро, пробует им помочь». Подводя итог дискуссии, болгарский парапсихолог, профессор Никола Шипковенский высказал мнение, которое бытует в Болгарии и поныне: «Мы не можем доказать этого явления, но вместе с тем и не можем его отрицать».

...Вернувшись в Москву, я узнал, что моя тетка получила письмо от человека, бывшего вместе с дедом в том бою возле эстонской деревни Канткола. Он сообщил, что дед погиб от прямого попадания из немецкого танка. Хоронить не было возможности.

Не знаю. Понять не могу. На то, видно, и феномен.

Петрич — София — Москва

КОМА

КОМА — тяжелое патологическое состояние, характеризующееся глубоким расстройством сознания с отсутствием или резким ослаблением реакции организма на внешние раздражения.

Дмитрий ЛИХАНОВ
Лев ШЕРСТЕННИКОВ (фото)

**Москва. Кремль.
23 февраля 1959 года.**

Рано утром, тихо шурша автопокрышками, в ворота Спасской башни въехало несколько черных машин с номерными знаками английского посольства. В одной из них находился подтянутый сухопарый человек с жесткой щеточкой аккуратно подстриженных усов. Это был официальный гость Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева Премьер-Министр Великобритании Гарольд Макмиллан. За ним следовал министр иностранных дел Объединенного королевства Селвин Ллойд и английский посол в Москве сэр Патрик Райли.

В Кремле британскую делегацию уже ждал улыбчивый мужчина с ярко выраженными азиатскими чертами лица. Его звали Шараф Рашидов. В то время ему исполнился лишь только сорок один год. Но он уже занимал высокий государственный пост Председателя Президиума Верховного Совета Узбекистана и заместителя Председателя Президиума Верховного Совета страны.

Встреча прошла, как принято говорить, в духе взаимопонимания и делового сотрудничества. Об этом на следующий день сообщили центральные газеты.

Беседа Рашидова и Макмиллана, ко-

нечно же, не могла сыграть сколько-нибудь существенной роли в деле англо-советских отношений, да, видимо, и не была на это рассчитана. Скорее всего она носила сугубо протокольный характер. Однако для самого Шарафа Рашидовича встреча с английским премьером имела принципиально важное значение. И рукопожатие с Макмилланом, и Кремль, и официальные сообщения в печати — все это так или иначе работало на его политический престиж. А престиж Рашидову был нужен. Особенно в те февральские дни.

Досье.

Рашидов Шараф Рашидович родился 24 октября 1917 года в городе Джизак. После окончания Джизакского педагогического техникума работал преподавателем в средней школе. Через два года становится сначала ответственным секретарем, а затем заместителем редактора и редактором самаркандской областной газеты «Ленин Юлы». В 1941 году окончил филологический факультет Самаркандского госуниверситета. В том же году ушел на фронт, но вскоре возвратился в Узбекистан. С 1943 по 1944 год вновь занимал должность главного редактора областной газеты, а затем был назначен секретарем Самаркандского обкома партии. В 1947 году Шараф Рашидов переезжает в Ташкент, где ему поручено редактировать республиканскую партийную газету «Кзыл Узбекистон». В 1949 году его избирают председателем правления Союза писателей Узбекистана. К этому времени он уже оканчивает заочно Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) и в 1950 году становится Председателем Президиума Верховного Совета Узбекской ССР. Проработав в этой должности девять лет, он избирается первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана.

Узбекистан рапортует. На трибуне — Шараф Рашидов.

**Москва.
Большой театр Союза ССР.
24 февраля 1959 года.**

В этот холодный ветреный вечер на площади перед зданием Большого театра Союза ССР было не протолкнуться. То и дело к центральному подъезду подруливали такси и частные автомобили, из которых выходили красивые женщины в котиковых шубах и солидные мужчины в каракулевых «пирожках». Здесь же можно было встретить продрогших студентов, загорелых белозубых парней с востока и седовласых старцев в стеганых халатах—чапанах, ударников-орденоносцев и известных киноактеров, писателей, академиков, военных. Старательно отряхиваясь от мокрого снега, они проходили в фойе и протягивали контролерам свои именные приглашения.

За полчаса до начала праздничного концерта площадь и прилегающие к ней улицы были перекрыты для проезда транспорта. А вскоре к одному из служебных подъездов Большого в сопровождении охраны прибыл кортеж бронированных лимузинов. Через несколько минут под всполохи блицев и оглушительные аплодисменты в правительственной ложе появились Никита Сергеевич Хрущев и сопровождающие его лица: первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Микоян, секретари ЦК Аверкий Аристов и Екатерина Фурцева.

Начало пятьдесят девятого года Никита Сергеевич провел в напряженной работе. Совсем недавно завершил свою работу XXI съезд партии, на котором он выступил с докладом о контрольных цифрах развития народного хозяйства страны в грядущей семилетке. Только что он совершил две кратковременные поездки в Рязань и Тулу для вручения этим областям орденов Ленина, вот-вот должны были начаться выборы в местные Советы, близился официальный визит в ГДР, где предстояло обсудить наболевший вопрос о Западном Берлине.

Шараф Рашидов и Ядгар Насриддинова. Пока они вместе.

Но несмотря на это, Никита Сергеевич все же сумел выкроить свободный вечер, чтобы побывать на заключительном праздничном концерте Третьей декады искусства и литературы Узбекистана. Тем более, что посещение подобного рода мероприятий членами правительства стало чем-то вроде доброй традиции.

Как известно, Никита Сергеевич плохо разбирался в искусстве, а тем более в восточном. Десять дней назад на открытии декады он утомленно слушал оперу Мухтара Ашрафи «Дилором» в исполнении артистов Узбекского государственного театра оперы и балета имени Алишера Навои. Однако сегодняшний концерт ему понравился гораздо больше. Он с интересом смотрел народные узбекские танцы в исполнении ансамбля «Бахор» и адажио из «Маскарада» и уж совсем от души хлопал, когда солист филармонии Бахрам Мавлянов исполнил его любимую песню «Солнце низенько».

В конце праздника посланцы солнечной республики во главе с девяностолетним Юсупом Шакаржановым направились в правительственную ложу, чтобы вручить руководителям страны красивейший бухарский ковер с изображением Ленина, щедрые дары Узбекистана.

Среди тех, кто в эти мгновения стоял рядом с Первым секретарем ЦК КПСС, был и Шараф Рашидов. Он хлопал больше других, а его глаза излучали неподдельное счастье. Неподалеку можно было заметить еще одного человека, который сыграет в судьбе Рашидова, быть может, главную роль. Человек, с которым его свяжет многолетняя щедрая дружба. Этим человеком был пятидесятидвухлетний секретарь ЦК, член Президиума ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев.

Ташкент. 14 марта 1959 года.

Существует несколько версий относительно назначения Шарафа Рашидова на должность первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана. И все они тем или иным образом связаны с именем Хрущева. Но так ли это? Действительно ли инициатива о назначении Рашидова исходила непосредственно от Никиты Сергеевича?

После XXI съезда КПСС по непонятным причинам политические акции первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана С. К. Камалова стали стремительно падать. О делах республики изредка писала центральная печать, а декада искусства и литературы вопреки всем надеждам не смогла поправить пошатнувшегося положения первого секретаря.

Что касается кандидатуры Рашидова, то Хрущев плохо знал этого человека. Несколько раз они встречались в официальных поездках Никиты Сергеевича в Узбекистан, мельком виделись во время съездов и пленумов. Но даже тогда дистанция между Первым секретарем ЦК КПСС и представителем республиканских советов была достаточно велика.

Так или иначе, но 15 марта «Правда» поместила на своих страницах следующее сообщение: «14. Ташкент (корр.

«Правды»). Сегодня состоялся пленум ЦК КП Узбекистана. Пленум обсудил вопрос о серьезных недостатках и ошибках в работе бюро ЦК КП Узбекистана и его первого секретаря С. К. Камалова. Пленум освободил тов. Камалова от обязанностей первого секретаря ЦК и вывел его из состава бюро ЦК КП Узбекистана. Первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана избран Ш. Р. Рашидов».

Ферганская долина. Май 1960 года.

Эшелон все тащился и тащился на запад, медленно, лениво, то и дело останавливаясь у каждой стрелки и полустанка. Долина цвела терпко-душно. Ее пряные запахи лезли сквозь щели старого товарняка, обволакивали, вгоняли в дремоту. Но люди не спали. Где-то тихонько потренькивала рассохшаяся гитара, осторожно тянуло папиросным дымком, брякала порожняя фляжка и рыжий сержантик насвистывал «Рио-Риту».

Прошло чуть меньше суток, как части их полка снялись с места, погрузились в эшелон и двинулись бог весть знает куда по залитой солнцем долине. «Передислокация»,— сказало начальство. А спрашивать, куда и зачем, было как-то не принято. Вот так и ехали, и каждый думал о своем...

В который уж раз состав дернулся и остановился. Станция не станция — покосившаяся хибара, водокачка, подле которой щиплет пыльную траву вислобрюхий ишак, а рядом сухой, словно провяленный на солнце старик.

— Эй, отец, что за станция? — крикнул старику невысокий девятнадцатилетний солдатик.

— Узбекистон,— проговорил провяленный.— Узбекистон.

— Узбекистан, что ли? Ни разу здесь не был.

— Эй, Тельман,— одернул его рыжий сержант,— Гдлян, не высовывайся! — И вновь засвистел «Рио-Риту».

Материалы дела. Абдусалам Маматов — бывший первый секретарь Чиназского райкома партии:

«В январе 1961 года в Москве состоялся Пленум ЦК КПСС. Пленум проходил в Кремле. Я повестку дня Пленума не помню, но помню, что он был посвящен вопросам развития сельского хозяйства и животноводства. Я не являлся тогда ни членом, ни кандидатом в члены ЦК КПСС, однако был приглашен на Пленум как первый секретарь передового райкома партии. Перед поездкой в Москву мне позвонил первый секретарь Андижанского обкома партии Рахманкул Курбанов и сказал: «Не забывай, что в Москве будет много гостей и потребуются деньги». Я взял с собой 800 рублей. Когда начался Пленум, то в одном из перерывов на второй день работы Пленума меня пригласил Курбанов в кабину, где стояли телефоны «ВЧ». Когда мы зашли в кабину, то Курбанов закрыл за собой дверь и спрашивает меня: «Деньги привез?» Я ответил, что да. Он тогда потребовал у меня: «Дай сюда». Я вынул паспорт, забрал 500 рублей и отдал Курбанову».

Термез. Март 1964 года.

Лишь только он вошел в приемную, помощник поднялся со своего места, вытянулся по стойке «смирно».

— Хайдар Халикович, только что звонили из Ташкента. Просили вас срочно связаться с ЦК.

— Спасибо.

Он прошел в свой небольшой кабинет и сел к телефону. Отчего-то запотели ладони.

Начальник управления КГБ по Сурхандарьинской области подполковник Яхъяев, безусловно, ждал этого звонка из Ташкента. Разговоры о его новом назначении шли достаточно давно, несколько раз он ездил в ЦК на собеседования, отвозил необходимые документы, заполнял анкеты, но окончательного решения все не было. Он начал волноваться, нервничать, в голову лезли дурные мысли: быть может, на пост министра подыскали другую, более подходящую кандидатуру. Его успокаивали: нужно подождать, Хайдар Халикович, наберитесь терпения. И он ждал. Чего же ему оставалось делать. В глубине души, правда, он надеялся на высокую поддержку со стороны первого человека в республике Шарафа Рашидовича Рашидова. Ведь они были земляки, оба, хотя и в разное время, оканчивали филфак Самаркандского госуниверситета, чуть раньше работали на ответственной партийной и советской работе, в прошлом оба учительствовали, оба пишут стихи. Конечно, есть разница в возрасте и в занимаемом положении, но все же, может, он вспомнит.

Автоматика сработала быстро. Размеренный голос на том конце телефонного провода произнес долгожданные для подполковника Яхъяева слова:

— Хайдар Халикович, решение принято. Поздравляю. Срочно прилетайте в Ташкент.

Через несколько минут Хайдар Халикович Яхъяев вновь появился в приемной. Зайдя в кабинет начальником областного управления КГБ, он вышел из него министром охраны общественного порядка Узбекистана.

Щелоковы. Семейный портрет в интерьере.

Фото из архива Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Досье.

Яхъяев Хайдар Халикович родился 9 января 1927 года в городе Самарканде в семье кустаря-сапожника. Работать начал с пятнадцати лет. После окончания шестимесячных курсов учителей преподавал в начальных классах. С июля по август 1945 года занимал должность заведующего общим отделом Самаркандского райисполкома, а затем перешел на работу в органы государственной безопасности. Был контролером, а затем надзирателем тюрьмы. В 1948 году вступил в ряды КПСС. В 1959 году окончил заочно филологический факультет Самаркандского госуниверситета. С 1961 по 1964 год — начальник УКГБ при Совмине Узбекской ССР по Сурхандарьинской области. В марте 1964 года подполковник Яхъяев постановлением Президиума Верховного Совета Узбекской ССР назначен министром охраны общественного порядка, а с 1968 года — министром внутренних дел республики. С 1963 года — депутат Верховного Совета Узбекской ССР, с 1966 по 1979 год — избирался членом ЦК Компартии Узбекистана. В 1974 году вступил в Союз писателей СССР. Яхъяев имел тридцать поощрений по службе, награжден орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалями, почетными грамотами. В 1977 году ему присвоено звание заслуженный юрист Узбекской ССР. В 1970 году ему присвоено звание генерал-лейтенанта.

Москва. 21 ноября 1967 года.

Вечером Кремлевский Дворец съездов был переполнен людьми в милицейской форме. Сегодня здесь, в самом центре страны, советская милиция встречала свой полувековой юбилей. Обычно эта дата отмечалась сразу же после ноябрьских праздников — десятого числа. Однако в этом году в связи с торжествами, посвященными пятидесятилетию Октябрьской революции, юбилейные мероприятия органов внутренних дел решено было перенести. Но это ничуть не омрачало настроения собравшихся. Накануне Президиум Верховного Совета СССР учредил юбилейную медаль «50 лет советской милиции», и ею были награждены десятки сотрудников министерства: от начальников до участковых. «Правда» посвятила вопросам правопорядка свою передовую и очерк о работе Московского уголовного розыска. В этом же номере газеты было опубликовано интервью с министром охраны общественного порядка Николаем Анисимовичем Щелоковым. Это было второе интервью министра органу ЦК КПСС. Но если год назад Николай Анисимович ограничился общими словами и цитатой из Дзержинского, то теперь его выступление носило программный характер. «Время показало,— заявлял министр,— что в результате принятых партией и правительством мер... преступность в стране сократилась и продолжает сокращаться. В нашей стране есть все условия, чтобы полностью искоренить преступность и причины, ее порождающие». И хотя в этих словах чувствовалась немалая доля утопии, Щелокову верили. Он был достаточно молод и энергичен. За ним не тянулся хвост сталинских репрессий, он прошел всю войну в составе действующей армии, а не отсиживался по тылам, он был в конце концов соратником нового Генсека, а это тоже имело свое значение.

За год, проведенный в должности министра, он, правда, не мог еще в достаточной степени овладеть всей спецификой милицейского дела, однако десятилетия, отданные партийной и советской работе, сделали из него профессионального политика, стратега, прекрасно понимающего, когда нужно идти в наступление, а где будет лучше окопаться и выждать время для контрудара. Уже тогда Щелоков отлично видел, в каком просто-таки плачевном состоянии находится вверенное ему министерство.

Милиционеры, а рядовые в особенности, не были толком обучены, и при огромном объеме дел получали мизерную зарплату; техническое оснащение управлений внутренних дел находилось на уровне каменного века; не было даже приличного обмундирования, не говоря уже о современном криминалистическом и электронном оборудовании. Все это порождало катастрофическую текучесть кадров, грубость и непрофессионализм, а в конечном итоге подрывало авторитет МВД и самого министра.

Впрочем, помимо специфических, Николаю Анисимовичу предстояло решить еще одну, на сей раз политическую, задачу. Она заключалась в том, чтобы хоть как-то попытаться реабилитировать органы в глазах советского народа, который после разоблачения культа и суда над Берией готов был видеть в них скорее кровавую карательную машину, нежели защитника гражданских интересов трудящихся. Решить ее одним махом было невозможно. Николай Анисимович понимал это и потому готовился к упорной, изнурительной работе.

Досье.

Щелоков Николай Анисимович родился 13 ноября 1910 года на станции Алмазная Ворошиловградской области в семье металлурга.

После окончания Днепропетровского металлургического института работал инженером, а затем начальником цеха. В 1938 году назначен первым секретарем Красногвардейского райкома партии, а затем председателем Днепропетровского горисполкома. С 1941 по 1946 год находился на фронтах Великой Отечественной войны, после чего работал заместителем министра местной промышленности Украинской ССР. В 1951 году назначен на должность первого заместителя Предсовмина Молдавской ССР, затем был председателем СНХ республики, а с 1965 года — вторым секретарем ЦК Компартии Молдавии. С сентября 1966 года — министр охраны общественного порядка, а затем министр внутренних дел СССР.

Был награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Богдана Хмельницкого второй степени и Отечественной войны первой степени.

Член КПСС с 1931 года.

Генерал армии с 1976 года, доктор экономических наук, член ЦК КПСС с апреля 1968 года.

Самаркандская область. Осень 1969 года.

В этот день, как и всегда, заведующий хлопкозаготовительным пунктом Кучкар Умаров с утра уже был на работе. Дел было невпроворот. То и дело к заготпункту подъезжали груженные хлопчатником автомашины, сверялись накладные, сырец взвешивали, скирдовали в огромные белоснежные «сугробы».

Неподалеку от заготовительного пункта располагалось небольшое строение штаба. Время от времени здесь собирались руководители районного звена, пили чай, обсуждали ход заготовки хлопка-сырца. Но сегодня, может, оттого, что еще слишком рано, здесь было пусто, а над пиалами с недопитым чаем густо кружились мухи.

— Салам, уважаемый,— услышал Кучкар Умаров знакомый голос и обернулся.

Перед ним стоял начальник райотдела милиции Музаффар Алимов. Бережно взял за локоток, не спеша повел в сторонку. Разговор поначалу был са-

мый что ни на есть обыкновенный: про то, как идут дела, как выполняется план, нет ли каких-нибудь жалоб или неприятностей; поинтересовался здоровьем семьи. Слушал внимательно, то и дело согласно кивая головой, а в конце, как бы невзначай, спросил о Хайдаре, мол, хорошо ли себя чувствует, нравится ли ему работа.

По правде сказать, такой оборот разговора несколько удивил Кучкара Умарова. Действительно, с Хайдаром они были знакомы вот уже много лет; вместе работали в органах госбезопасности, крепко дружили семьями, да и теперь, когда Хайдар занял высокую должность в Ташкенте, их отношения не прекратились — время от времени перезванивались, посылали друг другу поздравительные открытки, а когда предоставлялась такая возможность, то и встречались. Но откуда об этом узнал Алимов и чего он в конце концов хочет — ведь неспроста же интересуется делами Хайдара Халиковича? Вскоре все прояснилось. Широко улыбаясь, Музаффар Садыкович говорил, что Хайдар Халикович — это гордость области, что он, как профессионал, глубоко уважает товарища Яхъяева, общение с ним — величайшая ценность, а потому можно только мечтать, чтобы хоть как-то поближе познакомиться с таким авторитетным человеком, так не окажет ли товарищ Умаров эту маленькую услугу?

Выбирать не приходилось. Как ни крути, а Музаффар Алимов был все же начальником, от него кое-что зависело в этом районе, да и познакомить его со старым приятелем и вправду — невелика услуга.

— Хорошо,— сказал Кучкар Умаров,— кончится сезон, поедем в Ташкент.

Материалы дела.

Курбанов Рахманкул Курбанович — бывший Председатель Совета Министров Узбекской ССР: «Осенью 1969 года были очень неблагоприятные погодные условия, и поэтому срывался план заготовок хлопка. Меня бюро ЦК Компартии Узбекистана командировало в Хорезмскую область для оказания необходимой помощи хозяйствам в заготовке хлопка. Вместе с первым секретарем обкома партии и председателем облисполкома мы объехали все районы области, побывали мы и в Хивинском районе, где первым секретарем работал Кадам Рахманов. Было видно, что Хивинский район систематически не выполняет план заготовок хлопка. На бюро обкома партии я выступил с резкой критикой Рахманова, назвав его «саботажником». Бюро приняло решение направить в Хивинский район председателя облисполкома для оказания практической помощи этим колхозам по выполнению задания бюро обкома. После заседания бюро обкома было проведено совещание с участием руководителей области, районов и колхозов, где обсуждали решение бюро. Я на этом совещании вновь критиковал Рахманова за плохую работу».

Ургенч. Декабрь 1969 года.

После заседания Предсовмина Узбекистана Рахманкул Курбанов и сопровождавшие его лица отправились поужинать в загородную резиденцию обкома. Поздно вечером сюда пришел человек, чье имя только что поминали недобрым словом на заседании бюро. Он знал, что после сегодняшнего инцидента почти все в его жизни зависит от Рахманкула Курбанова. Ведь не случайно говорил он своим друзьям: «Я любой ценой добьюсь, что Курбанов будет своим человеком». Этой ценой была взятка.

Термез. Декабрь 1969 года.

Вот уже целых пять лет Муин Сирачевич Норов занимал должность начальника управления внутренних дел Сурхандарьинского облисполкома, однако будущее не сулило ему сколько-нибудь ясных перспектив. Многие годы он работал на руководящих постах в Карши и Термезе, работал хорошо, не раз получал поощрения и благодарности, стал полковником, а потому вполне резонно задавался вопросами о своей дальнейшей судьбе. Муин Сирачевич, впрочем, прекрасно понимал, что масштабы Сурхандарьинской области не смогут обеспечить ему какой-либо рост, а тем более продвижение в звании, и потому в лучшем случае он закончит свою карьеру все в той же полковничьей должности, на том же скрипучем кресле начальника Сурхандарьинского УВД. Кому-нибудь, может, и это сгодилось, но только не Муину Сирачевичу. Правда, события последних месяцев вселяли в него некую долю оптимизма. Из Ташкента просочилась информация о намерении МВД увеличить число подразделений органов внутренних дел в Бухарской области. Это меняло многое: поднимало значение областной милиции и, следовательно, начальника УВД со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде звездочек, зарплаты и общественного веса. Должность начальника Бухарского УВД устраивала Муина Сирачевича еще и потому, что здесь жила его престарелая мать, много родственников и друзей, а быть к ним поближе ему уже очень давно хотелось.

Вот только загвоздка, самая главная — как в эту Бухару перебраться.

Помочь в таком щепетильном деле мог один-единственный человек, давнишний знакомый Норова Хайдар Халикович Яхъяев — министр внутренних дел.

— Ну что ж,— решил Муин Сирачевич,— значит, надо ехать в Ташкент.

Ташкент. Январь 1970 года.

В старый город они пришли уже под вечер. Долго плутали по его древним лабиринтам, покуда наконец не добрались до нужной улицы. Здесь, в доме под номером двадцать семь, вместе со своей семьей вот уже несколько лет жил министр внутренних дел республики Хайдар Яхъяев. Попросив своего спутника подождать немного на улице, Кучкар Умаров прошел во двор. Хайдар Халикович, на счастье, был дома. Обнялись, поцеловались. По глазам Кучкар понял: рад ака его внезапному визиту. Однако не удержался, спросил: зачем, мол, приехал — по делу или просто так? Оказалось, по делу. Тогда вкратце рассказал о недавнем разговоре с Алимовым, объяснил, почему не смог ему отказать. Хайдар Халикович рассмеялся незло: «Надо же, как нашел ключ ко мне. Тут только из уважения к тебе не сможешь его отвергнуть». И тут же распорядился охране впустить Алимова. Ступив за калитку, Музаффар Алимов увидел красивейший дом: налево в тихой глади бассейна отражалась луна, направо высилась прекрасная терраса.

И Музаффаром Садыковичем Алимовым овладело странное чувство. Он, начальник райотдела милиции, он, маленький человек, впервые шел в дом к самому министру. Казалось, он ослеп и оглох от этого нечаянного счастья, а потому не обратил ровно никакого внимания, когда, представляя его Яхъяеву, Кучкар Умаров как бы в шутку сказал: «Пусть среди твоих хороших будет один мой плохой друг». И все засмеялись.

Москва. Апрель 1970 года.

Дорога от гостиницы к министерству была недолгой — всего несколько кварталов пешком. Хайдар Халикович знал ее наизусть, а потому мог дойти сюда с закрытыми глазами. Вот и сегодня он не спеша брел по слякотной улице Горького до знакомого поворота на Огарева, с интересом поглядывая по сторонам на броско одетых интуристов и закутанных в серые одежды москвичей.

Постовой милиционер главного подъезда МВД СССР всего несколько секунд изучал служебное удостоверение министра Яхъяева, потом бодро козырнул — проходите, пожалуйста.

Почти весь день ушел у Хайдара Халиковича на решение всевозможных деловых вопросов: подписывал бумаги, выбивал лимиты, договаривался, настаивал, уговаривал. А ближе к вечеру направился в приемную министра внутренних дел СССР Николая Анисимовича Щелокова. Об этой встрече уговорились заранее.

Со Щелоковым Хайдар Халикович был знаком вот уже несколько лет, с тех самых пор, как того назначили союзным министром, однако тогда их отношения не выходили за рамки служебных. Некоторую теплоту они приобрели, пожалуй, только в шестьдесят восьмом, когда по пути из Казахстана Николай Анисимович заезжал в Ташкент. Человек он в ту пору был общительный, много рассказывал Яхъяеву о себе, о проблемах, стоящих перед министерством, словом, в результате тех бесед их взаимоотношения стали гораздо более доверительными.

Вот и на сей раз Николай Анисимович принял Яхъяева как стародавнего знакомого: вышел из-за стола, улыбнулся, крепко пожал руку.

Сначала говорили о делах, а потом, как водится, о разном.

Nota Bene! К тысяча девятьсот семидесятому году Николай Анисимович Щелоков уже значительно преуспел на своем высоком посту. Апрельский Пленум 1968 года перевел его из кандидатов в члены ЦК КПСС. Но главное было даже не это. Всего за четыре года Щелоков многое сделал для страны и самих органов. Все в том же шестьдесят восьмом ему удалось пробить совместное постановление ЦК и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему укреплению советской милиции», повысившее зарплату сотрудникам органов внутренних дел, особенно это оценили низовые сотрудники. В 1967 году, в связи с пятидесятилетием Октябрьской революции, при его непосредственном участии осуществлялась амнистия заключенных, а в 1969 году Николай Анисимович настоял и добился утверждения основ исправительно-трудового законодательства, благодаря которому права и обязанности осужденных приобретали теперь законный характер, а в системе ГУИТУ * меньше стало произвола и насилия, милиция год от года оснащалась все новыми техническими средствами, на службу органов была поставлена вертолетная авиация, готовились постановления и приказы, позволяющие приостановить текучесть кадров и наладить работу на самом современном уровне. Во всем этом была несомненная заслуга Щелокова.

Кроме того, Николай Анисимович уже успел несколько поднатореть в милицейской специфике, начинал понимать смысл оперативной работы, служб угрозыска и БХСС. Месяцы и годы делали свое дело. Щелоков становился профессионалом.

Хайдар Халикович Яхъяев был им уже давно. Прирожденный оперативник с многолетним стажем, он прекрасно помнил агентурные разработки, тактические схемы и клички преступников пятидесятых и даже сороковых годов. Он знал, как провести самую сложную операцию, как расставить министерские силы для выполнения той или иной задачи центра. Так что, когда касалось дела, Яхъяев был чрезвычайно напорист и работоспособен, и в такие дни сослуживцы часто видели Хайдара Халиковича засиживающимся в своем кабинете до двенадцати, а то и до часу ночи. Дело для него было прежде всего, а уж потом все остальное.

Вполне естественно, что поначалу Николая Анисимовича тянуло к таким людям, как Яхъяев. Он только овладевал азами новой для него профессии, а потому внимательно слушал, вникал, задумывался. У кого же еще ему было учиться, как ни у прошедших огонь и воду милицейских профессионалов.

Хайдар Халикович тоже тянулся к Щелокову. С одной стороны, ему льстило повышенное внимание министра внутренних дел СССР, возможность объяснить ему какие-то специфические понятия и ситуации. С другой же, он рассчитывал, благодаря персональной поддержке Николая Анисимовича, быстро, без проволочек, решать насущные вопросы своей «епархии». И это, надо сказать, ему удавалось. За время своего руководства Хайдар Халикович беспрепятственно и в необходимых количествах получал для министерства служебный транспорт, а в оперативно-технические отделы бесперебойно поступали технические новинки и дефицитные химикаты. МВД Узбекистана первым среди остальных министерств приобрело для своего ГАИ сорок новеньких «спидганов», были увеличены лимиты на поступление в Академию МВД СССР, а сотрудники всегда могли рассчитывать на хорошие путевки в ведомственные санатории и дома отдыха, вовремя решались кадровые вопросы. Что касается личного интереса, то и он, безусловно, присутствовал в действиях Хайдара Халиковича Яхъяева. Однако вот что занятно: этот, так называемый, личный интерес был для Яхъяева не чем иным, как следствием интереса общественного, сопутствовал ему и всегда находился где-то рядом. Проще говоря, вначале Хайдар Халикович делал дело, а уж затем получал за него медали и ордена.

Ташкент. 16 августа 1970 года.

Весь день и всю ночь, и весь следующий день, и всю следующую ночь на улице Султан-Джура царил траур. Женщины не переставали плакать даже, когда в небе всходила луна, и казалось, что это не осенние ручейки, а женские слезы журчат на разбитой дороге. Умер Ахмат Арипджанов — уважаемый человек. Небритые мужчины сидели возле покойного и время от времени перебрасывались ничего не значащими фразами. Ближе всех сидел к умершему его брат — сотрудник уголовного розыска Рахмат Юлдашев.

После того как родственники и знакомые семьи Арипджановых вернулись с кладбища, вдова покойного Муаттар подошла к Рахмату и передала ему сверток:

— Здесь около пяти тысяч. Возьми. Это воля Ахмата,— сказала она и вновь зарыдала.

* ГУИТУ — Главное управление исправительно-трудовых учреждений.

(Продолжение следует.)

А. АДАМОВИЧ

А. АЛОВА

А. АРОНОВ

А. БОЛОТИН

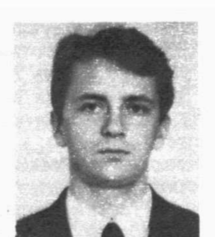

В. ВИГИЛЯНСКИЙ

Д. ВЫШЕМИРСКИЙ

Т. ГДЛЯН

Н. ИВАНОВ

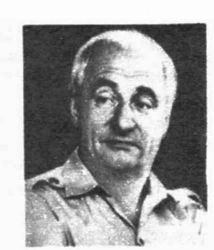

А. ГОЛОВКОВ

Д. ГУБИН

И. ДРУЦЭ

В. ЕРОФЕЕВ

Г. ЖЖЕНОВ

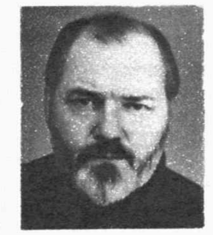

М. ЗАХАРОВ

И. ЗИЕДОНИС

Н. ИВАНОВА

А. КАМЕНСКИЙ

Д. САРАБЬЯНОВ

Ю. КАРЯКИН

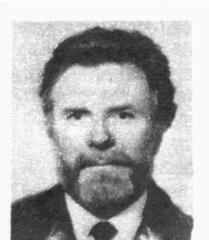

С. КУЗНЕЦОВА

И. ЛИСНЯНСКАЯ

Ю. ЛУШИН

Л. НИКИТИНСКИЙ

Г. НОВОЖИЛОВ

А. НУЙКИН

Л. ОВРУЦКИЙ

Н. ПЕТРАКОВ

С. ПЕТРУХИН

Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ

Г. ПОПОВ

С. РАССАДИН

Г. РОЖНОВ

Э. РЯЗАНОВ

В. СОКОЛОВ

Д. ФИРСОВА

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» ЗА 1988 ГОД

С. ХРУЩЕВ

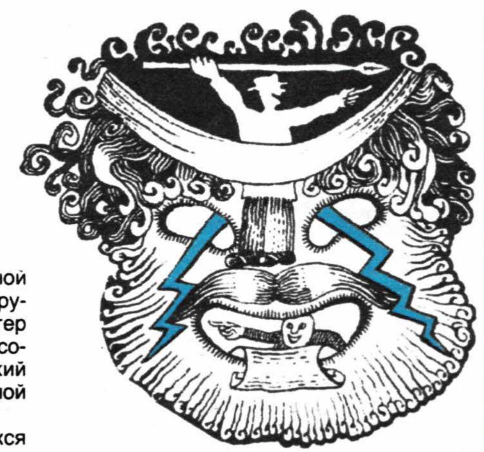

А. АДАМОВИЧ «Оглянись окрест!», статья (№ 39); А. АЛОВА «Больше социализма», круглый стол (№№ 12,14), «Жизнь при СПИДе», интервью (№ 28), «Отвержение и утверждение», интервью (№ 43); А. АРОНОВ «Остановиться, оглянуться...», стихи (№ 32); А. БОЛОТИН «Кто нам ломает крылья?», очерк (№ 25), «Вкус борьбы», очерк (№ 40); В. ВИГИЛЯНСКИЙ «Гражданская война» в литературе, или о том, как помочь читателю Льва Николаевича», статья (№ 43); Д. ВЫШЕМИРСКИЙ, серия фотографий (№ 46); Т. ГДЛЯН и Н. ИВАНОВ «Противостояние», очерк (№ 26); А. ГОЛОВКОВ «...Мир погибнет, если я остановлюсь», очерк (№ 19); Д. ГУБИН «Ивановский самиздат», статья (№ 24); И. ДРУЦЭ «Самаритянка», рассказ (№ 23); В. ЕРОФЕЕВ «Попугайчик», рассказ (№ 49); Г. ЖЖЕНОВ «Саночки», отрывок из воспоминаний (№ 15); М. ЗАХАРОВ «Проклятые вопросы», статья (№ 10); И. ЗИЕДОНИС «Небесные зерна», стихи (№ 14); Н. ИВАНОВА «От «врагов народа» к «врагам нации»?», статья (№ 36); А. КАМЕНСКИЙ, Д. САРАБЬЯНОВ, организация и ведение рубрики «Собрание русской живописи. XX век»; Ю. КАРЯКИН «Ждановская жидкость», или против очернительства», очерк (№ 19); С. КУЗНЕЦОВА «Русский венок», стихи (№ 18); И. ЛИСНЯНСКАЯ «Воздушный пласт», стихи (№ 27); Ю. ЛУШИН «Мертвая вода» (№ 35), «Миражи Арала», статьи (№ 41); Л. НИКИТИНСКИЙ «Беспредел», очерк (№ 32); Г. НОВОЖИЛОВ, иллюстрации к романам Грэма Грина «Человеческий фактор» (№№ 1—5) и Анатолия Рыбакова «Тридцать пятый и другие годы» (№№ 30—35); А. НУЙКИН «О цене слова и ценах на продукты», статья (№ 22); Л. ОВРУЦКИЙ «Цитаты для академика» (№ 11), «Не бросая тени на живых и не отнимая чести у мертвых» (№ 17), «До и после овации» (№ 36), статьи; Н. ПЕТРАКОВ «Товар и рынок», статья (№ 34); С. ПЕТРУХИН, фото к очеркам «...Мир погибнет, если я остановлюсь» (№ 19), «Стена» (№ 41); Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ «Такая девочка», рассказ (№ 40); Г. ПОПОВ «Побеседуем в духе гласности...», статья (№ 33); С. РАССАДИН «...Все разрешено?» (№ 13), «Все поделить?» (№ 20), статьи; Г. РОЖНОВ «Когда разомкнем круг?» (№ 24), «Закон суров...» (№ 41), «Я не прощаю, помня о былом...» (№ 49), очерки; Э. РЯЗАНОВ «Почему в эпоху гласности я ушел с телевидения?», статья (№ 14); В. СОКОЛОВ «Разные годы», стихи (№ 16); Д. ФИРСОВА, организация и подготовка воспоминаний М. Ромма «Четыре встречи с Хрущевым» (№ 28) и В. Микоши «Тяжкий путь прозрения» (№ 41); С. ХРУЩЕВ «Пенсионер союзного значения», воспоминания (№№ 40—43).

Как мы уже сообщали, денежное вознаграждение лауреаты премии «Огонька» 1988 года перечислили на счет № 700412 в Фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении.

«МЫ ЯЗВИМ»

Владимир КЛИМОВИЧ

ГОЛОС

Закончив обед, хозяин серебряной зубочисткой поковырялся в зубах, хрустящей крахмальной салфеткой вытер губы и прислушался к внутреннему состоянию. Изжоги не было. На всякий случай он выпил стакан минеральной воды и вышел на крыльцо.

Множество собак, расположившихся по всему двору, увидев хозяина, перестали чесаться, ловить блох и вылизываться. Виляя хвостами, тихонечко повизгивая, они окружили крыльцо, преданно смотря на хозяина. Заскрипела, открываясь, дверь в сарае, и оттуда появился управляющий. Ежесекундно кланяясь, он подобрался к крыльцу и преданно, как собака, глядя на хозяина сказал:

— Полаять бы надо собачкам. Разрешите?

— Ну, пусть полают,— благодушно разрешил хозяин.

Управляющий расправил грудь и командирским голосом крикнул:

— Голос!

Поджав хвосты, испуганные собаки стали расползаться по двору.

— Ишь ты, боятся,— так же благодушно заметил хозяин и ласково приказал: — Голос, голос.

Собаки остановились. Любимая собака хозяина негромко гавкнула и на всякий случай спряталась под крыльцо. Хозяин засмеялся. Собаки робко загавкали, а потом, осмелев, залаяли в полный голос. Им стали откликаться собаки с других дворов. И вся деревня ожила звуками: заблеяли овцы, замычали коровы, закукарекали петухи, закудахтали куры.

Бродячий пес, услышав лай хозяйских собак, на всякий случай закопал кость, которую он с большим трудом отнял у другой бродячей собаки, лег на нее, положил морду на передние лапы и стал ждать, что будет дальше.

«МЫ ВСПОМИНАЕМ»

Саша ЧЕРНЫЙ

НА СЛАВНОМ ПОСТУ

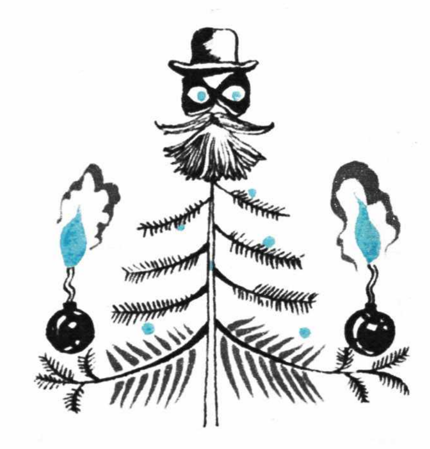
(Провинция)

Фельетонист взъерошенный
Засунул в рот перо.
На нем халат изношенный
И шляпа болеро...
Чем в следующем номере
Заполнить сотню строк?
Зимою жизнь в Житомире
Сонлива, как сурок.
Живет перепечатками
Газета-инвалид
И только опечатками
Порой развеселит.
Не трогай полицмейстера,
Духовных и крестьян,
Чиновников, брандмейстера,
Торговцев и дворян,
Султана, предводителя,
Толстого и Руссо,
Адама-прародителя
И даже Клемансо...
Ах, жизнь полна суровости,
Заплачешь над судьбой:
Единственные новости —
Парад и мордобой!
Фельетонист взъерошенный
Терзает болеро:
Парад — сюжет изношенный,
А мордобой — старо!

Аркадий АВЕРЧЕНКО

СНЕЖНЫЙ КОМ

Страшный рождественский рассказ

Бушевала буря, и в трубе выл ветер, когда два экспроприатора в масках ворвались в квартиру коллежского регистратора Многосемейнова.

Многосемейнов сидел за столом и писал:

— Жене подарок — 80 коп., детям подарков — на 42 копейки, гусь — 7 р. 40 к., поросенок — 12 р. 90 к...

— Ни с места! Руки вверх!! — загремели экспроприаторы.

Многосемейнов поднял на них мутные глаза и сказал:

— Возьмите меня, братцы, с собой в экспроприаторы!!

— Что ж, пойдем,— согласились экспроприаторы.

Пошли вместе. Через час ворвались в квартиру редактора большой прогрессивной газеты.

Редактор сидел за столом и считал на бумаге:

— Вчера заплатил 500 руб., да на прошлой неделе — 3000 руб., да завтра, вероятно...

Увидя экспроприаторов, он не испугался, а попросил:

— Возьмите и меня, ребята, в компанию...

Пришедшие вошли в его положение и взяли редактора с собой.

Через час четверо ворвались в номер приезжего одесского купца...

Купец сидел и писал:

— Прошу в смерти моей никого, кроме Т., не винить. Умираю от застоя одесской торговли...

Увидев экспроприаторов, обрадовался:

— Ребята! И я с вами...

Вошли в положение — взяли.

В городе теперь ходит ужасный слух, что в столице организовалась громадная шайка экспроприаторов, растущая не по дням, а по часам...

Отто НОВОЖИЛОВ (Минск)

«МЫ ГОВОРИМ»

● Сказали: так держать! А что держать — не сказали...

● Слово не воробей. И не попугай...

● Приметы времени: культ личности перешел в культ наличности...

● Прошу текст моего произведения считать подтекстом.

МЫ ИРОНИЗИРУЕМ

Лион ИЗМАЙЛОВ,
Валерий ЧУДОДЕЕВ

ВСЕ ПУТЁМ

Товарищи, я знаю, что надо делать. Грамотно, чтобы без шума и демократическим путем. В первую очередь как избавиться от этой газетенки бульварной? Как с ней? Вся страна возмущается, почему в Москве перестройка, а по всей стране ею и не пахнет. А потому, что эта газетенка только в Москве. Как двинуть перестройку в глубинку? А очень просто. Назначить главного редактора редактором газеты «Милейшие новости» где-нибудь на очень дальнем северо-востоке страны, и всю его редакцию туда же. Северным морским демократическим путем.

Теперь кто у нас на очереди? Драматург этот, которому в революции еще что-то там неясно и требуется ему, ишь ты, все дальше и дальше,— и так уже дальше некуда... А платить ему надо все меньше и меньше — тогда он сам от революции небось отстанет!

Еще МХАТ надо назад объединить, и пусть делом займутся, ставят там «Стряпуху на БАМе». И все будет путём. Железнодорожным.

Теперь с этими публицистами давай разберемся. Со всеми этими могильщиками развитого социализма. Вызвать их всех куда надо и спросить: «Дорогие товарищи, может, хватит забалтывать перестройку? Сколько можно кормить народ правдой о том, почему есть нечего? Толку от ваших статей никакого. Архангельский мужик как был один, так и остался. А взяли бы вилы, стали рядом, вот вам уже и бригада».

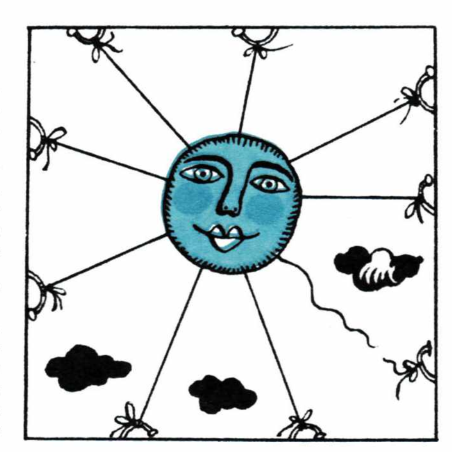
Теперь с этим экономистом, ну, с автором статьи «Авансы и долги», особый разговор. Статистика подсчитала, что на чтение этой статьи народ потратил 200 млн. человеко-часов рабочего времени. А это, между прочим, 2 млн. рублей, если считать, что мы производим в час на копейку; а если на две, то за это уже можно судить его, как за хищения в особо крупных размерах. Причем демократическим путем. Суд назвать товарищеским, а приговор к высшей мере — дружеским.

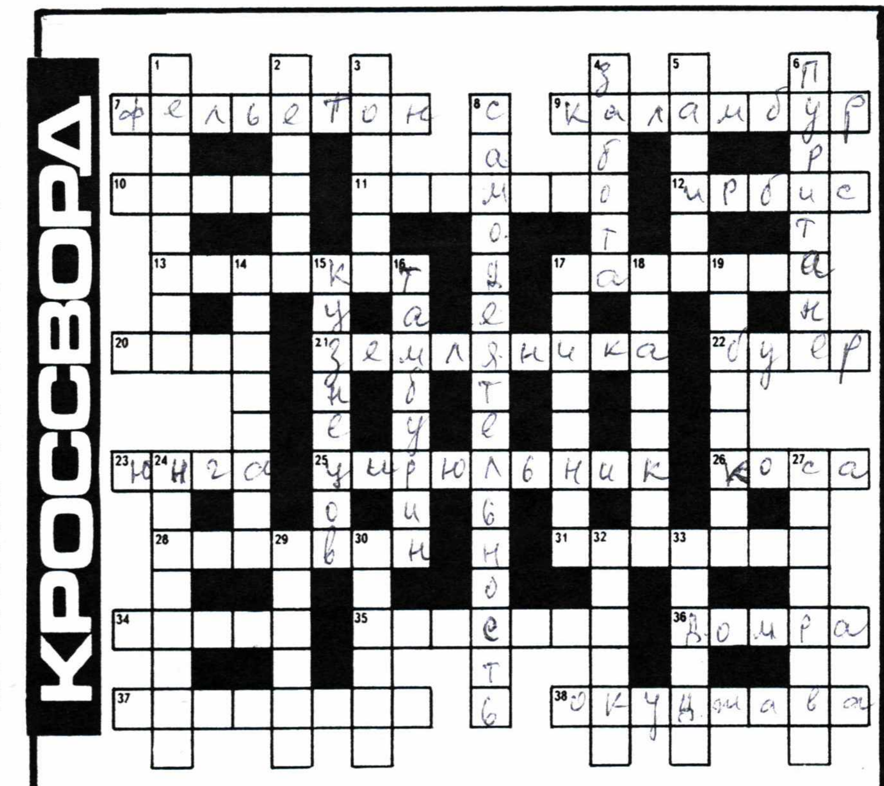
Теперь посложнее дела пойдут. Что делать с кооперативами? С этими нахальными ростками нашего прогрессивного будущего? А вот что! Объявляем им зеленую улицу. Больше кооперативов! Но чтобы государству выгода была, вводим прогрессивный налог. С первой сотни — 50, со второй — 60, с третьей — 70. Одним словом, тысячу заработал, получи на руки 120 чистыми. Вторую тысячу заработал, внеси 1200. Сегодня налог введем, завтра они сами разбегутся.

Теперь что с хозрасчетом делать? А вот что! У них какой расчет? 60 процентов госзаказ, сорок на рынок, а доходы между собой делить. А мы им — 100 процентов госзаказ. В интересах государства. Они кричат: «Мы после работы будем оставаться!» А мы им: «Шиш с маслом. Охрана здоровья трудящихся — в интересах народа». Они — тырк туда, а там — интересы государства, они — тырк сюда, а здесь — интересы народа. Они потыркаются и перестанут. Потому что у нас интересы народа прежде всего. А интересы государства превыше интересов любого народа.

Теперь как с выборами быть. Ведь они до чего додумались: выбирать из двоих и только на два срока. Ну, это вообще просто. Надо, чтобы те двое, которых выбирают, оба были наши. Проверенные люди. Не был, не состоял, не участвовал, ни в чем ни «бум-бум». А что на два срока, так кто же против? Ведь это два пожизненных срока! И все путём.

Вот так, если мы все вместе дружно возьмемся за перестройку, то скоро перед нами снова замаячит наше светлое будущее всего человечества.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Газетно-журнальный жанр с элементами сатиры и юмора. 9. Шутка, оборот речи, основанный на комическом обыгрывании словосочетаний. 10. Спортсмен. 11. Многократное быстрое повторение одного звука, двух созвучий в музыке. 12. Снежный барс. 13. Вторая степень числа. 17. Морская птица, гнездящаяся на скалах, образуя птичьи базары. 20. Новогодний рассказ А. П. Чехова. 21. Действующее лицо в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». 22. Специальная легкая конструкция с парусом на коньках для спортивных гонок по льду. 23. Подросток на судне, обучающийся морскому делу. 25. Профессия Фигаро в комической опере Д. Россини. 26. Сплетенные пряди волос. 28. Советский писатель, автор записок «Календарь природы». 31. Город в Калужской области. 34. Украинская академическая хоровая капелла. 35. Древнегреческая эпическая поэма. 36. Русский струнный инструмент. 37. Альпийская фиалка. 38. Советский поэт, исполняющий свои стихи под гитару.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Большой круг небесной сферы. 2. Электронная лампа. 3. Ораторская трибуна на форуме в Древнем Риме. 4. Внимание, попечение, уход. 5. Спортивное оружие. 6. Опера В. Беллини. 8. Непрофессиональные театрально-художественные выступления. 14. Кинорежиссер и оператор, народный артист СССР. 15. Советский спортсмен, двукратный олимпийский чемпион по классической борьбе. 16. Небольшой цилиндрический барабан. 17. Народный артист СССР, выступавший в Театре имени Вахтангова. 18. Запоминающая электронно-лучевая трубка, применяемая для преобразования изображения. 19. Русский художник, воссоздававший в картинах старинный быт Москвы. 24. Радиоактивный химический элемент. 27. Героиня фильма «Член правительства». 29. Фигура в гимнастике. 30. Декоративное тропическое вьющееся растение. 32. Курорт в Киевской области. 33. Сплавная река в Забайкалье.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Перспектива. 5. Здравица. 7. Премьера. 9. Арча. 10. Алябьев. 12. Арфа. 15. Яблоня. 17. Оляпка. 19. Остроумие. 20. Ракета. 22. Крымск. 24. Илек. 26. Исламей. 27. Поло. 28. Стандарт. 29. Сценарий. 30. Эквилибрист.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Птаха. 2. Сицилия. 3. «Торпедо». 4. Альма. 6. Дарья. 8. Рифма. 11. Буффонада. 13. «Соловей». 14. «Ряженые». 16. Белка. 18. Колос. 20. Рулет. 21. Ассорти. 22. Крейцер. 23. Колли. 25. Каноэ. 27. Плавт.

«МЫ ПИШЕМ»

Константин МЕЛИХАН (Ленинград)

ИЗ ЗАПИСОК ДЖЕНТЛЬМЕНА

- **Настоящий джентльмен благодарит врача до операции, иначе он может не успеть его отблагодарить.**
- **Настоящий джентльмен говорит даме утром то же самое, что говорил ей вечером.**
- **Настоящий джентльмен всегда уступит свое место, чтобы занять лучшее.**
- **Если джентльмен подарил жене цветы, значит, его дама не пришла на свидание.**
- **Если джентльмен пообещал даме драгоценности, значит, он должен их ей вернуть**
- **Видеофильм не будет казаться старым, если дама с тобой каждый раз будет новая.**
- **Джентльмен знает, как себя вести, а донжуан знает, как вести к себе.**

Подобрал материал Игорь ДВИНСКИЙ,
рисовал Виктор КОВАЛЬ.

ЛАУРЕАТ — В ШЕСТОЙ РАЗ!

Тридцать лет назад кому-то из огоньковцев старшего поколения пришла в голову счастливая мысль — отмечать наградой нашего журнала игру вратаря высшей лиги, успешнее своих соперников сыгравшего в сезоне. Наиболее часто гравер чертил на хрустальных вазах и мячах фамилию неизменного стража спартаковских ворот последних одиннадцати лет и вратаря сборной СССР Рината Дасаева — шесть раз! И эта очередная награда совпала с признанием его лучшим вратарем мира в 1988 году.

Обычно «Огонек» вручает свой приз на стадионах или во Дворцах спорта при тысячах и десятках тысяч болельщиков. На этот раз было сделано исключение. Причина, считаем, вполне уважительная. Лауреат нашего приза, прилетевший на несколько дней в Москву из испанской «Севильи», вконец измотанный беготней за предновогодними подарками для жены и дочурки и другими предотъездными хлопотами, выкроил все-таки часполтора для того, чтобы быть гостем «Огонька» вместе с начальником команды «Спартак» Н. П. Старостиным.

Во время встречи и беседы в конференц-зале редакции главный редактор журнала В. А. Коротич вручил Ринату огоньковский приз.

— Для меня это памятный новогодний подарок,— сказал прославленный вратарь.

Для нас же, огоньковцев, встреча в предновогодье с рыцарями футбола, заслуженными мастерами спорта Н. П. Старостиным и Ринатом Дасаевым тоже останется в памяти какой-то особой сердечностью и теплотой.

Беседу с Ринатом Дасаевым наши читатели прочтут в одном из ближайших номеров журнала.

Фото Анатолия БОЧИНИНА

ОГОНЁК

Со снегами белыми, морозцами крепкими, метелями вьюжными русская зима-зимушка пришла, сугробами пушистыми рассыпалась. А с ней и Новый год пожаловал — развеселый праздник с ярмарками, шутками, прибаутками, плясками да затейливыми коробейниками. А в коробах — новогодние подарки на всякий вкус, выбирай — не хочу!

Фото Алексея ДИТЯКИНА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663